ГОТОВЯТСЯ КЪ ПЕЧАТИ
СЛѢДУЮЩІЯ ИЗДАНІЯ:

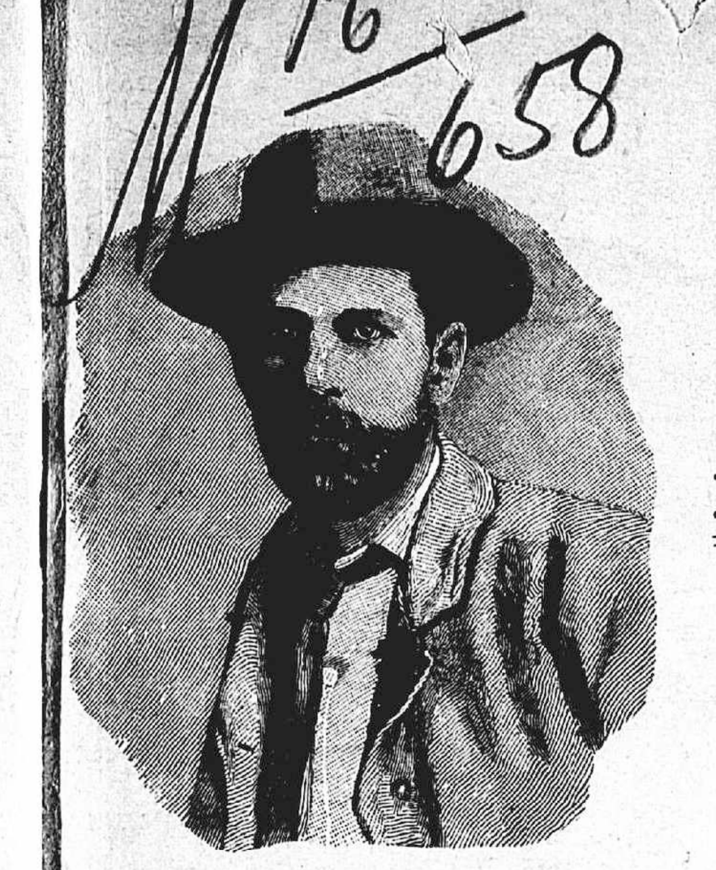
Ив. Наживинъ.

Мене... тэкэлъ... фаресъ...

РОМАНЪ.

«Что такое „сектанты" и чего они хотятъ?»

сборникъ очерковъ разныхъ авторовъ, съ предисловіемъ **Ив. Фед. Наживина.**

Эд. Карпентеръ.

Цивилизація, ея причина и излеченіе

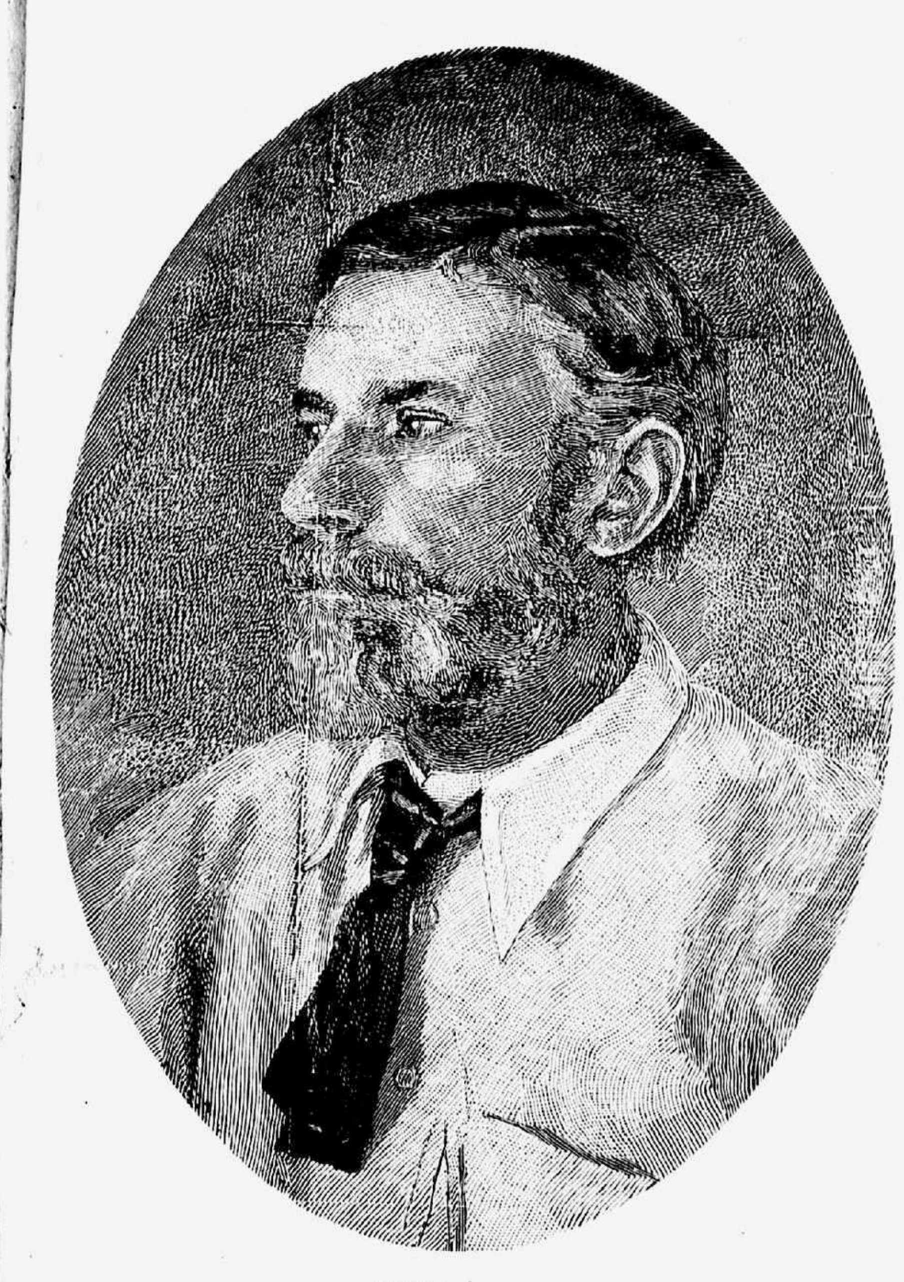
И ДРУГІЯ СТАТЬИ.

ИЗДАНІЕ
Ив. Фед. Наживина.

Тип. „Трудъ и Польза“. Спб. Садовая, 32-1.

(1900 г.).

Эдуардъ Карпентеръ.

(Біографическій очеркъ) *).

Эд. Карпентеръ родился въ Брайтонѣ (Англія) въ 1844 г., образованіе получилъ въ Кэмбриджскомъ университетѣ, при которомъ и былъ оставленъ по окончаніи курса. Однако, пропитанная клерикализмомъ, жизнь Кэмбриджа оказалась слишкомъ душной для Карпентера, онъ долженъ былъ, по его словамъ, или задохнуться, или уйти. Въ 1873 г. онъ разстался съ университетомъ и слѣдующіе семь лѣтъ отдалъ движенію University Extension, читая лекціи по астрономіи, физикѣ, музыкѣ и т. п. Но его все болѣе и болѣе влекло писать и вотъ, въ 1881 г., онъ оставляетъ свои лекціи, строитъ себѣ самъ деревянный домикъ, въ саду, вблизи Шеффильда и принимается за «Towards Democracy»,

*) Біографическія данныя заимствованы у *T. Swan*,—„Ed. Carpenter, the Man and his message“, Manchester, 1902.

произведеніе, считающееся его chef d'oeuvre'омъ, которое и появляется въ печати въ 1883 г. Въ этомъ же году Карпентеръ пріобрѣтаетъ небольшой, въ 7 акр., клочекъ земли и съ помощью двухъ друзей рабочихъ принимается за его воздѣлываніе. Все свое время въ теченіе слѣдующихъ семи или восьми лѣтъ онъ проводитъ съ рабочими Шеффильда и его окрестностей, раздѣляя всѣ ихъ радости, горести и труды. Соціалистическое движеніе захватываетъ его и онъ принимаетъ дѣятельное участіе въ пропагандѣ, произнося рѣчи на уличныхъ перекресткахъ, читая лекціи въ Шеффильдѣ и другихъ городахъ сѣверной Англіи, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Карпентеръ не оставляетъ и своей фермы, ходитъ за скотомъ, возитъ камни, навозъ, уголь, копаетъ, садитъ, поливаетъ... Около 1886 г., по образцу, высланному изъ Индіи, онъ начинаетъ выдѣлывать для себя и своихъ друзей сандаліи; впослѣдствіи это дѣло развилось и достигло значительныхъ размѣровъ; теперь оно перешло къ другому лицу.

Результатомъ этой новой, простой жизни была книга «Идеалъ Англіи», появившаяся въ 1887 г.; въ 1889 г. за ней послѣдовало новое замѣчательное произведеніе: «Цивилизація, ея причина и излеченіе».

Еще въ 1877 г. Карпентеръ совершилъ путешествіе въ Соединенные Штаты, главнымъ образомъ, чтобы повидаться съ извѣстнымъ американскимъ поэтомъ Whitman'омъ, котораго онъ такъ часто съ любовью цитируетъ въ своихъ произведеніяхъ. Въ 1884 г. онъ повторилъ это путешествіе, опять видѣлся съ «добрымъ, сѣдымъ поэтомъ», посѣтилъ Ральфа Эмерсона, извѣстнаго автора цѣлаго ряда превосходныхъ произведеній *), и др., а въ 1890 г. отправился на Востокъ, гдѣ и провелъ около года въ наблюденіяхъ надъ чуждой жизнью и въ общеніи съ индійскими мудрецами, привлекая къ себѣ сердца всѣхъ, отъ загнаннаго паріи до блистательнаго раджи. Результатомъ этого путешествія была книга «Отъ пика Адама до Элефанты» (From Adam's Peak to Elephanta), появившаяся въ 1892 г., за которой вскорѣ послѣдовали Angel's Wings» (Крылья ангела), очерки по искусству и музыкѣ и о ихъ значеніи въ жизни, «Love's Coming of Age», развивающее взгляды автора на половой вопросъ, женщину бракъ и пр., «Іолай», антологія дружбы, «Пѣсни труда», сборникъ пѣсенъ для народа, и другія...

Говорить о достоинствахъ произведеній этого замѣчательнаго мыслителя и человѣка я считаю совершенно излишнимъ: онѣ сами говорятъ за себя. Если онѣ и не пользуются еще тѣмъ успѣхомъ (хотя и выдержали по нѣсколько изданій)

*) На русскій языкъ переведены многія изъ нихъ, — между прочимъ, „Высшая душа", „О довѣріи къ себѣ" (изд. „Посредника").

какого заслуживали бы, то несомнѣнно причиной этому то, что Карпентеръ, въ числѣ очень немногихъ, идетъ не за вѣкомъ, а противъ него, не подчиняется грубому, обездушивающему вліянію модныхъ матеріалистическихъ ученій, а смѣло, дерзко, всѣми силами своей живой, прекрасной души возстаетъ и борется съ ними...

Л. Н. Толстой считаетъ Карпентера продолжателемъ Джона Рэскина и высоко цѣнитъ его произведенія; нѣкоторые отрывки изъ нихъ взяты имъ для своего «Круга чтенія», сборника мыслей и афоризмовъ мудрыхъ людей всѣхъ временъ и народовъ.

Августъ 1905. **Ив. Наживинъ.**

Цивилизація, ея причина и излеченіе.

Дружелюбный и мягкій дикарь — кто онъ? Ожидаетъ ли онъ или цивилизацію перешагнулъ черезъ нее и торжествуетъ надъ ней?—Whitmann.

Мы переживаемъ теперь нѣсколько странное состояніе, которое мы называемъ цивилизацiей и которое даже людямъ, настроеннымъ наиболѣе оптимистически, кажется желательнымъ далеко не во всемъ его объемѣ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣкоторые изъ насъ склонны думать, что это нѣчто вродѣ болѣзни, которой неизбѣжно должно переболѣть человѣчество, какъ дѣти болѣютъ корью или коклюшемъ. Но, если это болѣзнь, необходимо замѣтить, что въ то время, какъ исторія разсказываетъ намъ о многихъ націяхъ, которыя подверглись ей, о многихъ, которыя погибли отъ нея, и о нѣкоторыхъ, которыя и теперь

еще въ ея мукахъ, мы не знаемъ ни единаго случая выздоровленія націи и ея перехода къ болѣе здоровому и нормальному состоянію. Другими словами, развитіе человѣческаго общества, насколько намъ извѣстно, ни разу еще не переступило нѣкоторой опредѣленной и, повидимому, заключительной стадіи въ процессѣ, который мы зовемъ цивилизаціей; на этой стадіи оно или погибало, или останавливалось.

Конечно, можетъ сперва показаться черезчуръ оригинальнымъ употреблять слово „болѣзнь" по отношенію къ цивилизаціи, но небольшое размышленіе покажетъ намъ, что эта ассоціація понятій не лишена нѣкотораго основанія.

Посмотримъ на дѣло хотя-бы съ медицинской точки зрѣнія. Число докторовъ и лекарей достигаетъ въ Соединенномъ королевствѣ цифры свыше 23,000 по статистическому словарю Mullhall'a. Если распространеніе болѣзней у насъ таково, что намъ нужно 23,000 врачей, очевидно, положеніе очень серьезно! И они не излѣчиваютъ насъ... Куда бы мы ни посмотрѣли, - во дворецъ или въ лачугу,—всюду мы видимъ больныя лица, всюду мы слышимъ жалобы на болѣзни,—трудно найти здороваго человѣка. Состояніе современнаго цивилизованнаго человѣка съ его кашлями, простудами, его постоянное кутаніе, боязнь малѣйшаго сквозняка и пр., не внушаетъ никакого довѣрія и, кажется, что, несмотря на всѣ наши безчисленныя медицинскія книги, наши знанія,

искусства, удобства жизни, въ умѣніи уберечь себя мы уступаемъ въ настоящее время животнымъ. Кстати, о животныхъ: кажется, Шелли говоритъ, что мы чрезвычайно быстро портимъ домашнихъ животныхъ; корова, лошадь, овца и даже кошка становятся все болѣе и болѣе подвержены болѣзнямъ и такимъ, какихъ въ дикомъ состояніи онѣ совершенно не знали. И даже дикіе народы не избѣгаютъ пагубнаго вліянія,— гдѣ-бы цивилизація ни настигла ихъ, всюду, какъ мухи, они вымираютъ отъ сифилиса, пьянства и другихъ, еще горшихъ золъ, которыя она несетъ съ собой, и часто одного соприкосновенія съ ней достаточно, чтобы погубить цѣлыя расы.

Но терминъ „болѣзнь" можно одинаково употребить, какъ въ отношеніи медицинскомъ, такъ и въ отношеніи общественномъ. Такъ же, какъ въ организмѣ болѣзнь происходитъ отъ нарушенія физическаго единства, которое есть здоровье, и принимаетъ форму несогласія, раздора между отдѣльными частями организма, или ненормальнаго развитія какого-нибудь одного органа, или истощенія всего тѣла ненасытными микробами,—точно также въ нашемъ современномъ обществѣ, вмѣсто единства, основы истиннаго общества, мы видимъ непрерывную войну классовъ и индивидуумовъ, ненормальное развитіе однихъ въ ущербъ другимъ и истощеніе всего организма массами всевозможныхъ общественныхъ паразитовъ. Если терминъ «болѣзнь» приложимъ

гдѣ-нибудь, это, цо моему, и въ прямомъ, и въ переносномъ смыслѣ, въ данномъ случаѣ, къ современнымъ цивилизованнымъ народамъ.

А въ духовномъ отношеніи развѣ наше положеніе удовлетворительно? Я уже не говорю объ огромномъ количествѣ и обширности домовъ для умалишенныхъ, покрывающихъ нашу страну, не говорю о томъ, что болѣзни мозга и нервной системы стали такъ распространены, — я говорю о странномъ безпокойствѣ, которое отличаетъ современныхъ людей и вполнѣ оправдываетъ злую эпиграмму Рёскина, что наша цѣль въ жизни это „что бы мы ни имѣли—захватить еще больше, и гдѣ бы мы ни были, отправиться куда-нибудь въ другое мѣсто". Это чувство безпокойства, тревоги проникаетъ въ самыя глубокія сферы человѣческаго существа, въ его нравственный міръ, расцвѣтая тамъ, какъ это всегда было у всѣхъ народовъ, именно во время полнаго развитія цивилизаціи, сознаніемъ грѣха. На протяженіи столѣтій мы всюду находимъ это странное чувство внутренней борьбы, разлада, состояніе, такъ рѣзко отличающееся отъ наивной безпечности языческаго и первобытнаго міра, и что всего болѣе странно, мы находимъ даже людей, прославляющихъ это состояніе, которое, хотя и можетъ быть вѣстникомъ лучшаго грядущаго, въ настоящее время есть и можетъ быть само по себѣ только очевидной потерей единства, т. е., болѣзнью въ самой основѣ человѣческой жизни.

Конечно, мы знаемъ, что терминъ «цивилизація» употребляется иногда въ какъ-бы идеальномъ смыслѣ, чтобы обозначить состояніе будущей культуры, къ которому мы стремимся, — предполагается, что достаточно долгое употребленіе блестящихъ шелковыхъ цилиндровъ и телефоновъ въ концѣ концовъ приведетъ насъ къ этому идеальному состоянію, между тѣмъ какъ небольшіе откаты назадъ въ процессѣ есть лишь нѣчто случайное и временное. Часто говорятъ о цивилизующихъ и облагораживающихъ вліяніяхъ, какъ будто эти два термина были равнозначущи. Конечно, если нравится употреблять слово цивилизація въ этомъ идеальномъ смыслѣ, всякій имѣетъ право на это, но облагораживаютъ ли настоящія тенденціи современной жизни, взятыя въ цѣломъ, это, по меньшей мѣрѣ, сомнительно,— можетъ быть, косвеннымъ путемъ, но объ этомъ послѣ... Всякій, кто пожелалъ бы составить себѣ представленіе объ удивительномъ существѣ, которое вырабатывается нашей цивилизаціей, можетъ прочесть статью M-r Kay Robinson'a въ Nineteenth Century, Май, 1883, въ которой авторъ торжественно, во имя науки, предсказываетъ, что это грядущее человѣческое существо будетъ беззубымъ, плѣшивымъ, съ вялыми мускулами и членами, неспособнымъ даже къ передвиженію.

Можетъ быть, лучше не употреблять слово цивилизація въ этомъ идеальномъ смыслѣ, оставивъ лишь этотъ терминъ, какъ это дѣлаютъ

теперь всѣ писатели о первобытномъ обществѣ, для обозначенія опредѣленной исторической ступени, которой проходятъ различные народы и на которой находимся мы въ настоящее время. Хотя, конечно, трудно обозначить опредѣленно начало какого-нибудь историческаго періода, тѣмъ не менѣе, всѣ, изучавшие данный вопросъ, согласны между собой въ томъ, что развитіе собственности и учрежденій, вызванныхъ этимъ, произвело такое измѣненіе въ строеніи человѣческаго общества, что новая ступень его можетъ быть отличена отъ прежней ступени варварства особымъ терминомъ. Ростъ благосостоянія и, вмѣстѣ съ нимъ, частной собственности, какъ доказано, принесъ съ собой нѣкоторыя новыя, очень опредѣленныя формы жизни; онъ разрушилъ древнюю систему общества, основанную на gens, т. е., общество равныхъ, основанное на кровномъ родствѣ, и замѣнилъ его обществомъ классовъ, основанномъ на имущественныхъ различіяхъ; онъ разрушилъ старую систему права матери и наслѣдства по женской линіи и сдѣлалъ женщину собственностью мужчины; онъ принесъ съ собой частную земельную собственность и, такимъ образомъ, создалъ классъ безземельныхъ и цѣлую систему ренты, закладныхъ, роста и т. п., онъ ввелъ рабство, крѣпостное право, трудъ за деньги, что является лишь разными формами господства одного класса надъ другимъ, и, чтобы укрѣпить, заклепать все это,

создалъ государство и—полисмэна. Всякій народъ, ставшій, что мы называемъ, цивилизованнымъ, подвергался этимъ измѣненіямъ и, хотя детали могутъ отличаться и отличаются немного, главный порядокъ измѣненій былъ одинъ и тотъ-же во всѣхъ случаяхъ. Такимъ образомъ, мы имѣемъ право назвать цивилизацію извѣстной исторической ступенью, начало которой можетъ быть отнесено къ раздѣленію общества на классы, основанному на собственности, и принятію классоваго правительства. Lewis Morgan въ его Ancient Society прибавляетъ еще изобрѣтеніе письма и связанное съ этимъ возникновеніе писанной исторіи и писаннаго закона; Engels въ его Ursprung der Familie, des Privateigenthums und des Staats подчеркиваетъ важность появленія торговца даже въ его наиболѣе примитивной формѣ, какъ признакъ наступленія періода цивилизаціи, въ то время, какъ французскіе писатели восемнадцатаго вѣка пустили въ ходъ удачное выраженіе nations policées (policemanised nations, полисмэнизированныя націи), какъ синонимъ цивилизованныхъ націй,—удачное потому, что нѣтъ, кажется, болѣе универсальнаго и лучшаго признака періода, о которомъ мы говоримъ, и его общественнаго упадка, какъ появленіе этого пресмыкающагося существа, полицейскаго. (Представьте себѣ ярость какого-нибудь почтеннаго сѣверо-американскаго индѣйца, которому ска-

зали бы, что они получать для поддержанія среди нихъ порядка полицейскихъ!).

Если мы примемъ это историческое опредѣленіе цивилизаціи, мы увидимъ, что наша англійская цивилизація началась едва тысячу лѣтъ тому назадъ и что пережитки прежняго первобытнаго общества держались долго послѣ этого. Въ Римѣ, считая съ послѣднихъ временъ первыхъ королей до паденія имперіи, мы опять имѣемъ около тысячи лѣтъ. Еврейская цивилизація отъ Давида и Соломона держалась съ перерывами нѣсколько болѣе тысячи лѣтъ, греческая – меньше, египетская—значительно больше, но, главное, что надо замѣтить, это, во первыхъ, что процессъ былъ совершенно одинаковъ во всѣхъ этихъ—и многихъ другихъ—случаяхъ *), совершенно такъ же одинаковъ, какъ одинаковъ ходъ одной и той же болѣзни у разныхъ лицъ, и во вторыхъ, что, какъ уже сказано выше, не было ни одного случая, чтобы какой-нибудь народъ прошелъ черезъ эту ступень на слѣдующую, напротивъ, въ большинствѣ случаевъ онъ погибалъ вскорѣ послѣ того, какъ развились главные симптомы.

Но могутъ замѣтить: можетъ быть, справедливо, что цивилизація, разсматриваемая, какъ нѣкоторая ступень человѣческой исторіи, представляетъ

*) За доказательствами я долженъ отослать читателя къ Энгельсу или прямо къ исторіи.

извѣстные признаки болѣзни, но есть ли основаніе предполагать, что болѣзнь въ той или иной формѣ была менѣе свойственна предыдущему періоду варварства? По моему, есть основаніе, и солидное. Я не буду прибѣгать къ неправдоподобной теоріи, что «благородный дикарь» былъ идеальнымъ существомъ въ физическомъ и всякомъ другомъ отношеніи; но, зная, что во многихъ отношеніяхъ онъ былъ, безъ сомнѣнія, ниже цивилизованнаго человѣка, я думаю, мы можемъ всетаки допустить и его превосходство въ нѣкоторомъ отношеніи,—хотя бы въ его сравнительной свободѣ отъ болѣзни. Lewis Morgan, выросшій среди ирокезовъ и знавшій, вѣроятно, индѣйцевъ такъ, какъ ни одинъ бѣлый до него ихъ не зналъ, въ своемъ Ancient Society (стр. 45) говоритъ: «періодъ варварства кончается съ появленіемъ великихъ варваровъ». Хотя на землѣ теперь и нѣтъ туземныхъ племенъ, которыя были бы въ послѣдней стадіи варварства *), тѣмъ не менѣе, если мы возьмемъ наиболѣе передовыя племена, какъ тѣ же Ирокезы двадцать, тридцать лѣтъ назадъ, нѣкоторыя племена кафровъ вокругъ озера Ніанца въ Африкѣ, еще сравнительно нетронутыя цивилизаціей, или племена, живущія на рѣкѣ Uaupes, тридцать, сорокъ лѣтъ назадъ, описанныя Wallace'омъ въ его Travels on the Amazon,—племена, на-

*) Подобно грекамъ Гомера или спартанцамъ временъ Ликурга.

ходящіяся, какъ сказалъ бы Морганъ, на средней ступени варварства,—мы, безъ сомнѣнія, въ каждомъ данномъ случаѣ найдемъ красивый и здоровый народъ. Капитанъ Кукъ въ его первомъ «Путешествіи» разсказываетъ о туземцахъ Otaheita: «Мы не наблюдали ни одной серьезной болѣзни во время нашей стоянки у острова,— только нѣсколько случаевъ недомоганія, вродѣ случайныхъ припадковъ колики», и ниже, говоря о новозеландцахъ: «они пользуются полнымъ и непрерывнымъ здоровьемъ. Во время нашихъ посѣщеній ихъ городовъ, когда старый и малый, женщины и мужчины толпились вокругъ насъ, мы не видали ни одного человѣка, который казался бы боленъ чѣмъ нибудь; среди тѣхъ, которыхъ мы видали обнаженными, мы ни разу не видали никакихъ признаковъ болѣзни на тѣлѣ ни слѣдовъ ея». Это сказано достаточно сильно. Конечно, болѣзни существуютъ среди такихъ народовъ, даже тамъ, гдѣ они никогда не соприкасались съ цивилизаціей, но, я думаю, мы можемъ сказать, что среди дикарей высшаго типа онѣ рѣже и далеко не такъ разнообразны и не такъ сильны, какъ среди насъ; къ тому же способность къ выздоровленію отъ ранъ, которыя составляютъ, конечно, наиболѣе распространенную среди нихъ форму болѣзни, по общему признанію, у нихъ поразительна. Разсказывая о кафрахъ, J. G. Wood говоритъ: «Состояніе ихъ здоровья позволяетъ имъ переносить такія раны, ко-

торыя были бы смертельны для всякаго цивилизованнаго европейца». M-r Frank Oates въ своемъ дневникѣ *) упоминаетъ случай присужденія королемъ одного изъ туземцевъ къ смерти. Онъ былъ весь изрубленъ топоромъ и брошенъ, какъ мертвый. «Ударомъ, который, вѣроятно, долженъ былъ быть coup de grâce и которымъ хотѣли, кажется, перебить спинной хребетъ тамъ, гдѣ онъ соединяется съ головнымъ мозгомъ, у него откололи большой кусокъ черепа. Какимъ-то образомъ ударъ пришелся нѣсколько выше, но рана была такова, что, я думаю, никто не могъ бы пережить ее. Взявъ зондъ, чтобы изслѣдовать ее, я отшатнулся при видѣ дыры, длиной около двухъ дюймовъ, дюйма полтора шириной и не могу сказать, сколько глубиной, но во всякомъ случаѣ, и тутъ дѣло шло о дюймахъ. Несомнѣнно, топоръ проникъ въ полость мозга. Думаю, что мышь могла свободно помѣститься въ ранѣ, тѣмъ не менѣе, раненый впослѣдствіи совершенно выздоровѣлъ». Конечно, можно сказать, что эта исторія доказываетъ лишь низкую степень организаціи мозга дикарей, но это, во всякомъ случаѣ, не можетъ быть примѣнимо къ кафрамъ; это народъ остроумный, съ хорошими мозгами и чрезвычайно ловкій въ спорѣ, какъ это узналъ Colenso на свой счетъ. Другое качество, свидѣтельствующее о чрезвычайномъ здоровьѣ этихъ народовъ, это

*) *Matabele Land and the Victoria Falls*, стр. 209.

ихъ поразительный пылъ, энергія: стрѣльба, пѣніе, танцы, продолжающіеся у кафровъ часто всю ночь, приводятъ въ изнеможеніе даже зрителя; серьезный индѣецъ Сѣверной Америки проявляетъ ту же силу въ битвѣ или въ стоическомъ перенесеніи боли *).

Точно также, если мы посмотримъ на общественную жизнь дикарей,—какъ бы рудиментарна и неразвита она ни была,—мы найдемъ, какъ это утверждаютъ всѣ, изучавшіе предметъ, и путешественники, что въ своихъ рамкахъ, она болѣе гармонична, болѣе цѣльна, чѣмъ у цивилизованныхъ народовъ. Члены племени не находятся въ постоянной войнѣ другъ съ другомъ, общество не раздѣлено на классы, пожирающіе одинъ другой, не истощается паразитами, въ немъ болѣе истиннаго общественнаго единства, менѣе страданій. Хотя обычаи племени часто окаменѣлы, нелѣпы, часто ужасающе жестоки **), хотя всѣ непринадлежащіе къ племени считаются врагами, но между собой члены племени живутъ мирно, всѣ ихъ дѣла предпринимаются сообща, воровство и насиліе рѣдки, соціальныя чувства и сознаніе

*) Подобное же физическое здоровье и сила жизни также развиты и у европейцевъ, которые жили долгое время въ болѣе естественныхъ условіяхъ. Это не нашей расѣ, которая быть можетъ, превосходитъ всѣ другія своими способностями, но условіямъ, въ которыхъ мы живемъ, должны мы приписать наши недостатки въ этомъ отношеніи.

**) См. Col. Dodge's „Our Wild Indians".

общности интересовъ крѣпки. «Среди своихъ индѣйцы безукоризненно честны. Во все время моихъ сношеній съ ними я слышалъ развѣ о какой-нибудь полудюжинѣ случаевъ воровства. Но эта поразительная честность не распространяется за предѣлы ихъ кочевки; тамъ, за предѣлами, индѣецъ является самымъ отчаяннымъ воромъ въ свѣтѣ и это качество или способность пользуется среди нихъ величайшимъ почетомъ (Dodge, p. 64)». Если кто-нибудь отправляется путешествовать въ страну кафровъ, «онъ не долженъ безпокоиться о пропитаніи, т. к. во всякой встрѣчной хижинѣ или деревушкѣ онъ можетъ быть увѣреннымъ найти пищу и кровъ». *) «Я жилъ— разсказываетъ A. R. Wallace въ своемъ «Malay Archipelago» (т. II, стр. 460)—среди туземныхъ племенъ Южной Америки, не имѣющихъ ни законовъ, ни судовъ, а только общественное мнѣніе деревни, тѣмъ не менѣе всякій уважаетъ права своихъ сотоварищей и нарушеніе этихъ правъ случается очень рѣдко. Въ такой коммунѣ всѣ почти равны. Тутъ совсѣмъ нѣтъ того огромнаго различія образованія и невѣжества, богатства и бѣдности, слуги и господина, которое является продуктомъ нашей цивилизаціи». Въ самомъ дѣлѣ, эта общность жизни въ первобытныхъ обществахъ, это отсутствіе дѣленія на классы и контраста между бѣднымъ и

*) Wood's „Natural History of Man".

богатымъ теперь принята всѣми, какъ черта, отличающая первобытнаго человѣка отъ цивилизованнаго. *)

*) Слѣдующія замѣчанія г. H. B. Coterill о туземцахъ озера Ніанца, среди которыхъ онъ жилъ одно время, 1876—8, когда эта область совсѣмъ еще не посѣщалась европейцами, не лишены, можетъ быть, нѣкотораго интереса: „что касается просто „животнаго" развитія и хорошаго самочувствія, заключающихся въ тонкомъ совершенствѣ органовъ чувствъ, африканскій дикарь, какъ общее правило, стоитъ неизмѣримо выше насъ. Чувствуешь себя совсѣмъ ребенкомъ, цѣликомъ зависящимъ отъ нихъ, когда путешествуешь или охотишься съ ними. Справедливо, что среди нихъ— особенно среди болѣе слабыхъ племенъ, которыя были предметомъ охоты за невольниками и были оттѣснены въ безплодные углы страны,—можно найти много полуживыхъ отъ голода и изнуренныхъ, но, какъ общее правило, все это великолѣпныя животныя. Въ характерѣ ихъ, однако, нѣтъ той силы, которая въ цивилизованномъ человѣкѣ обезпечивается корнями, идущими и въ прошлое, и въ будущее, и несмотря на свое безграничное превосходство въ области физическихъ чувствъ, они сознаютъ и признаютъ высшую силу характера бѣлаго человѣка. Они прямая противоположность самодовлѣющему мудрецу-стоику,—въ ихъ удивленіи и почитаніи неизвѣстнаго они похожи на дѣтей. Отсюда полное отсутствіе самомнѣнія, хотя они и знаютъ, что такое самообладаніе и достоинство. Тѣмъ, кого они любятъ и уважаютъ, они вѣрны и преданы, но вѣрность ихъ диктуется имъ не „категорическимъ императивомъ", а личной привязанностью. По отношенію къ врагу они могутъ быть безъ всякихъ угрызеній совѣсти и измѣнниками, и нечеловѣчески жестокими. Я сказалъ бы, что едва ли есть идея, болѣе чуждая уму африканскаго дикаря, чѣмъ идея общаго человѣколюбія или любви къ врагамъ".

Наконецъ, что касается духовнаго состоянія дикаря, то едва ли найдется кто-нибудь, кто сталъ бы оспаривать, что онъ болѣе спокоенъ, доволенъ, что сознаніе грѣха въ немъ менѣе развито, чѣмъ въ его цивилизованномъ братѣ. Наше безпокойство это наказаніе, которое мы несемъ за нашу болѣе широкую жизнь. Миссіонеръ отступаетъ въ смущеніи отъ дикаря, въ которомъ онъ никакъ не можетъ пробудить сознанія его высокой грѣховности. Какъ бы ни было необходимо для эволюціи человѣка временное развитіе этого сознанія грѣха, мы не можемъ не видѣть, что состонія ума, въ которомъ это сознаніе отсутствуетъ, есть совершенно очевидно здоровое, и невозможно отрицать, что многія изъ величайшихъ произведеній искусства были созданы народами, подобными древнимъ грекамъ, въ которыхъ это сознаніе отсутствовало, и, вѣроятно, не могли бы быть созданы тамъ, гдѣ оно было сильно развито.

«Въ выносливости африканскій дикарь совсѣмъ побиваетъ насъ, за исключеніемъ развѣ тренированныхъ атлетовъ. Разъ мои негры гребли десятифутовыми веслами, противъ вѣтра, по бурному озеру **двадцать пять часовъ безъ перерыва**. Ни разу они не остановились, ни разу не покидали своихъ мѣстъ, только отъ времени до времени подкрѣплялись горстью риса. Я все это время былъ на рулѣ и—съ меня было болѣе, чѣмъ достаточно!.. Четверо изъ нихъ несли въ гамакѣ больного, вѣсомъ 196 (англійскихъ) фунтовъ, около 200 миль, прямо чрезъ страшное болото *Malikata*...»

Хотя, какъ я уже сказалъ, послѣдняя ступень варварства, т. е. та, которая предшествуетъ цивилизаціи, въ настоящее время не представлена на землѣ ни однимъ народомъ, тѣмъ не менѣе мы имѣемъ въ гомерической и другой ранней литературѣ различныхъ народовъ косвенныя упоминанія объ этомъ состояніи, и эти упоминанія удостовѣряютъ насъ въ томъ, что состояніе человѣка въ то время было однородно съ состояніемъ существующихъ народовъ, о которыхъ я говорилъ выше, хотя первые были нѣсколько болѣе развиты. Кромѣ этого, въ многочисленныхъ сказаніяхъ о золотомъ вѣкѣ *), въ легендахъ о грѣхопаденіи мы имѣемъ дѣло съ интереснымъ фактомъ, который внушаетъ намъ мысль, что многіе народы, приближаясь къ цивилизаціи, болѣе или менѣе сознавали потерю первобытнаго покоя и довольства и воплощали это сознаніе съ поэтической вольностью и прикрасами въ легендахъ объ утраченномъ раѣ. Нѣкоторые, видя универсальность этихъ легендъ и замѣчательные образчики мудрости, скрытые въ нихъ и другихъ древнихъ миѳахъ и писаніяхъ, предположили, что и въ самомъ дѣлѣ былъ когда то въ доисторическое время общій эдемскій садъ, Атлантида, но предположеніе это едва ли было

*) „...Такая прелестная сценка дѣлаетъ очень вѣроятнымъ предположеніе, что золотой вѣкъ не простая выдумка поэтовъ, но воспоминаніе фактовъ общественной жизни въ ея первобытной организаціи деревни - коммуны». *I. S. Stuart-Glennie's Europe and Asia, ch. 1, Servia).*

вызвано необходимостью. Что всякая человѣческая душа носитъ въ себѣ нѣчто вродѣ воспоминанія о болѣе гармоничномъ и совершенномъ бытіи, которое она нѣкогда испытала, кажется мнѣ заключеніемъ, которое трудно избѣжать, и это само по себѣ могло дать начало всевозможнымъ традиціямъ и миѳамъ...

II.

Какъ бы все это ни было, установивъ фактъ болѣе здоровой, хотя и болѣе ограниченной жизни дикаря, мы должны разрѣшить вопросъ: почему это уклоненіе или ошибка? Какое значеніе имѣютъ эти различныя и интенсивныя проявленія болѣзни,—физической, соціальной, интеллектуальной, моральной? Каково ея мѣсто и роль въ огромномъ цѣломъ человѣческой эволюціи?

Это приводитъ насъ къ необходимому отступленію, чтобы выяснить природу здоровья.

Особенность нашего современнаго понятія «здоровье», кажется, въ томъ, что у насъ оно чисто отрицательное. Мы такъ напуганы постоянной близостью болѣзни, ея опасности такъ велики, ея нападенія такъ внезапны, что мы привыкли смотрѣть на здоровье лишь какъ на отсутствіе болѣзни. Какъ одинокій шпіонъ, пробирающійся ночью среди непріятельскаго лагеря, видитъ враговъ вокругъ огней и дрожитъ всякій разъ, какъ подъ его ногой хрустнетъ вѣтка, также и путникъ чрезъ эту жизнь, съ подкрѣпляющимъ средствомъ въ одной рукѣ и пузырь-

комъ лекарства въ другой, долженъ пробираться своей дорогой, полный страха, какъ бы не разбудить спящіе легіоны смерти, трижды благословенный, если всякими средствами, уклоняясь то вправо, то влѣво, думая только о своей личной безопасности, онъ пройдетъ мимо, неоткрытый врагами...

Здоровье у насъ нѣчто отрицательное, нейтрализація противоположныхъ опасностей. Быть здоровымъ это значитъ не страдать ни ревматизмомъ, ни подагрой, ни чахоткой, ни печенью, ни головной болью, ни болью въ поясницѣ, въ сердцѣ и т. д. Это все реально, здоровье же есть лишь отрицаніе этого.

Понятіе, которымъ, видимо, пропиталась вся современная мысль, это, что основной фактъ жизни есть существованіе безчисленныхъ внѣшнихъ силъ, неустойчивое, трудно сохраняемое равновѣсіе которыхъ и создаетъ человѣка, который поэтому во всякій данный моментъ можетъ быть разрушенъ прекращеніемъ дѣйствія хотя бы одной изъ этихъ силъ. Прежнее понятіе, очевидно, было, что основной, существенный фактъ жизни есть самъ человѣкъ, а, такъ называемыя, внѣшнія силы въ нѣкоторомъ родѣ добавочныя, вспомогательныя къ этому факту, — онѣ могутъ помогать или мѣшать выраженію или проявленію человѣка, но онѣ не могутъ ни создать, ни уничтожить его. Вѣроятно, оба эти взгляда, прежній и современ-

ный, имѣютъ свое значеніе,—есть человѣкъ, который можетъ быть уничтоженъ, и есть человѣкъ, который не можетъ быть уничтоженъ. Старыя слова тѣло и душа указываютъ на это различіе, но, какъ и всѣ слова, они имѣютъ тотъ недостатокъ, что являются попыткой провести ясную линію тамъ, гдѣ, въ концѣ концовъ, нельзя провести никакой линіи, они указываютъ на противоположность тамъ, гдѣ, въ сущности, есть только продолженіе: развѣ нѣтъ постепенной градаціи бытія между маленькимъ смертнымъ человѣкомъ, живущимъ въ данный моментъ въ извѣстномъ мѣстѣ, и божественнымъ, всемірнымъ человѣкомъ, также составляющимъ часть нашего сознанія? Гдѣ—если гдѣ нибудь—лежитъ между ними бездна? Вмѣстѣ они образуютъ одного и одинъ необходимъ другому: первый не можетъ обойтись безъ второго, второй — безъ перваго. «Я знаю, что безъ меня Богъ не прожилъ бы и одной секунды», говоритъ, цитируемый Шопенгауэромъ, Angelus Silesius.

Итакъ, чтобы быть дѣйствительно здоровымъ, человѣкъ, по болѣе раннимъ понятіямъ и, можетъ быть, и по болѣе раннему опыту, долженъ представлять изъ себя единство, нѣчто цѣлое,—его внѣшнее, временное «я» стоитъ какъ бы въ сыновнемъ отношеніи къ его болѣе универсальной, безсмертной, нетлѣнной части, такъ что не только самыя незначительныя, самыя удаленныя отъ центра области тѣла со всѣми ассимилирующими, выдѣляющими и всякими другими процессами, свойственными ему, но даже самыя мысли и страсти стоятъ въ прямомъ и явномъ родствѣ къ этому, къ конечной и абсолютной прозрачности (transparency) смертнаго творенія. И вотъ это божество въ каждомъ человѣкѣ, будучи тѣмъ, что образуетъ его и заставляетъ его сохранять единство, считалось спасителемъ человѣка, его исцѣлителемъ—исцѣлителемъ ранъ тѣла и ранъ сердца,—Человѣкомъ въ человѣкѣ, котораго не только возможно было знать, но знать котораго и быть соединнымъ съ которымъ считалось единственнымъ спасеніемъ. Это былъ законъ здоровья и святости, принятый въ нѣкоторыя отдаленныя времена человѣческой исторіи и смутно видимый нами какъ бы сквозь матовое стекло.

Болѣзнью и грѣхомъ, съ той же точки зрѣнія, было нѣчто какъ разъ обратное этому,—ослабленіе, притупленность чувствъ, двойственность, засореніе центральнаго источника свѣта, возникновеніе и утвержденіе малыхъ непокорныхъ центровъ, раздѣленіе, разладъ, власть дьяволовъ...

Такимъ образомъ, возникновеніе въ тѣлѣ новаго непослушнаго центра—болячка, нарывъ, занесеніе въ организмъ и распространеніе въ немъ безчисленнаго потомства болѣзнетворнаго зародыша, увеличеніе безъ всякой видимой причины какого-нибудь отдѣльнаго органа—все это значитъ болѣзнь. Въ духовной области болѣзнь начинается, когда какая-нибудь страсть заявляетъ

себя, какъ независимый центръ мысли и дѣйствія. Условіе духовнаго здоровья есть вѣрность божественному человѣку, заключенному въ человѣкѣ. *) Но если независимымъ центромъ жизни станетъ вѣрность деньгамъ, или страсть къ пріобрѣтенію знаній, или къ славѣ, къ пьянству, зависть, похоть, жажда одобренія, или просто шествіе въ свитѣ какой нибудь добродѣтели, ради нея самой—будь то чистота, смиреніе, постоянство или чтобы то ни было—все это можетъ выросли до размѣровъ, угрожающихъ человѣку. Все это находится или должно бы находиться въ подчиненномъ положеніи. Хотя чрезъ большой промежутокъ времени неповиновеніе страстей и можетъ быть необходимымъ условіемъ прогресса человѣка, тѣмъ не менѣе, въ продолженіе всего періода подобнаго возмущенія, когда страсти находятся въ войнѣ одна съ другой и съ центральной Волей, человѣкъ разрывается на части, мучается и чувствуетъ себя несчастнымъ.

Когда я говорю такъ раздѣльно о духѣ и о тѣлѣ, нужно помнить, какъ уже сказано, что рѣзкой линіи между ними нѣтъ, но возможно,

*) Никакія слова, никакія даже теоріи нравственности не могутъ выразить или формулировать этого: воцареніе какой бы то ни было добродѣтели не можетъ занять мѣсто этого, т. к. всякая добродѣтель, вознесенная надъ нашей человѣчностью, становится порокомъ и даже хуже, чѣмъ порокъ.

что всякая склонность или страсть ума имѣетъ свой коррелативъ въ состояніи тѣла, хотя иногда это и не можетъ быть всегда легко наблюдаемо. Обжорство есть лихорадочное состояніе пищеварительнаго аппарата. То, что оскверняетъ умъ, оскверняетъ также и тѣло. Желудокъ пустилъ въ ходъ оригинальную идею, что онъ сталъ центромъ человѣческаго организма. Подобную же идею могутъ создать и половые органы. Все это различныя угрозы, направленныя противъ центральной власти, противъ самого человѣка. Человѣкъ долженъ или править всѣмъ, или исчезнуть; невозможно представить себѣ человѣка подъ властью желудка, ходячій желудокъ съ руками, ногами и другими членами, предназначенными лишь переносить его съ мѣста на мѣсто и служить его ассимилятивному безумію. Мы зовемъ такого индивидуума - свиньей. (И, такимъ образомъ, мы видимъ въ теоріи эволюціи мѣсто свиньи и всѣхъ другихъ животныхъ, какъ предшественниковъ или отпрысковъ отдѣльныхъ свойствъ человѣка, и понимаемъ, почему истинный человѣкъ, и справедливо, имѣетъ власть надъ всѣми животными и только онъ одинъ можетъ дать имъ ихъ мѣсто въ твореніи).

То же можно сказать и о мозгѣ и о всякомъ другомъ органѣ, такъ какъ человѣкъ не есть органъ, не заключенъ въ какомъ-либо органѣ, но есть центральная жизнь, управляющая и ос-

вѣщающая всѣ органы и указывающая имъ ихъ роль.

Болѣзнь тѣла или духа, такимъ образомъ, съ этой точки зрѣнія, есть разрушеніе единства человѣка, его цѣлостности, превращеніе его во множественность, уничтоженіе центральной власти и ростъ отдѣльныхъ непокорныхъ центровъ: жизнь въ каждомъ существѣ постигается, какъ постоянное напряженіе энергіи, какъ постоянная борьба, посредствомъ которой внѣшнія или враждебныя силы (и организмы) дѣлаются подвластными и принуждены служить борющемуся съ ними существу или же отбрасываются имъ прочь, какъ вредныя. Такъ, мы видимъ, что здоровыя растенія или животныя обладаютъ замѣчательной способностью отражать нападенія всевозможныхъ паразитовъ, въ то время какъ слабыя скоро уступаютъ и пожираются. Розовый кустъ, напримѣръ, внесенный въ комнаты, часто становится добычей травяныхъ вшей, но стоитъ ему окрѣпнуть на свѣжемъ воздухѣ, и паразиты не могутъ причинить ему почти никакого вреда. Во время засухи, когда молодая рѣпа въ поляхъ ослабѣетъ отъ недостатка влаги, часто весь урожай гибнетъ отъ насѣкомыхъ, размножающихся тогда въ невѣроятномъ количествѣ, но если прежде, чѣмъ поле будетъ окончательно повреждено, пройдетъ хорошій дождь или два, растеніе быстро поправится, его ткани пріобрѣтутъ большую крѣпость и будутъ нечувствительны къ нападенію насѣкомыхъ, которыя, въ

свою очередь, погибнутъ. Послѣднія изслѣдованія заставляютъ думать, что одна изъ функцій бѣлыхъ шариковъ въ крови состоитъ въ томъ, чтобы уничтожать зародыши болѣзней, попавшіе въ организмъ, и поглощать ихъ, порабощая ихъ центральной жизни тѣла; съ этой цѣлью они устремляются массами къ той части тѣла, которая поражена болѣзнью или ранена. Или возьмемъ примѣръ изъ общественной жизни: ясно, что если бы мы жили истинной, живой жизнью, здоровой, паразиты, подобные бездѣятельному акціонеру или вышеупомянутому полисмену, были бы просто невозможны. Матеріалъ, который служитъ имъ добычей, не существовалъ бы и они должны были бы или погибнуть, или превратиться во что-либо полезное. Фактъ кажется очевиднымъ, что жизнь во всякомъ организмѣ можетъ быть поддержана только какими-нибудь процессами, подобными этимъ, т. е. такими, которые или отбрасываютъ прочь паразитовъ и всякіе нападающіе организмы или, подчинивъ, поглощаютъ ихъ. Опредѣлить свойство организма, работающее въ этомъ направленіи и создающее отличительное единство каждаго организма, можетъ быть трудно, вѣроятно, даже невозможно въ настоящее время, но что подобное свойство существуетъ, мы едва ли можемъ отрицать. Вѣроятно, это предметъ, который будетъ выясненъ скорѣе ростомъ нашего внутренняго сознанія, чѣмъ внѣшнимъ научнымъ изслѣдованіемъ.

Съ этой точки зрѣнія смерть представляется только ослабленіемъ и прекращеніемъ дѣйствія этой силы въ извѣстныхъ частяхъ организма, процессомъ, посредствомъ котораго, когда внѣшняя оболочка отвердѣетъ, окостенѣетъ, какъ въ старости, или будетъ безвозвратно повреждена, какъ при несчастныхъ случаяхъ, внутреннее существо сбрасываетъ ее и переходитъ въ иныя сферы. По отношенію къ человѣку можетъ быть благородная и можетъ быть позорная смерть, какъ можетъ быть благородная и позорная жизнь. Внутреннее я, неспособное поддержать свою власть надъ ввѣренными ему силами, уклоняющееся отъ своихъ прерогативъ, задавленное паразитами, попавшее въ когти мерзкихъ враговъ, можетъ, наконецъ, быть со стыдомъ и мукой изгнано изъ храма, гдѣ оно должно было бы быть выше всего. Или же, завершивъ святую, благодѣтельную жизнь, изливъ божественный свѣтъ и любовь чрезъ всѣ поры тѣла и души и какъ хорошій рабочій, съ истиннымъ мастерствомъ употребивъ всѣ ввѣренныя ему средства, оно можетъ спокойно и мирно, оставивъ все и не измѣняясь,—развѣ только для нашего земного глаза,—перейти въ иныя, назначенныя ему сферы.

Теперь нѣсколько словъ объ этомъ съ медицинской точки зрѣнія. Если мы примемъ какую-нибудь теорію, хотя отчасти сходную съ только что изложенной, что здоровье есть нѣчто поло-

жительное, а не только отрицаніе болѣзни, намъ станетъ вполнѣ ясно, что никакое изслѣдованіе этой послѣдней не сдѣлаетъ насъ способными понять, что есть первое, и не приблизитъ насъ къ нему. Съ тѣмъ же успѣхомъ вы можете попробовать устроить приливъ и отливъ моря посредствомъ цѣлой организованной системы швабръ...

Повернитесь спиной къ солнцу и идите отъ него въ безграничное пустынное пространство до тѣхъ поръ, пока лучи его, слабые въ отдаленіи, тускло освѣтятъ границы вѣчнаго мрака, гдѣ предъ вами встанутъ въ сумеркахъ тѣни и призраки, порожденные колеблющеюся борьбою свѣта съ мракомъ,—изслѣдуйте эти тѣни, опишите, классифицируйте ихъ, припомните всѣ измѣненія, которыми они подвергаются, воздвигните огромныя библіотеки этихъ воспоминаній, какъ памятникъ человѣческаго трудолюбія и изысканій, и въ концѣ концовъ вы будете такъ же близки къ знанію и пониманію самого солнца—которое все это время вы оставляли за собой, повернувшись къ нему спиной—какъ изслѣдователи болѣзней близки къ знанію и пониманію того, что есть здоровье. Солнечные лучи освѣщаютъ внѣшній міръ и придаютъ ему его единство и цѣлостность; точно также возможно, что во внутреннемъ мірѣ каждаго человѣка есть другое солнце, которое освѣщаетъ его и даетъ ему единство и чей свѣтъ и тепло проникаетъ все

его существо. Бодрствуйте надъ сіяніемъ этого внутренняго солнца, дайте свободный доступъ и привѣтъ его лучамъ любви, дайте имъ свободный проходъ во внѣшній міръ, окружающій васъ, и возможно, вы узнаете о здоровьѣ больше, чѣмъ содержатъ и могутъ дать вамъ всѣ медицинскія книги!..

Или, возвращаясь къ первому сравненію: здоровье—это центральная сила луны, которая, дѣйствуя на безбрежный океанъ, дѣлаетъ его воды чѣмъ то однимъ и заставляетъ ихъ согласно подниматься и спадать. Но отнимите вашу луну,—смотрите, тотъ лиманъ наводненъ! Скорѣе за ваши швабры! Но волны ручейками и цѣлыми рѣками прорываютъ все... Заприте ихъ здѣсь, онѣ затопятъ сосѣднюю бухту. Поставьте и тамъ цѣлую армію со швабрами, но зачѣмъ? Самыя тщательныя заботы вдоль всего берега этого огромнаго моря, со всей этой толкотней и грязью, никогда не смогутъ того, что центральная сила дѣлаетъ такъ легко, съ такой непогрѣшимой граціей и предусмотрительностью.

То же и съ великимъ, необъятнымъ и чуднымъ океаномъ, который приливаетъ и отливаетъ внутри человѣка,—отнимите центральнаго руководителя, и 20,000 докторовъ, каждый съ 20,000 книжекъ и 20,000 пузырьковъ всевозможныхъ лекарствъ не смогутъ бороться съ миріадами болѣзней, которыя нахлынутъ со всѣхъ сторонъ

и возвратить силы человѣку, потерявшему свое единство.

Вѣроятно, не было еще времени и страны (исключая развѣ Америки), въ которой болѣзнь торжествовала бы такъ, какъ теперь въ Англіи, и, конечно, не было еще времени и страны (за тѣмъ же исключеніемъ), въ которой была бы такая пропасть докторовъ, въ которой медицинская наука была бы такъ могущественна, съ технической и теоретической стороны, такъ богата авторитетами, организацiей и числомъ своихъ приверженцевъ. Примирите это противорѣчіе,—если тутъ въ самомъ дѣлѣ есть противорѣчіе!

Медицинская наука совсѣмъ не противодѣйствуетъ болѣзни, какъ законы не уничтожаютъ преступленій,—это фактъ. Медицинская наука,—безъ сомнѣнія, съ серьезнымъ къ тому основаніемъ,—дѣлаетъ изъ болѣзни фетишъ и пляшетъ вокругъ него. Ее можно, какъ правило, видѣть только тамъ, гдѣ болѣзнь; она исписываетъ необъятные тома о болѣзни, она вводитъ болѣзнь въ животныхъ и даже въ людей съ цѣлью ея изученія, она знаетъ невѣроятное количество симптомовъ болѣзни, ея природу, ея причину, какъ она должна оканчиваться и какъ начинаться; ея глаза вѣчно прикованы къ болѣзни, пока, благодаря этому, болѣзнь не станетъ для нея самымъ главнымъ во вселенной, главнымъ предметомъ ея обожанія. И даже то, что такъ граціозно назвали гигіеной, не идетъ дальше этого, чисто отрицатель-

наго, положенія. А міръ все ждетъ своего исцѣлителя, который скажетъ намъ, больнымъ и страдающимъ, что такое здоровье, гдѣ его найти, откуда оно течетъ, и который, ощутивъ въ себѣ эту чудную силу, не успокоится, пока не возвѣститъ ее, не надѣлитъ ею всѣхъ людей...

Нѣтъ, медицинская наука, въ сущности, не можетъ бороться съ болѣзнью. Та же причина (невѣрность, упадокъ центральной жизни въ людяхъ), которая вызываетъ болѣзнь и дѣлаетъ людей способными болѣть, вызываетъ и этихъ ученыхъ и ихъ науку. Луна ушла отъ своихъ водъ и вотъ добрые люди бѣгутъ со всѣхъ сторонъ со своими швабрами. И наводненіе, и швабры, и вся эта кутерьма, и гамъ—все это слѣдствія одной причины...

Что касается до гнѣзда болѣзни, ясно, что ей легко его свить въ дезорганизованной системѣ,—какъ легко авантюристу-смутьяну сдѣлать высадку въ странѣ, гдѣ правительство слабо, и гдѣ онъ найдетъ подъ рукой нужный ему матеріалъ ослушниковъ. Что же касается до леченія болѣзни, введенной такъ въ организмъ, то, очевидно, есть два способа: одинъ заключается въ томъ, чтобы усилить центральную власть, пока она будетъ достаточно сильна, чтобы выбросить непокорные элементы и возстановить порядокъ; другой въ томъ, чтобы напасть на болѣзнь снаружи и, если возможно, уничтожить ее (какъ лекарствами и микстурами), независимо отъ внутренней жиз-

неспособности, оставивъ это послѣднее такъ, какъ было прежде. Первый способъ кажется лучшимъ, болѣе прочнымъ и дѣйствительнымъ, но онъ труденъ и медленъ. Онъ состоитъ въ принятіи здоровой жизни, физической и духовной, и о немъ мы поговоримъ ниже. Второй можетъ быть названъ медицинскимъ способомъ и дѣйствителенъ или, я сказалъ бы лучше, могъ бы быть дѣйствителенъ, если бы занималъ свое мѣсто, ставъ лишь вспомогательнымъ первому. Тѣмъ не менѣе, онъ часто считается наиболѣе важнымъ и, благодаря этому, произвелъ болѣе вреда, чѣмъ пользы. Болѣзнь можетъ быть поражена на извѣстное время, но такъ какъ корни ея не уничтожены, она скоро возрождается въ той или иной формѣ и паціентъ опять такъ же боленъ, какъ и прежде.

Великая положительная сила здоровья и власть, которую оно имѣетъ, изгонять болѣзнь изъ своего сосѣдства,—этого, я думаю, достигли очень немногіе. Но это было достигнуто на землѣ и будетъ снова достигнуто, когда худшіе элементы нашей современной цивилизаціи исчезнутъ безъ слѣда...

III.

Такимъ образомъ, мы нашли, что здоровье, тѣлесное и духовное, значитъ единство, интеграція, какъ противоположность дезинтеграціи болѣзни. Въ животныхъ это физическое единство достигаетъ замѣчательной высоты. Почти безошибочный инстинктъ и отборъ управляетъ ихъ дѣйствіями и организаціей. Такъ, кошка, пока она не пала, т. е. не зажирѣла и не стала любительницей огонька въ каминѣ, въ нѣкоторомъ смыслѣ совершенство. Удивительная гармонія ея членовъ, когда она бѣжитъ или прыгаетъ, согласованіе ея мускуловъ, точность ея инстинктовъ, острота ея зрѣнія и обонянія, ея чистоплотность, ея разборчивость въ ѣдѣ, материнскій тактъ, выраженіе всего ея тѣла, когда она разъярена или подстерегаетъ добычу—все это, такъ сказать, абсолютно, является какъ разъ тогда, когда нужно, и наполняетъ наблюдателя чувствомъ изумленія и восхищенія. Это существо—цѣльно,

все изъ одного куска, въ немъ нѣтъ никакого раздѣленія, разлада *).

Тоже и съ другими животными и даже съ самимъ первобытнымъ человѣкомъ...

И—возвращаясь къ нашему предмету,—если мы примемъ доктрину эволюціи, оказывается, что есть движеніе впередъ живыхъ существъ, хотя и несовершенныхъ, но обладающихъ въ общемъ аттрибутомъ здоровья, отъ низшихъ формъ до здороваго, съ сильно развитыми инстинктами, хотя, конечно, ограниченнаго, человѣка. Въ продолженіе всего этого періода вліяніе центральнаго закона все возрастаетъ и физическая форма всѣхъ существъ представляетъ изъ себя вполнѣ удачнаго носителя внѣшняго выраженія этого закона, измѣняясь, конечно, въ сложности и степени, согласно съ достигнутымъ развитіемъ. И когда, такимъ образомъ, въ долгомъ процессѣ развитія показывается, наконецъ, внутренній человѣкъ (скрывавшійся, спавшій въ животномъ) и существо соотвѣтственно принимаетъ внѣшнюю форму и свойства человѣческаго существа, которыя таковы, какія онѣ есть, только

---

*) Что касается болѣзней, то, хотя и нельзя утверждать, что у животныхъ есть нѣчто подобное полному освобожденію отъ нихъ, такъ какъ болѣзни болѣе или менѣе паразитическаго характера свойственны всѣмъ животнымъ и растеніямъ,—тѣмъ не менѣе, онѣ встрѣчаются, повидимому, у животныхъ рѣже и органическій инстинктъ здоровья у животнаго больше, чѣмъ у цивилизованнаго человѣка.

благодаря внутреннему человѣку, котораго онѣ представляютъ; когда оно, это существо, прошло ступень за ступенью всю животную жизнь, выпуская пробные типы и подобія того, что должно придти въ будущемъ, и подвергаясь безчисленнымъ предварительнымъ упражненіямъ въ спеціальныхъ формахъ и свойствахъ, пока, наконецъ, оно начинаетъ быть способнымъ носить въ ея полномъ величіи самую человѣчность,— *тогда* станетъ яснымъ, что этотъ долгій періодъ развитія подходитъ къ концу и что цѣль, вѣнецъ творенія уже не далеко...

Но въ тотъ самый моментъ, когда цѣль этого длиннаго пути, уже, такъ сказать, въ виду, случается это распаденіе цѣлостности, о которомъ мы говорили, это разрушеніе единства человѣческой натуры и человѣкъ, вмѣсто того, чтобы идти дальше въ томъ же направленіи, какъ и раньше, *падаетъ*.

Какое значеніе имѣетъ эта потеря единства? Гдѣ причина и цѣль этого паденія и вѣкового изгнанія изъ прежняго рая?

Отвѣтъ на это можетъ быть только одинъ. Это—самопознаніе (заключающее въ себѣ, въ нѣкоторомъ смыслѣ, оставленіе своего я). Человѣкъ долженъ познать свое назначеніе, завоевать свободу и блаженство, перенести сознаніе съ внѣшней и смертной части своего существа на внутреннюю, неумирающую.

Кошка не можетъ этого сдѣлать. Хотя она и

совершенна на своемъ мѣстѣ, ея внутреннее развитіе еще неполно. Человѣческая душа въ ней еще не выступила впередъ, не проявила себя; еще нѣсколько лепестковъ должны раскрыться прежде, чѣмъ божественный бутонъ будетъ ясно виденъ. И, когда, наконецъ, кошка станетъ человѣкомъ, если можно такъ выразиться, когда человѣческая душа въ созданіи выбьется наружу и найдетъ свое выраженіе, превращая внѣшнюю форму въ новую, человѣческую,—что и утверждаетъ, думаю, эволюціонная теорія,—то и тогда созданію, хотя и совершенному и блистающему въ образѣ человѣка, будетъ недоставать еще одного: знанія самого себя, своей собственной подлинности и реализаціи человѣчности, которой оно уже на дѣлѣ достигло...

Въ животныхъ сознаніе никогда не останавливалось на самомъ себѣ. Оно легко, безъ усилія, освѣщаетъ ихъ жизнь и животное повинуется безъ препятствія и колебанія закону своего бытія съ очень малымъ самосознаніемъ, а, можетъ быть, и совсѣмъ безъ него. И когда человѣкъ впервые появляется на землѣ и даже вплоть до порога того, что мы называемъ цивилизаціей, многое указываетъ, что онъ долженъ быть въ этомъ отношеніи классифицированъ вмѣстѣ съ животными. Хотя онъ и превосходитъ ихъ въ своихъ свойствахъ, физическихъ и духовныхъ, въ своей власти надъ природой, способности къ прогрессу, приспособляемости, все же на этихъ

первыхъ ступеняхъ, онъ подобенъ животному безсознательной, инстинктивной природой своихъ поступковъ; съ другой стороны, хотя его моральныя и интеллектуальныя свойства были далеко не такъ полны, какъ у современнаго человѣка,—что было необходимымъ слѣдствіемъ отсутствія самопознанія, — онъ, дѣйствительно, жилъ въ большей гармоніи съ самимъ собой и съ природой *), чѣмъ его потомокъ; его импульсы, и физическіе, и общественные, были яснѣе и увѣреннѣе и его незнаніе внутренняго разлада и грѣха представляетъ огромный контрастъ съ на-

*) Что касается единенія дикихъ племенъ съ природой, это, кажется, совсѣмъ безспорно; острота ихъ чувствъ, чувствительность къ перемѣнамъ атмосферы, знаніе свойствъ растеній и привычекъ животныхъ и т. п. были не разъ отмѣчаемы; но, кромѣ этого, ихъ сильное чувство единенія съ безконечнымъ духомъ, вѣроятно, только смутно сознаваемое, но выражающееся ясно въ ихъ обычаяхъ, чрезвычайно странно и важно по своему значенію. Пляски Андаманскихъ островитянъ ночью на пескѣ, дикое празднество новолунія среди разныхъ африканскихъ племенъ, процессіи по лѣсамъ, пѣніе, глухой стукъ барабановъ, пляски-пытки молодыхъ краснокожихъ подъ палящимъ солнцемъ, празднество Діониса у грековъ, обряды при жертвоприношеніяхъ, карнавалъ, невѣроятная способность ясновидѣнія, замѣченные у всѣхъ первобытныхъ народовъ,—все это ясно указываетъ на свойство, которое, хотя и не стало достаточно сознательнымъ чтобы сдѣлаться тѣмъ, что мы называемъ религіей, тѣмъ не менѣе было, по истинѣ, основнымъ элементомъ религіи и зародышемъ нѣкоторыхъ свойствъ человѣка, которыя все еще ждутъ своего развитія.

шимъ современнымъ состояніемъ вѣчно гнетущей внутренней борьбы и растерянности.

Если, такимъ образомъ, этой ступени принадлежитъ извѣстная степень человѣческаго совершенства и счастья, тѣмъ не менѣе остается еще большая высота, на которую надо подняться. Человѣческая душа, блуждавшая во тьмѣ столько тысячелѣтій, отъ ея крошечнаго, подобнаго искоркѣ, зародыша въ какомъ-нибудь низшемъ организмѣ до ея полнаго расцвѣта и величія въ человѣкѣ, должна еще подойти къ з н а н і ю своего чуднаго наслѣдства, должна еще совершенно индивидуализироваться и стать свободной, узнать, что она безсмертна, резюмировать и истолковать всѣ свои прошлыя жизни и тріумфальнымъ шествіемъ войти въ царство, завоеванное ею.

Она должна стать лицомъ къ лицу съ ужасной борьбой самосознанія или отдѣленія своего истиннаго я отъ я преходящаго и тлѣннаго. Животныя и человѣкъ до паденія здоровы и свободны отъ заботъ, но они не знаютъ, что они такое; чтобы достигнуть самопознанія, человѣкъ долженъ пасть, онъ долженъ стать меньше, чѣмъ его истинное я, испытать несовершенство; раздѣленіе и раздоръ должны войти въ него. Чтобы осуществить совершенную жизнь, узнать ее, узнать, какъ она чудно прекрасна, понять, что все счастье и свобода состоятъ въ обладаніи ею, человѣкъ долженъ на нѣкоторое время разлучиться съ ней, единство, покой его жизни должны быть

уничтожены, преступленіе, болѣзнь и безпокойство должны овладѣть имъ и, благодаря этому, онъ долженъ достичь знанія.

Интересно, что на самой зарѣ греческой, а вмѣстѣ съ нею и европейской цивилизаціи, мы встрѣчаемъ начертанныя на храмѣ Аполлона Дельфійскаго мистическія слова: «познай самого себя», и что первая изъ легендъ семитической расы разсказываетъ намъ объ Адамѣ и Евѣ, вкусившихъ плода отъ древа познанія добра и зла! У животнаго нѣтъ такого знанія, у первобытнаго человѣка не было его и у человѣка будущаго его не будетъ. Это лишь временное уклоненіе отъ истиннаго пути, указывающее на разъединеніе современнаго человѣка, отдѣленіе его внѣшняго я отъ внутренняго, ужасное двойственное самосознаніе, которое потомъ станетъ средствомъ союза, болѣе совершеннаго и сознательнаго, смерть, поглощенная побѣдой,—«ибо первый человѣкъ изъ земли, земной, но второй человѣкъ— Господь съ небесъ».

Итакъ, чтобы съ этой ступени въ его развитіи двинуться впередъ, человѣкъ долженъ сперва пасть; чтобы знать, долженъ потерять. Чтобы достигнуть здоровья, понять, какъ великолѣпно, прекрасно обладаніе имъ, онъ долженъ пройти сквозь долгій отрицательный опытъ болѣзни; чтобы узнать совершенную общественную жизнь, понять, какая власть и счастье для людей заключены въ ихъ истинныхъ отношеніяхъ другъ къ

другу, онъ долженъ познать бѣдствіе и страданіе, происходящее единственно отъ индивидуализма и жадности, и, чтобы найти свою истинную человѣческую природу, открыть, что эта за чудная сила, онъ долженъ сперва потерять ее, долженъ стать добычей, рабомъ своихъ собственныхъ страстей и желаній, разбитый, подобно Фаэтону, лошадьми, которыми онъ не можетъ править.

Этотъ періодъ разлуки, эти какъ бы скобки въ человѣческомъ прогрессѣ, занимаютъ собственно всю исторію; и цивилизація въ ея цѣломъ, и всякое преступленіе и болѣзнь суть только матеріалы для огромной цѣли, — они пройдутъ, но оставятъ свой плодъ навѣки.

Такимъ образомъ, мы находимъ, что это было дѣломъ цивилизаціи—основанной, какъ мы видѣли, на собственности,—во всѣхъ смыслахъ раздѣлить и развратить, буквально, развратить человѣка, разрушить единство его природы. Это начинается съ оставленіемъ первобытной жизни и ростомъ чувства стыда, какъ въ миѳѣ объ Адамѣ и Евѣ. Отсюда слѣдуетъ отрицаніе святости пола. Половой актъ перестаетъ быть частью религіознаго богослуженія; любовь и желаніе, внутренняя и внѣшняя любовь, нераздѣльныя до сихъ поръ, теперь становятся двумя различными вещами. (Безъ сомнѣнія, это необходимая ступень для развитія сознательности любви, но само по себѣ это мучительно и ненормально).

Это достигаетъ высшей точки и кончается, какъ въ наше время, полнымъ разрывомъ между духовной реальностью и тѣлеснымъ осуществленіемъ въ обширной системѣ продажной любви, покупаемой и продаваемой въ публичномъ домѣ и водворцѣ. Это начинается съ оставленіемъ смѣлой, суровой жизни за одно съ природой и кончается обществомъ, разбитымъ, обезсилѣвшимъ, которое едва возможно признать за человѣческое, среди всевозможной роскоши, бѣдности и болѣзней. Свободный сынъ природы отказывается отъ своей матери, не признаетъ даже груди, вскормившей его. Онъ умышленно поворачивается спиной къ свѣту солнца и прячется въ какихъ то ящикахъ. снабженныхъ духовыми отверстіями, живя все въ большей и большей темнотѣ и духотѣ и выходя наружу, можетъ быть, только разъ въ день, чтобы, щурясь, взглянуть на лучезарнаго бога и снова, при первомъ дыханіи вольнаго вѣтра, бѣжитъ назадъ изъ боязни схватить простуду. Онъ кутаетъ себя въ содранныя со звѣрей шкуры, съ каждымъ столѣтіемъ все болѣе и болѣе увеличивая эти наслоенія одежды, все болѣе и болѣе безобразныя и причудливыя, до тѣхъ поръ, пока не перестаетъ совсѣмъ быть похожимъ на человѣка, который былъ нѣкогда вѣнцомъ творенія, пока не изобразитъ изъ себя нѣчто болѣе смѣшное, чѣмъ обезьяна, сидящая на своей шарманкѣ. Онъ все болѣе и болѣе перестаетъ пользоваться своими мускулами, его члены слабѣютъ,

зубы портятся, его пищевареніе становится до того разслабленнымъ, что ему нужно варить предварительно свою пищу и превращать ее въ мягкую кашу, и все его тѣло въ концѣ концовъ приходитъ въ состояніе полнаго упадка.

И съ этимъ отреченіемъ отъ природы приходятъ всевозможныя болѣзни, сперва изнѣженность, утонченность, потомъ неуравновѣшенность, нервность, огромная воспріимчивость къ страданію. Спрятавшись отъ всеисцѣляющей Власти, человѣкъ неизбѣжно слабѣетъ; центральный узелъ ослабляется и онъ становится жертвой своихъ собственныхъ органовъ. Онъ, который раньше совсѣмъ не чувствовалъ существованіе этихъ послѣднихъ, теперь слишкомъ чувствуетъ ихъ (не въ этомъ ли и сущность всего этого процесса?); желудокъ, почки и селезенка встаютъ предъ нимъ въ своей мучительной опредѣленности, сердце теряетъ правильность біенія, легкія свою тѣсную связь съ безконечной атмосферой, мозгъ становится разгоряченнымъ, лихорадочнымъ; всякій органъ по очереди напоминаетъ о себѣ и становится ареной безпорядка, всякое мѣсто въ тѣлѣ становится сценой и символомъ болѣзни и человѣкъ въ ужасѣ смотритъ на свое царство, — размѣры котораго до сихъ поръ онъ не подозрѣвалъ, — пылающее огнемъ возстанія противъ него. И вотъ по лицу земли широкимъ потокомъ проносятся эпидеміи, чума, лихорадка, всевозможныя умопомѣшательства, гнойныя язвы, сопрово-

ждаемыя все растущими арміями докторовъ со свитой книгъ, бутылокъ, оспоприваніями, вивисекціей и гримасничающими черепами въ аррьергардѣ, безумная толпа, не знающая, что дѣлаетъ, тѣмъ не менѣе безсознательно исполняющая, безъ сомнѣнья, великую, длящуюся вѣка, судьбу человѣчества.

Во всемъ этомъ вліяніе собственности очень ясно.

Очевидно, что ростъ собственности, чрезъ увеличеніе производительности человѣка, дѣйствуетъ на него въ трехъ направленіяхъ,—удаляетъ его отъ природы, отъ его истиннаго я и отъ его близкихъ.

Прежде всего это удаляетъ его отъ природы, т. е., по мѣрѣ того, какъ вырастаетъ его власть надъ окружающимъ его матеріальнымъ міромъ, онъ создаетъ для себя собственную сферу и среду, въ нѣкоторомъ смыслѣ отдѣльную и отличающуюся отъ великаго міра стихій, вѣтровъ и волнъ, лѣсовъ и горъ, въ которомъ онъ до того жилъ. Онъ создаетъ то, что мы называемъ искусственной жизнью, жизнь въ домахъ, въ городахъ и, укрывшись въ нихъ, онъ гонитъ прочь природу. Какъ подростающій мальчикъ, въ извѣстномъ возрастѣ, чтобы заявить о своей независимости, ускользаетъ отъ нѣжныхъ заботъ матери и даже выказываетъ ей духъ оппозиціи, точно также подрастающій человѣкъ, открывъ свои способности, пускаетъ ихъ въ дѣло, точно

для того, чтобы сдѣлать на зло природѣ, и создаетъ себѣ міръ, въ которомъ ей нѣтъ мѣста.

Во-вторыхъ, ростъ собственности отдаляетъ человѣка отъ его истиннаго я. Это вполнѣ очевидно. По мѣрѣ того, какъ растетъ его власть надъ окружающимъ и его владѣнія, человѣкъ находитъ средства для удовлетворенія своихъ чувствъ по желанію. Вмѣсто того, чтобы продолжать руководствоваться тѣмъ воздержнымъ, «здравымъ» инстинктомъ, которымъ отличаются животныя, его главнымъ мотивомъ является теперь удовлетвореніе того или иного чувства или желанія. Эти послѣднія неестественно вырастаютъ и человѣкъ скоро начинаетъ видѣть высшее благо въ ихъ удовлетвореніи и оставляетъ свое истинное я для своего тѣла, цѣлое для частей. Собственность влечетъ человѣка наружу, возбуждая внѣшнюю часть его существа и, временно покоряя его, осиливаетъ центральную Волю, вноситъ въ него раздѣленіе и порчу.

Наконецъ, собственность чрезъ это возбужденіе внѣшней, эгоистической природы человѣка, отдаляетъ его отъ себѣ подобныхъ. Въ заботахъ о пріобрѣтеніи всякихъ вещей для удовлетворенія своихъ причудъ, онъ неизбѣжно приходитъ въ столкновеніе съ сосѣдомъ и начинаетъ смотрѣть на него, какъ на врага. Истинное я человѣка состоитъ въ его органическомъ отношеніи къ цѣлому, составляющемуся изъ подобныхъ ему, и, когда человѣкъ оставляетъ свое истинное

я, онъ оставляетъ также истинное отношенiе къ своимъ ближнимъ. Всечеловѣкъ долженъ властвовать въ человѣкѣ, иначе человѣкъ отпадетъ и умретъ. Но, когда внѣшнiй человѣкъ пытается отдѣлить себя отъ внутренняго человѣка, отъ всечеловѣка, тогда начинается царство индивидуальности, — ложной и невозможной индивидуальности, конечно, но являющейся средствомъ къ сознанiю истинной индивидуальности. Съ воцаренiемъ цивилизацiи, основанной на собственности, единство первобытнаго общества уничтожается. Узы кровнаго родства, которыя были фундаментомъ обществъ того времени и гарантiей первобытнаго братства и равенства, уступаютъ мѣсто силѣ и власти, основанной единственно на богатствѣ. Ростъ богатства уничтожаетъ прежнее общество; искушенiя власти, богатства и пр., сопровождающiя его, срываютъ человѣка съ мертваго якоря, державшаго его; всюду царитъ жадность; «каждый для себя» становится общимъ девизомъ; всюду братъ поднимаетъ руку на брата, и, наконецъ, само общество становится организацiей, посредствомъ которой одни жирѣютъ на счетъ другихъ, сильный на убiйствѣ слабаго. (Интересно въ этомъ отношенiи замѣтить, что L e w i s M o r g a n считаетъ изобрѣтенiе алфавита и развитiе понятiя частной собственности наиболѣе характеристическими чертами перiода цивилизацiи, отличающими его отъ перiода варварства, предшествующаго ему, такъ какъ

изобрѣтенiе письма указываетъ лучше, чѣмъ что бы то ни было, на перiодъ, когда человѣкъ начинаетъ с о з н а в а т ь с е б я, когда онъ вспоминаетъ свои дѣла и думы, и, такимъ образомъ, начинается собственно исторiя; а ростъ частной собственности отмѣчаетъ время, когда онъ начинаетъ отдѣлять себя отъ своихъ товарищей, когда поэтому является впервые понятiе грѣха— или отдѣленiя—и вмѣстѣ съ нимъ длинный перiодъ нравственной смуты и отрицанiя той общности жизни между нимъ и его товарищами, которая вытекаетъ изъ самой сущности человѣка).

Тутъ возникаетъ правительство.

До сихъ поръ оно не существовало—развѣ только въ самой рудиментарной формѣ. Первобытныя общины заботились мало о частной собственности и правительство ихъ было въ большинствѣ случаевъ чисто демократическое,—вожди, избранные между родственниками и равными. Но, когда человѣкомъ овладѣваетъ заблужденiе, что онъ можетъ жить только для себя одного, его внѣшнее и случайное *я* отдѣльно отъ великаго, внутренняго и космическаго *я*, въ которомъ онъ сливается въ одно со всѣмъ человѣчествомъ,— это заблужденiе, едва овладѣвъ имъ, находитъ скоро выраженiе въ той или иной системѣ частной собственности. Прежняя общность жизни и имущества исчезаетъ и всякiй старается захватить возможно больше, чтобы, спрятавшись въ свое логовище, пожрать все одному. Возникаютъ

частныя богатства, естественный потокъ жизненныхъ благъ останавливается и нужно строить искусственныя перегородки закона, чтобы поддерживать его на неравныхъ уровняхъ. Насиліе и мошенничество идутъ слѣдомъ за желаніемъ завладѣнія, имущіе должны употреблять силу, чтобы поддерживать перегородки закона противъ неимущихъ, возникаютъ классы и, наконецъ, учреждается настоящее правительство, главнымъ образомъ, какъ выраженіе этой силы, и охраняетъ себя такъ хорошо, какъ только можетъ до тѣхъ поръ, пока неравенство, поддерживаемое имъ, не станетъ слишкомъ очевиднымъ и запертыя общественныя воды, накопившись, не прорвутся и не станутъ на своемъ естественномъ уровнѣ.

Morgan въ своемъ «Ancient Society» вновь и вновь указываетъ, что цивилизованное государство покоится на земельной и вообще частной собственности, а не на личности, какъ въ древнемъ gens, и что, соотвѣтственно этому, цивилизованное правительство принимаетъ совершенно иной характеръ и функціи, чѣмъ въ простой организаціи gens. Объ отношеніи собственности къ цивилизаціи и правительству онъ дѣлаетъ слѣдующія важныя замѣчанія (стр. 505): «Невозможно достаточно высоко оцѣнить вліяніе собственности на цивилизаціи человѣческаго рода. Именно она была силой, которая вывела изъ варварства арійскіе и семитическіе народы. Развитіе

идеи собственности въ человѣческомъ умѣ привело къ тому, что она, эта собственность, стала его главной страстью. Правительства и законы учреждаются съ ея возникновеніемъ для ея сохраны и пользованія ею. Она ввела человѣческое рабство, какъ орудіе ея созиданія, и послѣ нѣсколькихъ тысячъ лѣтъ опыта она привела къ уничтоженію рабства, такъ какъ было найдено, что свободный человѣкъ представляетъ изъ себя лучшую машину для выдѣлки собственности». И въ другомъ мѣстѣ о томъ же: «распаденіе общества обѣщаетъ стать заключеніемъ пути, цѣлью и концомъ котораго была собственность, такъ какъ такой путь содержитъ въ себѣ элементы саморазрушенія. Демократія—слѣдующая, высшая ступень; она будетъ возрожденіемъ въ болѣе совершенной формѣ свободы, равенства и братства древняго gens».

Учрежденіе правительства есть очевидное доказательство, что человѣкъ потерялъ свой внутренній контроль надъ собой и долженъ поэтому полагаться на внѣшній. Потерявъ связь съ внутреннимъ человѣкомъ—своимъ истиннымъ руководителемъ—онъ опирается на внѣшній законъ, который всегда ложенъ. Если бы каждый человѣкъ оставался въ органической связи съ цѣлымъ, состоящимъ изъ ему подобныхъ, никакой серьезной дисгармоніи не было бы, но, когда это жизненное единство политическаго организма слабѣетъ, тогда приходится охранять его всякими

искусственными средствами и вотъ, съ паденіемъ первобытной инстинктивной общественной жизни, вдругъ появляется новая форма правительства, которое уже не есть демократическое выраженіе жизни цѣлаго народа, но родъ внѣшней власти и насилія, навязанныхъ ему правящимъ классомъ или кастой.

Можетъ быть, самая искренняя, хотя далеко не всегда самая ранняя, форма правительства, есть монархія. Когда чувство человѣческаго единства уже частью, но не совсѣмъ утрачено, народъ, чтобы поддержать единство, избираетъ въ правители человѣка, который обладаетъ этимъ чувствомъ въ наибольшей степени. Онъ представляетъ истиннаго Человѣка и поэтому—весь народъ. Часто это время усиленныхъ войнъ и образованія націй. Интересно въ этомъ отношеніи замѣтить, что самые ранніе „короли" или вожди каждаго народа, какъ разъ передъ періодомъ цивилизаціи, были въ большинствѣ случаевъ облечены высшими религіозными функціями — какъ у римлянъ ихъ **rex**, у грековъ **basileus**, первые египетскіе короли, Моисей у евреевъ, друиды у Кельтовъ и т. д.

Потомъ, по мѣрѣ того, какъ внутренняя власть въ человѣкѣ все болѣе и болѣе слабѣетъ, а привлекательность собственности все увеличивается, точно то же происходитъ и въ обществѣ. Свѣтская и духовная власть раздѣляются. Король, представлявшій раньше божественный духъ или

душу общества, отступаетъ на задній планъ и его мѣсто начинаетъ занимать знать, которую можно сравнить съ самыми благородными свойствами ума. Это аристократія, феодальный періодъ—тимократія Платона; отличительное свойство его — появленіе большихъ частныхъ земельныхъ владѣній и ростъ рабства и крѣпостного права; рабство, проявляющееся такъ въ обществѣ, служитъ символомъ внутренняго порабощенія человѣка.

Затѣмъ идетъ коммерческій періодъ,—олигархія или плутократія Платона. Честь уступаетъ всецѣло мѣсто богатству; правители правятъ благодаря не личнымъ или наслѣдственнымъ, но имущественнымъ качествамъ. Парламенты, конституція и всеобщая болтовня—**ordre du jour**. Рабы на жалованіи, ростовщичество, закладныя и всякія другія мерзости указываютъ на приближеніе смерти. Нажива—цѣль жизни человѣка, промышленность и техническія изобрѣтенія — его главныя добродѣтели.

Наконецъ, полное разрушеніе. Человѣкъ теряетъ всякое воспоминаніе о своей божественной половинѣ и руководителѣ; его наивысшія страсти угасаютъ за недостаткомъ вождя, которому онѣ могли бы посвятить себя; его дѣятельность и интеллектъ служатъ лишь его маленькимъ, какъ рой, безчисленнымъ желаньицамъ. Это эра анархіи—демократія Карлейля, правленіе черни, законъ толпы, предвыборные митинги и всякая брехня, соперничество и всеобщая алчность,

разражающаяся какой-нибудь смертельной, подобно раку, тиранніей или плутократіей, — чистый хаосъ и смятеніе. Точно такъ же, какъ мы видѣли это въ человѣческомъ организмѣ, когда его покидаетъ внутренняя положительная сила здоровья и онъ становится добычей заполоняющихъ его паразитовъ, точно такъ же, когда центральное вдохновеніе оставляетъ общественную жизнь, ее коверкаютъ и обезображиваютъ прихоти индивидуальной жадности и, наконецъ, она попадаетъ подъ власть самаго чудовищнаго эгоиста, вскормленнаго ея же испорченностью...

Такимъ образомъ, мы набросали вкратцѣ ходъ «болѣзни», которая, какъ уже сказано, идетъ часто, хотя и не всегда, однимъ и тѣмъ же путемъ у различныхъ націй, пораженныхъ ею. Но если бы эта послѣдняя ступень была дѣйствительно концомъ всего, истинной демократіей, право, было бы не на что и надѣяться. Никакой Карлейль не могъ бы достаточно очернить ее. Но это не истинная демократія. Это «всякій для себя» не можетъ быть правиломъ демоса въ каждомъ человѣкѣ и ничѣмъ подобнымъ ему. Здѣсь нѣтъ солидарности, такой, какая существовала въ древнихъ племенахъ и первобытномъ обществѣ, но одно лишь раздѣленіе и куча праха. Истинная демократія еще впереди. Здѣсь, на этой ступени, лишь окончательное отреченіе отъ всякаго внѣшняго и классового правительства, приготовленіе къ возстановленію внутрен-

ней, истинной власти. Здѣсь, на этой ступени, задача цивилизаціи подходитъ къ концу, цѣль всѣхъ этихъ столѣтій достигнута, самый горькій опытъ, чрезъ который человѣчество должно было пройти, сдѣланъ и за этой смертью, за всѣми этими муками и тревогами идетъ, наконецъ, воскресенье. Человѣкъ измѣрилъ всю глубину отпаденія отъ своего собственнаго божественнаго духа, испилъ до дна кубокъ страданій, спустился въ буквальномъ смыслѣ въ адъ, теперь онъ поворачиваетъ назадъ и сознательно поднимается снова къ единству, которое онъ утратилъ *).

---

*) Есть еще одинъ пунктъ очень характеристичный для періода цивилизаціи. Это—ненормальное развитіе абстрактнаго интеллекта въ сравненіи съ физическими чувствами съ одной стороны и нравственнымъ чувствомъ съ другой. Такого результата можно было ожидать, видя, что абстракція отъ дѣйствительности естественно является важнымъ орудіемъ той ложной индивидуальности или отдѣльности, которую стремится создать цивилизація. И такъ оно и есть: въ теченіе этого періода человѣкъ создаетъ себѣ свой интеллектуальный міръ, отдѣльный отъ окружающей его вселенной. „Призраки вещей“ изучаются по книгамъ, ученый живетъ въ своемъ кабинетѣ, онъ не можетъ стать лицомъ къ лицу съ природой—его теоріи могутъ быть блестяще доказаны въ аудиторіи, но ничего не доказываютъ подъ плывущими въ небѣ облаками, на берегахъ бѣгущихъ потоковъ; дѣти „воспитываются“ вдали отъ дѣйствительной жизни, огромные храмы-фантомы философіи и науки воздвигаются на самыхъ слабыхъ основаніяхъ и въ нихъ человѣкъ живетъ, защищенный отъ дѣйствительнаго факта. Точно такъ же, какъ капелька воды, входя въ соприкосновеніе съ раскаленнымъ желѣзомъ, окружаетъ себя облачкомъ пара и

Ложная демократія отодвигается въ сторону, чтобы дать мѣсто истинной демократіи, образовавшейся подъ ней, которая представляетъ собой совсѣмъ не какое-нибудь правительство, но внутреннюю власть, власть всечеловѣка въ каждомъ человѣкѣ, такъ какъ никакое внѣшнее правительство не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ средствомъ, временной твердой оболочкой куколки, охраняющей личинку, пока въ ней развивается новая жизнь,- хитрое изобрѣтеніе цивилизаціи. Дальше этого оно не можетъ идти, такъ какъ истинная жизнь не можетъ опираться на внѣшнюю поддержку: когда истинная общественная жизнь придетъ, всѣ ея формы будутъ текучи, самопроизвольны, добровольны...

этимъ спасается отъ разрушенія, точно такъ же слабый умъ человѣка, чтобы не коснуться горящей правды природы и Бога и не быть поглощеннымъ ею, выдѣляетъ въ каждой точкѣ соприкосновенія какъ бы покрывало несубстанціональной мысли, позволяющей ему на время существовать отдѣльно и дѣлающейся потомъ кормилицей его самосознанія.

IV.

А теперь бросимъ взглядъ въ будущее: послѣ этого долгаго отступленія какой дорогой пойдетъ человѣкъ?

Это такой предметъ, что я едва смѣю и подойти къ нему. «Утренній вѣтеръ все вѣетъ,—говоритъ Торо,—поэма творенія не прерывается, но мало ушей, которыя слышатъ ее». И какъ можемъ мы, погруженные въ этотъ водоворотъ, постичь славу, которая ждетъ насъ? Границы, которыя ставитъ намъ наше современное знаніе, не должны пугать насъ; всѣ невозможности разсѣются, какъ скоро придетъ время, и анатомическая трудность, какъ и гдѣ должны выросли крылья, исчезнетъ, когда мы почувствуемъ, что они растутъ!

Едва ли можно сомнѣваться, что тенденція будетъ—она уже обнаруживается и теперь,—къ возврату къ природѣ и общности человѣческой жизни. Это дорога назадъ, къ потерянному раю или, вѣрнѣе, впередъ, къ новому Эдему, котораго старый былъ только прообразомъ. Человѣку нужно развязать пеленки, выйти изъ состоянія муміи, въ которомъ онъ, скрывшись отъ свѣта

солнца, лежалъ какъ бы мертвый, молчаливо готовясь къ своему торжественному воскресенію. Онъ долженъ выйти изъ домовъ и всякихъ другихъ мѣстъ, гдѣ онъ такъ стыдливо скрывался (какъ тогда, въ прежнемъ Эдемѣ, услышавъ голосъ Бога въ саду) и природа вновь должна стать его домомъ, какъ она домъ для животныхъ и ангеловъ.

Въ древности говорили: «человѣкъ одѣвается, чтобы спуститься внизъ, и раздѣвается, чтобы подняться». На свое духовное *я* онъ одѣваетъ тѣло матеріальное, земное, на земное тѣло—шкуры животныхъ и всякія другія одежды, потомъ онъ прячетъ это тѣло въ домъ, за занавѣски и каменныя стѣны, которыя становятся для него, какъ бы вторыми шкурами и его продолженіемъ. Такимъ образомъ, между человѣкомъ и его истинной жизнью вырастаетъ плотная, непроницаемая стѣна и, въ заботахъ и страхахъ, сопряженныхъ съ его земнымъ тѣломъ и со всѣми его оболочками, онъ скоро утрачиваетъ знаніе, что, вѣдь, онъ человѣкъ, и его истинное *я* погружается въ глубокій вѣковой обморокъ...

Но инстинктъ тѣхъ, которые желаютъ освободить божественный **imago**, скрытый въ нихъ, заключается — болѣе, чѣмъ въ буквальномъ смыслѣ — въ раздѣваніи. И самый процессъ эволюціи или эксфоліаціи и есть не что иное, какъ постоянное раздѣваніе природы, посредствомъ котораго совершенный человѣческій образъ, на-

ходящійся въ самомъ корнѣ ея, приближается все болѣе и болѣе къ своему проявленію.

Такимъ образомъ, чтобы возстановить свое утраченное здоровье, человѣкъ долженъ въ будущемъ напрягать свои усилія въ этомъ направленіи. Жизнь въ комнатахъ, въ домахъ должна стать лишь маленькой частью жизни, вмѣсто того, чтобы быть главной частью ея, какъ теперь. Подобнымъ же образомъ, одежды должны быть упрощены. Какъ далеко можетъ идти этотъ процессъ, объ этомъ пока лишнее спрашивать. Вполнѣ очевидно, что сложность нашей домашней жизни и одежды можетъ быть разомъ значительно уменьшена и, къ большой выгодѣ нашей, вмѣсто того, чтобы быть фетишемъ, какъ теперь, можетъ быть сдѣлана лишь вспомогательнымъ средствомъ. И всякій можетъ быть совершенно увѣренъ, что каждый шагъ впередъ въ этомъ направленіи будетъ шагомъ впередъ истинной жизни—будетъ ли это голова, незащищенная отъ воздушныхъ пространствъ неба, или ноги, ступающія безъ обуви по магнетической землѣ, или простая одежда, позволяющая свѣту касаться жизненныхъ органовъ. Жизнь на открытомъ воздухѣ, близость съ вѣтрами и волнами, опрятная и чистая пища, общеніе съ животными, даже самая борьба съ великой матерью-природой изъ-за пищи, все это будетъ способствовать возстановленію тѣхъ родственныхъ связей, отъ которыхъ человѣкъ отрекся, и вызванный этимъ при-

ливъ энергіи въ его организмѣ принесетъ ему совершенство здоровья и блескъ всего его существа, о которомъ теперь мы и не подозрѣваемъ.

Конечно, возразятъ, что многое изъ этого невозможно осуществить въ нашихъ краяхъ, что домашняя жизнь со всѣмъ тѣмъ, что сопутствуетъ ей, налагается на насъ климатомъ. Но если это отчасти—только очень отчасти,—и справедливо, это не можетъ быть основаніемъ, чтобы мы не воспользовались всякимъ случаемъ толкнуться въ указанномъ направленіи. Надо также помнить и то, что климатъ нашъ въ большой степени создается нами же. Если атмосфера многихъ изъ нашихъ большихъ городовъ и мѣстностей, тянущихся вокругъ нихъ на многія мили, обезжизнена, смертоносна, такъ что въ холодную погоду она не даетъ бѣдному смертному никакой силы сопротивленія, но принуждаетъ его подъ угрозой смерти закутываться въ теплыя пальто и всякія покрывала,—виновны въ этомъ мы и никто другой. Это мы покрыли страну покровомъ дыма и идемъ подъ нимъ, участвуя въ своихъ собственныхъ похоронахъ.

Что этотъ климатъ и въ лучшемъ случаѣ все-таки не благопріятствовалъ бы высшему развитію человѣческой жизни, это вполнѣ возможно. Изъ того, что Британія была мѣстомъ, гдѣ разъигрались нѣкоторые изъ величайшихъ эпизодовъ цивилизаціи, совсѣмъ еще не слѣдуетъ, что она же пойдетъ во главѣ другихъ и въ послѣдующемъ періодѣ; высшія коммуны будущаго возникнутъ, можетъ быть, въ болѣе теплыхъ странахъ, гдѣ жизнь богаче и полнѣе, болѣе самопроизвольна и щедра, чѣмъ въ нашихъ широтахъ.

Другой пунктъ въ этой же области—вопросъ о питаніи. Для возстановленія центральной силы и крѣпости, утраченной или выродившейся, наиболѣе примѣнима діэта, состоящая, главнымъ образомъ, изъ фруктовъ и зерновыхъ продуктовъ. Животная пища часто даетъ на извѣстное время нѣкоторую долю нервной энергіи и можетъ быть полезна для спеціальныхъ цѣлей, но энергія эта спазмотическаго, лихорадочнаго свойства; эта пища имѣетъ свойство воспламенять вспомогательные центры и тѣмъ самымъ ослаблять центральный контроль. Тѣ, кто питается главнымъ образомъ животной пищей, особенно подвержены болѣзнямъ—и не только физически, такъ какъ ихъ разумъ также легче становится добычей всякихъ желаній и горестей. Поэтому во время печали, какого-нибудь умственнаго разстройства, точно такъ же, какъ и во время физической болѣзни, нужно немедленно прибѣгнуть къ помощи болѣе элементарной діэты. Тѣло при этой діэтѣ устаетъ при работѣ менѣе, менѣе воспріимчиво къ боли и къ холоду и залѣчиваетъ свои раны съ поражающей быстротой; всѣ эти факты подтверждаютъ одно и то же. Можно также отмѣтить, что пища изъ зерновыхъ про-

дуктовъ—я разумѣю подъ этимъ всевозможные фрукты, орѣхи, шишки, зерна, яйца и пр. (также можно включить сюда и молоко въ его различныхъ формахъ масла, сыра, творога и т. п.),— не только содержитъ въ себѣ необходимые элементы жизни въ ихъ наиболѣе конденсированныхъ формахъ, но имѣетъ еще и ту выгоду, что можетъ быть примѣнена безъ всякаго вреда для живыхъ существъ, такъ какъ возможно, что и кочанъ капусты неслышно вскрикиваетъ, когда его вырываютъ съ гряды и бросаютъ въ кипятокъ, въ то время какъ земляника какъ бы предлагаетъ намъ свои ягоды, нарочно окрашивая ихъ въ красный цвѣтъ. Оба эти соображенія должны убѣдить насъ, что этотъ родъ пищи наиболѣе пригоденъ для развитія ядра человѣческой жизни.

Все это ведетъ за собой также и чистоту. Когда единство нашей природы будетъ возстановлено, инстинктъ чистоты тѣла, какъ снаружи, такъ и внутри, составляющій такую характерную особенность животныхъ, будетъ снова принадлежностью и человѣческаго рода, только будетъ онъ не слѣпымъ инстинктомъ, какъ теперь, но сознательнымъ и радостнымъ, такъ какъ грязь есть только безпорядокъ и помѣха. И вотъ все человѣческое существо, душа и тѣло, становится чистымъ и сіяющимъ отъ глубоко скрытаго центра до его самой далекой окружности, «преображается», и разница между словами духовный и

матеріальный изчезаетъ. «Грубые предметы и невидимыя души составляютъ одно», какъ говоритъ Whitman.

Это возвращеніе къ природѣ и отождествленіе себя съ великимъ космосомъ отнюдь не заключаетъ въ себѣ отреченіе или обезцѣненіе человѣческой жизни и интересовъ. Часто предполагаютъ, что существуетъ нѣкотораго рода антагонизмъ между человѣкомъ и природой и что рекомендовать жизнь, болѣе тѣсно связанную съ этой послѣдней, значитъ проповѣдывать простой аскетизмъ и отшельничество. Къ несчастью, этотъ антагонизмъ существуетъ теперь, хотя, безъ сомнѣнія, изчезнетъ въ будущемъ навсегда. Теперь, къ несчастью, совершенно вѣрно, что человѣкъ есть единственное животное, которое, вмѣсто того, чтобы украшать природу своимъ присутствіемъ, уродуетъ ее. Лисица и бѣлка могутъ построить свое жилище въ лѣсу и этимъ самымъ только увеличатъ его красоту, но если какой-нибудь Alderman Smith возведетъ тамъ свою виллу, боги собираютъ свои пожитки и удаляются—они не могутъ выносить этого. Бушмены могутъ скрыться и стать невидимыми въ складкѣ голой скалы; они плотно прижимаютъ свои обнаженныя, маленькія, темныя тѣла одно къ другому и выглядятъ, какъ куча сухихъ палокъ, но стоитъ только появиться похожему на дымовую трубу цилиндру или фраку, какъ птицы съ крикомъ улетаютъ прочь. Великая слава грековъ въ

томъ, что они приняли и усовершенствовали при-
роду. Изъ известковыхъ террасъ Акрополя вырос
Пареенонъ, завершивъ едва замѣтными града
ціями природныя линіи скалы законченной
человѣческой красотой фриза и фронтона; вверху
онъ былъ открытъ, чтобы синева неба могл
спуститься въ него и обитать въ немъ. И в
всѣхъ своихъ лучшихъ строеніяхъ греки стояли
въ такомъ же тѣсномъ соприкосновеніи съ зем-
лей и небомъ, со всѣмъ инстинктивнымъ и сти-
хійнымъ, не допуская никакой пропасти между
собой и природой, но только совершенствуя ея
выразительность и красоту. И придетъ время, мы
снова поймемъ то, что поняли такъ хорошо греки
на самой зарѣ истиннаго искусства. Возможно,
что будетъ время, когда мы снова будемъ строить
наши жилища такими простыми и стихійными,
что они будутъ какъ нельзя лучше подходить
ко всякой расщелинѣ горы, къ берегу всякаго
ручья, ко всякой лѣсной опушкѣ, не нарушая
ни гармоніи ландшафта, ни пѣнія птицъ...

...Въ этой новой жизни, въ поляхъ, мастер-
скихъ и городахъ, всюду и вездѣ трудъ
человѣка будетъ совершенствовать и украшать
страну, помогая усиліямъ солнца и почвы, позво-
ляя и нѣмой землѣ высказать свое желаніе; въ
этой новой общинной жизни за одно съ приро-
дой, жизни столь далекой отъ всякаго аскетизма,
мы склонны видѣть много больше человѣчности
и общественности, чѣмъ когда либо прежде, без-

конечную взаимопомощь и симпатію, какъ среди
дѣтей одной матери. Взаимная помощь и всевоз-
можныя комбинаціи труда станутъ тогда само-
произвольны и инстинктивны, всякій будетъ по-
могать своему сосѣду такъ же неизбѣжно и
естественно, какъ въ человѣческомъ тѣлѣ правая
рука помогаетъ лѣвой, и по той же самой причинѣ.
Всякій—подумайте объ этомъ!—будетъ дѣлать ту
работу, которая ему нравится, которую онъ хо-
четъ, которую ему нужно дѣлать, которая, онъ
знаетъ, будетъ полезна, безъ мысли о жалованіи
или наградѣ, и награда тѣмъ не менѣе придетъ
къ нему такъ же неизбѣжно и естественно, какъ
въ человѣческомъ тѣлѣ приливаетъ кровь къ
члену, который упражняетъ себя. Все безконеч-
ное бремя согласованія труда и вознагражденія,
борьбы между долгомъ и отвращеніемъ, нужды
и усталости будетъ отброшено прочь, огромное
расточеніе труда противъ желанія будетъ избѣг-
нуто; изъ безконечнаго разнообразія человѣче-
ской природы само собой возникнетъ совершенно
естественно безконечное разнообразіе занятій,
способствующихъ одно другому; общество ста-
нетъ, наконецъ, свободнымъ и человѣческое су-
щество, послѣ долгихъ лѣтъ рабства, дождется
своего освобожденія...

Это—коммунизмъ, который такъ ненавидѣла
всегда цивилизація, какъ ненавидѣла она Христа.
Но это все же неизбѣжно, ибо космическій че-
ловѣкъ, инстинктивный, стихійный человѣкъ,

принимающій и завершающій природу, неизбѣжно исполняетъ всеобщій законъ природы. Что касается до всякаго внѣшняго правительства и его законовъ, они должны исчезнуть, такъ какъ они только пародія и временные замѣстители внутренняго правительства и порядка. Въ своемъ конечномъ состояніи общество не будетъ ни монархіей, ни аристократіей, ни демократіей, ни анархіей, но въ нѣкоторомъ смыслѣ всѣмъ этимъ вмѣстѣ. Оно будетъ анархіей, такъ какъ въ немъ нѣтъ никакого внѣшняго правленія, но лишь внутренній и невидимый духъ жизни; оно будетъ демократіей, такъ какъ это правленіе всечеловѣка или демоса въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ; будетъ аристократіей, такъ какъ есть степени и ранги этой внутренней власти во всѣхъ людяхъ; будетъ монархіей, такъ какъ всѣ эти ранги и власти сливаются, наконецъ, подъ центральнымъ контролемъ въ совершенномъ единствѣ. Внѣшнія формы правительства, которыя принадлежатъ періоду цивилизаціи, суть только выраженіе въ различныхъ внѣшнихъ символахъ фактовъ истинной, внутренней жизни общества.

И точно такъ же, какъ различныя внѣшнія формы правительства періода цивилизаціи найдутъ свое оправданіе и объясненіе въ послѣдующемъ періодѣ, то же будетъ и со всѣми механическими и другими продуктами настоящаго времени; они будутъ приняты и найдутъ свое истинное мѣсто и употребленіе въ будущемъ.

Отъ нихъ не откажутся, но приведутъ ихъ въ покорность. Наши локомотивы, машины, телеграфныя и почтовыя системы, наши дома, меблировка, платья, книги, наша страшная и невозможная кухня, крѣпкіе напитки, чаи, табакъ, наши медицинскія и химическія средства, наши высокія науки и философскія системы и всякія другія орудія человѣческаго заблужденія, растерянности должны будутъ быть просто на просто низведены до самаго полнаго подчиненія истинному человѣку. Всѣ эти средства и тысячи другихъ, о которыхъ мы теперь не можемъ и грезить, будутъ способствовать усиленію власти человѣка и увеличенію его свободы, но не будутъ, какъ теперь, предметами идолопоклонства. Человѣкъ будетъ пользоваться ими, а не они человѣкомъ. Его истинная жизнь будетъ въ области, лежащей далеко за ихъ предѣлами. И въ этомъ отрицаніи (на время) и «покореніи» продуктовъ цивилизаціи онъ узнаетъ впервые ихъ истинную цѣну и они дадутъ ему удовольствіе, неизвѣданное раньше.

Тоже самое съ нравственными свойствами. Какъ уже замѣчено раньше, познаніе добра и зла, дойдя до извѣстной точки, отходитъ въ сторону или поглощается въ высшемъ знаніи. Понятіе грѣха идетъ рука объ руку съ извѣстной слабостью человѣка. Пока внутри его раздвоеніе, до тѣхъ поръ ему кажется, что онъ подмѣчаетъ сталкивающіеся и противоположные принципы

во внѣшнемъ мірѣ. Пока предметы внѣшняго міра возбуждаютъ въ немъ эмоціи, съ которыми онъ не можетъ справиться, до тѣхъ поръ предметы эти стоятъ предъ нимъ, какъ сигналы зла, безпорядка и грѣха. Не то, что предметы эти или даже тѣ чувства, которыя они возбуждаютъ, худы сами по себѣ,—нѣтъ, но въ теченіи всего этого періода они служатъ человѣку показателями его слабости. Но когда центральная сила въ человѣкѣ возстановлена, когда все снова находится въ его власти, ему будетъ невозможно видѣть зло въ чемъ бы то ни было. Тѣлесная любовь уже не находится болѣе въ антагонизмѣ съ любовью духовной, но поглощается ею. Всѣ страсти человѣка занимаютъ свои мѣста совершенно естественно и, когда представляется случай, становятся средствомъ его проявленія. Пороки при существующихъ условіяхъ являются пороками только благодаря безпорядочному, волнующему вліянію, которое они имѣютъ, но они снова перестанутъ быть пороками, какъ только человѣкъ приметъ снова власть.

Это перенесеніе центра тяжести жизни и сознанія отъ отдѣльнаго человѣка къ всечеловѣку символизируется постепеннымъ возобновленіемъ болѣе общихъ условій. Я хочу сказать этимъ, что въ продолженіи періода цивилизаціи, когда все тѣло человѣка систематически покрывается платьемъ, только одна голова представляетъ человѣка,—маленькій, мыслящій, сознающій себя

человѣкъ въ отличіе отъ космическаго человѣка, представляемаго всей суммой тѣлесныхъ органовъ. Тѣло должно быть освобождено отъ своихъ пеленокъ, чтобы міровое сознаніе могло снова поселиться въ человѣческой груди. Все наше тѣло должно снова стать какъ бы «однимъ лицомъ», какъ выразился одинъ дикарь *).

Тамъ, гдѣ міровое *я*, нѣтъ болѣе самосознанія. Тѣло и то, что обыкновенно называютъ «мое я», ощущаются тогда только, какъ части истиннаго «я», и обычное различіе между внѣшнимъ и внутреннимъ, эгоизмомъ и альтруизмомъ и пр. теряетъ большую часть своей силы. Мысль не вращается уже вокругъ этого мѣстнаго я, какъ главнаго предмета вниманія; это *я* постоянно свѣтится сознаніемъ и заливаетъ этимъ свѣтомъ внѣшній міръ, какъ солнце, символъ этого истиннаго я. Человѣкъ долженъ поклоняться солнцу, онъ долженъ весь пропитаться солнечнымъ свѣтомъ, заключить солнце въ себя. Тѣ, кто живетъ при огнѣ и свѣчахъ, переполнены фантомами, ихъ мысли, подобныя блуждающимъ огнямъ, суть образы ихъ самихъ и они мучаются отъ ужаснаго сознанія своей отдѣльности.

Когда окончится періодъ цивилизаціи, старая религія природы, можетъ быть очень развившаяся, вернется назадъ. Это безбрежное теченіе рели-

---

*) См. *Alonso di Ovalle, Account of the kingdom of Chile*, въ *Churchill'евской Collection of Voyages and Travelles*, 1724.

гіозной жизни, начинающееся гдѣ-то далеко за горизонтомъ самой ранней исторіи, было отведено въ теченіе историческаго періода во всякіе метафизическіе и другіе каналы, но снова оно сольется въ одно, чтобы нести на своихъ волнахъ всѣ ковчеги и священные корабли человѣческаго прогресса. Человѣкъ снова почувствуетъ свое единство со всѣми себѣ подобными, съ животными, горами и потоками, съ самой землей и съ медленнымъ теченіемъ созвѣздій, не какъ какой то отвлеченный догматъ науки или теологіи, но какъ живой и всегда сущій фактъ. Вѣка тому назадъ это понималось лучше, чѣмъ теперь. Нашъ церковный церемоніалъ пропитанъ половыми и астрономическими символами, но задолго до возникновенія его главными формами религіи были половыя и астрономическія, что значитъ, что люди инстинктивно чувствовали и обоготворяли великую жизнь, текущую къ нимъ чрезъ половые органы, великую жизнь, спускающуюся къ нимъ изъ глубины небесъ. Они боготворили и ту, и другую. Они помѣщали своихъ боговъ— свои собственныя человѣческія формы,—въ половые органы, они помѣщали ихъ въ небѣ, и не только тамъ, но всюду, гдѣ они чувствовали эту жизнь, родственную человѣческой,—въ животныхъ, въ ибисѣ, быкѣ, ягненкѣ, змѣѣ, крокодилѣ, въ деревьяхъ и цвѣтахъ, въ дубѣ, ясенѣ, лаврѣ, гіацинтѣ, въ потокахъ и водопадахъ, на склонахъ горъ и въ глубинахъ морскихъ. Вся вселенная

была исполнена одной жизнью, которая, хотя и не всегда дружественная человѣку, была все-же человѣческой, родственной ему, —онъ не разсуждалъ о ней, а просто чувствовалъ ее. Понятіе о томъ, что онъ обладаетъ отдѣльной индивидуальностью, могло только съ трудомъ придти первобытному человѣку, поэтому онъ и не мучилъ себя самоубійственными вопросами: «откуда», «отчего», «куда», которые такъ раздражаютъ современный умъ. Причина всѣхъ этихъ вопросовъ въ несчастномъ чувствѣ одиночества, настоящаго или будущаго, которое неизбѣжно овладѣваетъ человѣкомъ, когда онъ созерцаетъ себя, какъ отдѣльный атомъ въ этой огромной вселенной; подъ его ногами бездна, готовая вотъ-вотъ поглотить его, и онъ въ тоскѣ ищетъ спасенія. Но, когда онъ снова почувствуетъ, что онъ, **онъ самъ** есть абсолютно неотдѣлимая и неразрушимая часть этого великаго всего, тогда уже нѣтъ бездны, въ которую онъ могъ бы упасть, когда онъ сознаетъ фактъ, тогда вопросъ о томъ, **какъ** этотъ фактъ осуществится, хотя и не теряетъ ничего въ интересѣ, становится дѣломъ, разрѣшенія котораго онъ можетъ ждать съ вѣрой и въ полномъ спокойствіи ума.

...Говоря, такимъ образомъ, о роли, которую цивилизація съиграла въ исторіи человѣка, я знаю, что само слово это трудно опредѣлить точно,—въ лучшемъ случаѣ, это только одно изъ тѣхъ призраковъ—обобщеній, которыя чело-

вѣкъ вынужденъ употреблять; знаю также, что изслѣдованіе мое крайне несовершенно, такъ какъ клонится, можетъ быть, слишкомъ къ отрицательной и разрушительной сторонѣ этого длиннаго тысячелѣтняго періода человѣческой эволюціи. Я напомнилъ бы также читателю, что хотя и вполнѣ справедливо, что подъ разрушительнымъ вліяніемъ цивилизаціи имперія исчезала за имперіей и потокъ человѣческаго прогресса отъ времени до времени возстановлялся лишь благодаря свѣжему притоку дикости, тѣмъ не менѣе ея растлѣвающія тенденціи никогда не имѣли неограниченной силы, напротивъ, въ теченіе всего ея владычества надъ землей мы можемъ прослѣдить преданіе объ исцѣляющемъ и искупляющемъ свойствѣ, работающемъ въ груди человѣка, и ожиданіе второго пришествія сына человѣческаго. Нѣкоторыя учрежденія, такія, какъ искусство или семья (хотя и не кажется неправдоподобнымъ, что и то и другое очень измѣнится, когда исчезнутъ спеціальныя условія ихъ теперешняго существованія), также способствовали поддержанію священнаго огня, — семья, сохраняя въ островкахъ-миніатюрахъ прежнее общинное человѣчество, когда моря индивидуализма и алчности покрыли все лицо земли, искусство, поддерживая соприкосновеніе съ природой и средства выраженія первичныхъ эмоцій, иначе остающихся неудовлетворенными въ окружающемъ мірѣ.

Но, если кажется нелѣпостью предположеніе, что общество возродится когда-нибудь изъ хаотическаго состоянія борьбы и растерянности, въ которомъ мы видимъ его на всемъ протяженіи исторіи, или надежда, что процессъ цивилизаціи, который всегда неизмѣнно кончался такъ фатально въ прошломъ, придетъ когда-нибудь къ установленію болѣе высокихъ, болѣе совершенныхъ и здоровыхъ условій, мы можемъ для нашего утѣшенія вспомнить, что теперь въ проблемѣ есть нѣкоторыя новыя черты, которыхъ не было въ прошломъ. Теперь цивилизація уже не изолирована, какъ въ древнемъ мірѣ, среди окружающихъ ее морей дикости и варварства, но покрываетъ собою весь земной шаръ и находящіеся внѣ ея дикари такъ слабы, что не могутъ быть угрозой ей. На первый взглядъ это можетъ показаться невыгоднымъ, такъ какъ могутъ сказать, что, если цивилизація не будетъ обновляться притокомъ внѣшняго варварства, ея собственные внутренніе изъяны тѣмъ скорѣе разрушатъ общество. Въ этомъ была бы нѣкоторая доля правды, если бы не было того соображенія, что въ то время, какъ въ первый разъ въ исторіи цивилизація распространена теперь по всему земному шару, теперь же, также въ первый разъ, можемъ мы усмотрѣть проходящія нитью въ самой ея структурѣ силы, которыя предназначены разрушить ее и принести новый порядокъ. Въ то время, какъ до сихъ поръ существовали, какъ уже сказано, отдѣльныя коммунистическія еди-

ницы тамъ и здѣсь и отъ времени до времени, теперь въ первый разъ въ исторіи и массы, и мыслители всѣхъ передовыхъ націй міра сознательно чувствуютъ свой путь къ установленію соціалистической и коммунистической жизни въ широкомъ размѣрѣ. Современное, вызывающее соперничество, общество все быстрѣе и быстрѣе превращается въ мертвую формулу, въ скорлупу, сквозь которую уже можно различить контуры новаго, человѣческаго общества. Одновременно и какъ бы для того, чтобы помочь этому росту, въ первый разъ обнаруживается движеніе къ природѣ и дикости, движеніе изнутри, вмѣсто того, чтобы быть навязаннымъ, какъ прежде, снаружи. Движеніе къ природѣ, начавшееся уже года въ литературѣ и искусствѣ, уже проявляется въ дѣйствительной жизни наиболѣе передовыхъ частей цивилизованнаго міра, идущихъ до отрицанія машинъ и произведеній цивилизаціи или проповѣди евангелія спасенія чрезъ сандаліи и солнечныя ванны. Вотъ въ подобныхъ то движеніяхъ къ сложному человѣческому коммунизму и къ личной свободѣ и дикости, въ нѣкоторомъ родѣ уравновѣшивающихъ одно другое и растущихъ оба внутри нашей современной цивилизаціи, хотя и совсѣмъ чуждыми ей, - въ подобныхъ то движеніяхъ и можемъ мы, думаю, видѣть солидныя основанія, чтобы надѣяться на ея будущее излѣченіе...

Современная наука.

(переводъ Л. Н. Толстого).

Παντὶ Λόγω Λογος
ἴσος ἀντἶκειται.

Писатель, утверждающій, что современная наука не вполнѣ удовлетворительна, неизбѣжно встрѣчаетъ, между прочимъ, то затрудненіе, что его немедленно заподозрѣваютъ въ косвенной защитѣ того, что Ингерзоль называетъ «басней о ребрѣ Адама». Но оставимъ въ сторонѣ разногласія въ религіозныхъ вопросахъ и согласимся, что наука сдѣлала очень много, очистивъ отъ хлама суевѣрій путь къ болѣе ясному и здравому міровоззрѣнію; развѣ тѣмъ не менѣе нельзя допустить,—а это чувствуется все болѣе и болѣе, — что за послѣднее время положительныя пріобрѣтенія науки въ смыслѣ нашего пониманія устройства міра приводятъ къ разочарованію, и что даже методы науки не непогрѣшимы и должны приводить къ неудачѣ? Надо признаться, что теперь, послѣ блестящаго пятидесятилѣтняго расцвѣта науки, несмотря на

поклоненія, ею вызываемыя, и на упованіе, что наконецъ-то старый коварный міръ попадется въ ея тщательно разставленныя сѣти,—что именно теперь наука почти во всѣхъ своихъ отрасляхъ заблудилась въ безвыходномъ лабиринтѣ. Причина этой неудачи очевидна. Она, какъ мы это указали раньше *), сопряжена съ извѣстнымъ недостаткомъ человѣческаго ума, свойственнымъ цивилизаціонному періоду человѣчества, а именно—съ склонностью человѣка раздѣлять въ себѣ область логики и разсудка съ одной стороны, отъ области эмоціи и инстинкта съ другой, и придавать логическому и разсудочному мышленію свой locus standi. Наука потерпѣла неудачу потому, что она пыталась все изслѣдованіе природы обосновать исключительно на почвѣ разсудка, пренебрегая остальными основными составными задачами, необходимо входящими въ нее. Она потерпѣла неудачу потому что она предприняла невозможную задачу; ибо найти и прочно обосновать разсудочное изображеніе мірозданія просто невозможно. Такое изображеніе не можетъ существовать.

Различные теоріи и взгляды на природу, которыхъ мы держимся, являются лишь временными указателями послѣдовательныхъ стадій развитія человѣчества; при этомъ каждый рядъ такихъ теорій и взглядовъ органически связанъ

*) См. примѣчаніе на стр. 55.

съ той нравственной и эмоціональной стадіей развитія, на которой человѣчество въ данное время находится и которая въ извѣстномъ смыслѣ выражается въ этихъ теоріяхъ и взглядахъ. Такимъ образомъ попытка дать феноменальному міру объясненіе само по себѣ достовѣрное, безотносительно къ состоянію умовъ людей, его предложившихъ, по необходимости должна окончиться неудачей. Смутное и полное противорѣчій состояніе науки въ настоящее время является лишь результатомъ такой попытки.

Конечно, таковое ограниченіе достовѣрности науки признано большинствомъ мыслителей, занимавшихся этимъ вопросомъ; но обыкновенно оно такъ часто упускается изъ виду, и за послѣднее время настолько окрѣпло убѣжденіе, что «законы» науки суть непреложные факты и вѣчныя истины, что на этомъ вопросѣ стоитъ остановиться нѣсколько подробнѣе. Методъ науки есть методъ всякаго возможнаго познанія вселенной человѣкомъ: это есть методъ *умышленнаго ограниченія* или *вынужденнаго невѣдѣнія*. Видя предъ собою великое всеобъемлющее единство Природы, мы можемъ мысленно разбираться въ ней, лишь выбирая нѣкоторыя подробности и (умышленно или безсознательно) изолируя ихъ отъ остального. Поступая такимъ образомъ, мы поступаемъ довольно правильно. Но, изолируя тѣ или другія подробности, на

дѣлѣ мы предрѣшаемъ тотъ вопросъ, который мы себѣ поставили; мало того, допуская такое изолированіе, мы тѣмъ самымъ предполагаемъ нѣчто ложное и тѣмъ заранѣе извращаемъ свое заключеніе. И этихъ двухъ коренныхъ недостатковъ всякаго разсудочнаго изслѣдованія нельзя избѣжать. Научные взгляды подобны видамъ съ вершины горы; каждый такой видъ возможенъ только тогда, когда наблюдатель ограничивается одной опредѣленной точкой наблюденія: онъ измѣняется вмѣстѣ съ измѣненіемъ положенія наблюдателя.

Слово «видъ» (въ зоологіи) пожалуй лучше всякаго другого выраженія пояснитъ наше мнѣніе; въ нѣкоторомъ смыслѣ это слово типично для общаго метода науки. Положимъ, я впервые увидѣлъ собаку — гончую собаку; потомъ, положимъ, я увидѣлъ вторую, третью и четвертую гончую собаку; изъ этихъ немногихъ представленій я составляю себѣ общее понятіе о «собакѣ». Но современемъ я встрѣчаюсь съ борзой собакой, съ таксой и съ мопсомъ, и вотъ мое прежнее понятіе о собакѣ разрушено, и мнѣ приходится составлять себѣ все новыя и новыя понятія. Такимъ образомъ, положимъ, я познакомился со всей породой культурныхъ собакъ, и мнѣ кажется, что наконецъ мое познаніе собачьей породы удовлетворительно; но затѣмъ я встрѣчаю дикую собаку, изучаю нравы лисицы и волка, геологія знакомитъ меня съ

нѣкоторыми промежуточными формами, и вотъ мое понятіе о собакѣ растаяло, какъ кусокъ льда въ окружающей его водѣ. Мои виды не существуютъ болѣе. Пока я былъ знакомъ съ немногими явленіями, я могъ очень умно о нихъ разсуждать; или, пока я умышленно ограничивалъ себя изученіемъ, положимъ, только животныхъ, въ настоящее время живущихъ въ Англіи, я могъ ихъ классифицировать; но какъ только предѣлы моего знанія и область моихъ наблюденій расширились, мнѣ приходится вновь передѣлывать весь мой трудъ. Мои виды не есть явленіе, дѣйствительно существующее, а есть лишь фикція, возникшая изъ моего незнанія или изъ произвольнаго изолированія (или отвлеченія) наблюдаемыхъ мною предметовъ.

Теперь возьмемъ примѣръ изъ астрономіи. Мы привыкли говорить, что путь луны есть эллипсисъ. Однако это утвержденіе оказывается очень шатко и неточно. Болѣе подробное изслѣдованіе показываетъ намъ, что въ зависимости отъ пертурбацій, производимыхъ, какъ предполагаютъ, солнцемъ, путь луны значительно уклоняется отъ эллипсиса. На дѣлѣ, при строгихъ вычисленіяхъ, путь луны принимается за нѣкоторый эллипсисъ только на мгновеніе; въ слѣдующее мгновеніе предполагается, что онъ представляетъ часть другого эллипсиса. Итакъ, мы могли бы назвать путь луны неправильной кривой, нѣсколько похожей на эллипсисъ. Мо-

жетъ быть, насъ удовлетворитъ такой взглядъ на путь луны. Но при дальнѣйшемъ изслѣдованіи оказывается, что пока луна вертится вокругъ земли, земля, въ свою очередь, несется въ пространствѣ вокругъ солнца, вслѣдствіе чего въ дѣйствительности путь луны совсѣмъ не подобенъ эллипсису! Наконецъ, само солнце находится въ движеніи по отношенію къ неподвижнымъ звѣздамъ, и сами эти звѣзды не неподвижны. Въ такомъ случаѣ, что же такое путь луны? Никто не знаетъ. Мы не имѣемъ объ этомъ даже слабаго представленія, и само это слово перестаетъ что-нибудь значить. Правда, если мы согласимся игнорировать пертурбаціи, производимыя солнцемъ (а въ дѣйствительности мы не знаемъ пертурбацій, производимыхъ на луну планетами и др. тѣлами), если мы еще согласимся игнорировать движенія земли, движенія солнечной системы въ пространствѣ и движенія того центра, вокругъ котораго, какъ предполагается, движется солнечная система, тогда мы можемъ утверждать, что луна движется по эллипсису. Однако, такое утвержденіе, очевидно, не имѣетъ ничего общаго съ дѣйствительностью. Луна не движется по эллипсису даже по «отношенію къ землѣ», никогда по эллипсису не двигалась и никогда не будетъ двигаться. Утвержденіе, что она при такихъ-то обстоятельствахъ такъ-то двигалась бы, можно признать удобнымъ вглядомъ или удобной фикціей, но все-таки это будетъ фикція, и не болѣе. Стараться изолировать (или отвлечь) небольшую область явленій отъ всего міра, котораго единство есть одно изъ излюбленныхъ вѣрованій науки, очевидно, безполезно и только ведетъ къ самообману.

Но мнѣ скажутъ: математически можно доказать, что при такихъ-то условіяхъ эллипсисъ былъ бы путемъ луны. На это я отвѣчу: математическое доказательство, хотя несомнѣнно обязательное для человѣческаго ума, однако, подлежитъ тому же возраженію, которое я уже приводилъ, а именно, что оно основывается не на явленіяхъ, происходящихъ въ дѣйствительности, а лишь на отвлеченномъ предположеніи. Въ данномъ случаѣ предполагается, что только два тѣла дѣйствуютъ другъ на друга, т. е. предполагается случай, никогда не имѣвшій и не могущій имѣть мѣсто. Только исходя изъ такого предположенія и принимая, какъ данный, законъ тяготѣнія (т. е. принимая какъ данное именно то, что требуется доказать) математическое доказательство, наконецъ, приходитъ къ отвлеченной формулѣ—къ эллипсису. Заключать же изъ этого, что эллипсисъ есть нѣчто дѣйствительно существующее въ природѣ, и что небесныя тѣла движутся или даже только стремятся къ движенію по эллипсисамъ, значитъ опрометчиво перескочить къ неосновательному заключенію. Наконецъ, мнѣ возразятъ, что это

заключенiе оправдывается предсказанiемъ нѣкоторыхъ явленiй, какъ напр., затменiй, возможными только благодаря предположенiю о движенiи луны и планетъ по эллипсисамъ; на это я могу отвѣтить только то, что Тихо Браге, утверждая, что небесныя тѣла движутся по эпицикламъ, предсказывалъ затменiя такъ же хорошо, какъ и современные астрономы, которые до сихъ поръ прилагаютъ теорiю эпицикловъ къ своимъ математическимъ формуламъ. Эпициклъ былъ гипотезой, служившей извѣстнымъ цѣлямъ, а эллипсисъ есть гипотеза, служащая тѣмъ же цѣлямъ. Въ нѣкоторомъ отношенiи эллипсисъ есть болѣе удобная фикцiя, чѣмъ эпициклъ, но все-таки онъ есть фикцiя и не болѣе того.

Другими словами, наше знанiе пути луны (такъ же, какъ наше знанiе всякаго явленiя природы) должно быть либо абсолютно, либо относительно. Но абсолютнаго пути луны мы знать не можемъ, а все, что мы можемъ сказать про относительный путь луны, это то, что таковой не существуетъ (такъ же, какъ не существуютъ виды живыхъ существъ). Не можемъ же мы насиловать природу; то, что мы знаемъ о пути луны, есть нѣчто, существующее не въ природѣ, а лишь въ нашемъ умѣ; это есть лишь извѣстный взглядъ или извѣстная фикцiя.

Возьмемъ еще примѣръ изъ физики. Законъ Бойля (Марiотта) о сжимаемости газовъ гласитъ, что при постоянной температурѣ объемъ даннаго

количества газа обратно пропорцiоналенъ давленiю на него. Этотъ законъ, которому приписывали большое значенiе, одно время признавали вѣрнымъ, т. е. думали, что онъ въ точности соотвѣтствуетъ фактамъ. Однако, болѣе обширныя и тщательныя изслѣдованiя показали, что законъ Бойля вѣренъ при стольких ограниченiяхъ, что такъ же, какъ теорiю эллипсисовъ въ астрономiи, его слѣдуетъ признавать только какъ удобную фикцiю. Оказывается, что воздухъ довольно хорошо подчиняется этому предполагаемому закону, но далеко не вполнѣ точно, а лишь въ очень тѣсныхъ предѣлахъ давленiя, другiе же газы, какъ, напр., водородъ и углекислота, значительно отступаютъ отъ него,—одни болѣе, другiе менѣе, при чемъ одни газы отступаютъ въ одну сторону, другiе — въ другую. Ученые, между прочимъ, нашли, что чѣмъ ближе газъ къ переходу въ жидкое состоянiе, тѣмъ онъ болѣе отступаетъ отъ нашего предполагаемаго закона, и поэтому они перескочили къ поспѣшному заключенiю, что законъ Бойля вѣренъ, только для совершенныхъ газовъ. Это понятiе о совершенныхъ газахъ, конечно, повлекло за собой предположенiе, что газы по мѣрѣ удаленiя ихъ отъ своей точки кипѣнiя достигаютъ наконецъ постояннаго и устойчиваго состоянiя, когда ихъ свойства уже не измѣняются, по крайней мѣрѣ на очень долгое время: предполагалось, что въ такомъ состоянiи газы должны точно подчиняться закону Бойля.

Однако съ тѣхъ поръ было открыто ультра-газообразное состоянiе вещества, и теперь во всѣхъ отношенiяхъ выяснилось, что вещество отъ жидкаго состоянiя до ультра-газообразнаго измѣняется непрерывно, постепенно переходя отъ различныхъ видоизмѣненiй уплотненности и жидкаго состоянiя черезъ различныя ступени совершенной и несовершенной газообразности до послѣдней степени разряженности четвертаго состоянiя тѣлъ. Но тогда къ какой же ступени газообразнаго состоянiя приложимъ законъ Бойля? Очевидно, что во всей своей точности онъ приложимъ только къ одной ступени всей этой длинной восходящей лѣстницы—къ одной предполагаемой метафизической точкѣ ея, и онъ не точенъ въ приложенiи ко всякой другой ступени. Но въ природѣ ни одинъ газъ не можетъ оставаться и не можетъ быть удержанъ какъ разъ на одной ступени этой лѣстницы безчисленныхъ его измѣненiй; слѣдовательно, все, что мы можемъ сказать о законѣ Бойля, это то, что изъ безчисленныхъ различныхъ состоянiй, въ которыхъ могутъ находиться газы, и изъ всѣхъ безчисленныхъ различныхъ законовъ давленiя, которымъ они слѣдовательно подчиняются, мы теоретически можемъ найти только одно состоянiе газовъ, которому соотвѣтствуетъ законъ сжимаемости газовъ, называемый закономъ Бойля, и что, если бы даже мы могли удержать газъ въ этомъ состоянiи (чего мы не можемъ), законъ Бойля былъ бы дѣйствительно вѣренъ только для этого состоянiя. Другими словами, законъ Бойля есть метафизическiй законъ, не имѣющiй реальнаго существованiя. Это удобный взглядъ на нѣкоторыя явленiя или нѣкоторая фикцiя, возникающая прежде всего изъ нашего невѣдѣнiя и допустимая только въ той мѣрѣ, въ какой мы умышленно или по необходимости ограничены въ нашихъ изслѣдованiяхъ.

Итакъ, вотъ что такое методъ науки. Онъ состоитъ въ выводѣ извѣстнаго закона или извѣстнаго положенiя изъ небольшого ряда явленiй; а какъ только наука узнаетъ другiя явленiя, относящiяся къ разсматриваемому ею вопросу, этотъ законъ или положенiе постепенно падаютъ. Конрадъ Геснеръ и др. древнiе зоологи начинали классифицировать животныхъ по числу ихъ роговъ! Политическая экономiя начинаетъ съ классифицированiя соцiальныхъ явленiй по закону спроса и предложенiя. Когда люди вѣрили что земля есть плоскость, они обобщили явленiя, связанныя съ паденiемъ вѣсомыхъ тѣлъ, въ понятiе о «верхѣ и низѣ»—двухъ противоположныхъ направленiяхъ въ пространствѣ; говорили, что тяжелыя тѣла направляются къ «низу», такъ какъ такова ихъ природа. Однако со временемъ, по мѣрѣ накопленiя новыхъ фактовъ, сдѣлалось невозможнымъ распредѣлять животныхъ по ихъ рогамъ; понятiе «о верхѣ и низѣ» потеряло свое значенiе, когда узнали, что земля шарообразна.

Тогда пришлось составлять новые законы и положенія. Въ последнемъ случаѣ, когда думали, что земля есть центръ вселенной, новый законъ предполагалъ, что всѣ вѣсомыя тѣла стремятся къ центру земли. Такой взглядъ временно казался правильнымъ и удовлетворительнымъ; но затѣмъ оказалось, что земля не есть центръ вселенной, и что нѣкоторыя вѣсомыя тѣла, какъ, напр., спутники Юпитера, вовсе не стремятся къ центру земли. То невѣдѣніе, которое позволяло существовать прежнему обобщенію, было устранено и образовалось новое обобщеніе—законъ всемірнаго тяготѣнія. Но и этотъ законъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, признается вѣрнымъ только вслѣдствіе нашего невѣдѣнія; мало того, уже теперь вѣра въ его истинность представляетъ величайшія затрудненія.

Въ самомъ дѣлѣ, здѣсь мы приходимъ къ важному вопросу. Иногда говорятъ, что можно согласиться съ вышеизложенными возраженіями противъ законовъ науки, съ ихъ односторонностью и недостаточностью, но что все-таки законы науки суть приближенія къ истинѣ; и что по мѣрѣ того, какъ все новыя и новыя явленія подвергаются изслѣдованію, соотвѣтственныя измѣненія прежнихъ законовъ все болѣе и болѣе приближаютъ насъ къ предѣлу строгой точности, которой мы въ концѣ-концовъ достигнемъ, если у насъ на это хватитъ терпѣнія. Но развѣ это такъ? Какого рода строгихъ

законовъ могли бы мы достигнуть, еслибы подчинили имъ всю совокупность явленій? Зная, что природа есть нѣчто цѣлое, и тѣмъ не менѣе изолируя отдѣльные ряды явленій, (какъ напримѣръ теорію луны) для установленія точныхъ законовъ для каждаго ряда въ отдѣльности,—чѣмъ мы заранѣе обрекаемъ себя на ложное заключеніе, — развѣ мы можемъ когда-нибудь достигнуть предѣла нашихъ знаній, который, очевидно, всегда безконечно удаленъ отъ насъ? Если, производя какое-нибудь изслѣдованіе, мы знаемъ всѣ относящіеся къ нему факты, кромѣ двухъ или трехъ, мы имѣемъ основаніе предположить, что мы близки къ предѣлу точнаго знанія; но если, изслѣдуя природу, мы видимъ, что, такъ сказать, изъ милліона фактовъ намъ извѣстны только два или три, то новый законъ возникшій вслѣдствіе расширенія области нашихъ наблюденій, очевидно, во всякое время можетъ совершенно опрокинуть наши прежніе выводы. Есть разница между приближеніемъ къ стѣнѣ и приближеніемъ къ полярной звѣздѣ. Въ первомъ случаѣ мы близимся къ скорому окончанію нашего труда, во второмъ—мы только подвигаемся въ извѣстномъ направленіи. Научныя теоріи вообще можно отнести къ этой послѣдней категоріи: онѣ обозначаютъ направленія человѣческой мысли въ данный моментъ, но предѣла ей не ставятъ. Въ каждой точкѣ этого пути вводится какъ бы призракъ предѣла;

этотъ призракъ, подобно миражу въ пустынѣ, становится желанною цѣлью новыхъ исканій, но на самомъ дѣлѣ предѣла тамъ нѣтъ, и все оказывается ни чѣмъ инымъ, какъ оптическимъ обманомъ, зависящимъ отъ положенія наблюдателя и со временемъ исчезающимъ вмѣстѣ съ измѣненіемъ этого положенія. Такъ напр., законъ, по которому сила тяготѣнія обратно пропорціональна квадратамъ разстояній, кажется намъ на первый взглядъ окончательнымъ, однако, это вѣроятно кажется намъ только потому, что законъ этотъ выведенъ изъ весьма ограниченной области наблюденій, а именно—только на основаніи движеній нѣсколькихъ небесныхъ тѣлъ (находящихся на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга) *).

Кавендишскіе и шегалліанскіе опыты пока-

*) Мы обыкновенно не представляемъ себѣ, на сколько слаба сила тяготѣнія. Вычислено, что между двумя массами, вѣсящими каждая 415,000 тоннъ и находящимися на разстояніи одной мили одна отъ другой, сила притяженія будетъ равна вѣсу всего одного фунта; такъ что если такія два тѣла отстояли бы другъ отъ друга на разстояніе, равное разстоянію между землей и луной, то сила притяженія между ними была бы равна 1/57,600,000,000 фунта. Вотъ какъ незначительна сила, управляющая движеніемъ тѣла въ 415,000 тоннъ. Легко видѣть, что малѣйшее измѣненіе въ законѣ, управляющемъ этой силой, могло бы долгое время остаться незамѣченнымъ, а между тѣмъ такое измѣненіе въ продолженіи нѣсколькихъ сотъ вѣковъ можетъ имѣть огромное значеніе.

зываютъ только то, что законъ тяготѣнія на поверхности земли для среднихъ разстояній колеблется незначительно, но существованіе такъ называемыхъ молекулярныхъ силъ принуждаетъ насъ признать, что для малыхъ разстояній этотъ законъ измѣняется весьма значительно (если только мы не хотимъ прибѣгнуть къ тому, весьма искусственному предположенію, что на ряду съ силой тяготѣнія, но вполнѣ независимо отъ нея, на вещество дѣйствуетъ цѣлый рядъ другихъ притягательныхъ и отталкивательныхъ силъ). Словомъ, такъ же, какъ законъ Бойля, законъ Ньютона есть, по всей вѣроятности, законъ метафизическій, вѣрный лишь подъ извѣстными ограничительными условіями. Кажущаяся окончательность его проистекаетъ отъ ограниченности тѣхъ условій, въ которыхъ произведены наши наблюденія; какъ только наши изслѣдованія распространяются на новыя области пространства, мы видимъ, что законъ обратныхъ квадратовъ перестаетъ казаться даже приближеніемъ къ истинѣ: такъ, напр., предположеніе, что для самыхъ малыхъ молекулярныхъ разстояній сила притяженія обратно пропорціональна пятой степени разстояній, признается болѣе точнымъ.

Великія научныя теоріи нашего времени всѣ находятся въ одинаковомъ положеніи. Полное противорѣчій состояніе современной атомистической теоріи въ физикѣ; безнадежная недоста-

точность Дарвиновой теоріи выживанія наиболѣе приспособленныхъ особей; паденіе одной изъ основныхъ теорій астрономіи — теоріи постоянства орбитъ луны и планетъ; перевороты, претерпѣваемые именно теперь геологіей; вопіющія и неопреодолимыя трудности, связанныя съ теоріей волнообразнаго движенія свѣта; окончательное паденіе основной теоріи политической экономіи — теоріи цѣнности, — все это, кажется, не очень то приближаетъ насъ къ предѣлу строгаго и точнаго знанія, которое намъ обѣщаютъ! Несокрушимая теорія или теорія, близкая къ предѣлу несокрушимости, въ сущности есть такая же нелѣпость, какъ и несокрушимая броня. Противъ данныхъ ядръ всегда можно найти достаточную броню; но противъ данной брони всегда можно найти такія ядра, которыя ее сокрушатъ.

Методъ науки, какъ методъ умышленнаго ограниченія или вынужденнаго невѣдѣнія, весьма занимательно поясняется разсмотрѣніемъ различныхъ отраслей науки. Я бралъ примѣры изъ астрономіи, которая считается самой точной наукой о природѣ. Не странно ли то, что астрономія, изучающая небесныя тѣла, болѣе другихъ отъ насъ удаленныя и труднѣе всего наблюдаемыя, есть самая совершенная изъ всѣхъ наукъ? Однако, причина этому очевидна. Астрономія самая совершенная наука потому, что мы меньше всего знаемъ о ней, потому что наше

невѣдѣніе относительно ея особенно глубоко. Прикрѣпленные къ песчинкѣ въ пространствѣ, ограниченные въ своихъ наблюденіяхъ такими періодами времени, которые по отношенію къ величавымъ движеніямъ свѣтилъ являются лишь безконечно-малыми мгновеніями, мы находимся, такъ сказать, въ положеніи крота, наблюдающаго движеніе поѣздовъ по желѣзнодорожному пути. Такъ же, какъ видящій малую дугу очень большого круга ошибочно принимаетъ ее за прямую, такъ и мы довольствуемся дешевыми астрономическими выводами и рѣшеніями, которые дальнѣйшія изслѣдованія заставятъ насъ признать ложными. Такъ, принявшій малую дугу за прямую долженъ долго итти по своей предполагаемой прямой, прежде чѣмъ узнаетъ, что она кривая; и еще дальше долженъ итти по ней, чтобы узнать, что она не есть окружность; и еще дальше, чтобы узнать, что его линія есть эллипсисъ, или спираль, или парабола или что-либо другое, а между тѣмъ вопросъ о томъ, къ какой кривой отнести предполагаемую линію, есть самый существенный вопросъ для идущаго по линіи человѣка. Это самое происходитъ въ астрономіи, а все-таки астрономія признается за точную науку! *).

*) Для поясненія того же самаго въ другой области я приведу отрывокъ изъ „Теоріи тепла" Масквелля (курсивъ мой): „Описывая отношенія тѣлъ къ теплой энергіи, мы начали съ твердыхъ тѣлъ, такъ какъ съ ними легче

Дѣйствительно, мы имѣемъ въ астрономіи «точную науку», но это только потому, что астрономическія явленія требуютъ такого громаднаго масштаба, что мы видимъ только самую малую часть ихъ, только, такъ сказать, немногія подробности. Только наше невѣдѣніе позволяетъ намъ догматизировать въ этой области,—

всего обращаться. Затѣмъ мы перешли къ жидкостямъ, которыя могутъ содержаться въ открытыхъ сосудахъ, а потомъ переходимъ къ газамъ, которые не держатся въ открытыхъ сосудахъ и которые вообще невидимы. Такой порядокъ естественъ для первоначальнаго знакомства съ различными состояніями тѣлъ. Но разъ мы уже познакомились съ наиболѣе выдающимися чертами различныхъ состояній тѣлъ слѣдуетъ признать обратный порядокъ въ нашемъ дальнѣйшемъ изслѣдованіи болѣе научнымъ пріемомъ: намъ слѣдуетъ начать съ газовъ, вслѣдствіе большей простоты законовъ, которые ими управляютъ; затѣмъ мы должны перейти къ жидкостямъ, сложные законы которыхъ намъ менѣе извѣстны, и наконецъ закончить тѣми немногими данными, которыя пока намъ извѣстны о строеніи твердыхъ тѣлъ". Значитъ, наука находитъ, что легче работать надъ газами, которые невидимы и о которыхъ мы знаемъ мало, чѣмъ надъ твердыми тѣлами, которыя намъ болѣе доступны и съ которыми намъ легче обращаться. Это заключеніе кажется намъ страннымъ, однако оно представляетъ обычный пріемъ науки; въ дѣйствительности законы газовъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, нисколько не проще законовъ жидкости и твердыхъ тѣлъ; но именно потому, что мы знаемъ много меньше о газахъ, чѣмъ о твердыхъ тѣлахъ, намъ легче удовольствоваться для нихъ подобіемъ законовъ и труднѣе быть уличенными въ нашихъ заблужденіяхъ.

такъ-же, какъ въ противоположной области явленій — физикѣ и химіи — мы имѣемъ якобы точныя науки только потому, что явленія, къ нимъ относящіяся, представляются въ столь минимальномъ масштабѣ, что мы просматриваемъ всѣ подробности явленій и видимъ только кое-гдѣ нѣкоторые общіе результаты ихъ. При дѣйствіи аммiака на растворъ мѣднаго купороса образуется студенистый зеленый осадокъ. Никто не имѣетъ даже слабаго представленія о различныхъ движеніяхъ и комбинаціяхъ частицы этихъ двухъ жидкостей, сопровождающихъ образованіе зеленаго осадка. Безъ сомнѣнія, онѣ очень сложны; но изъ всѣхъ происшедшихъ въ данномъ случаѣ измѣненій въ веществѣ—только одно измѣненіе видимо глазу, и потому химикъ отмѣчаетъ его, какъ существенное. Такъ, химія вообще состоитъ изъ немногихъ, весьма немногихъ фактовъ, взятыхъ изъ всего громаднаго количества явленій, къ ней относящихся, либо произвольно, либо потому, что только эти факты поддаются изслѣдованію. Только вслѣдствіе этой немногочисленности извѣстныхъ имъ явленій, химики могутъ располагать ихъ въ желаемомъ для нихъ порядкѣ и выводить общія заключенія. Несомнѣнно, что всѣ эти обобщенія должны пасть, какъ только кругъ явленій, подлежащихъ химіи, расширится и способы ихъ изслѣдованія усилятся. То же можно сказать про магнетизмъ, свѣтъ, тепло и другіе физическіе отдѣлы; но

кажется не стоитъ подробно доказывать то, что и такъ достаточно очевидно.

Но есть еще (выражаясь не строго и въ общихъ чертахъ) третья область человѣческихъ познаній. Эта область не такъ, какъ въ астрономіи, удалена отъ насъ; явленія, къ ней относящіяся, не настолько громадны сравнительно съ нами самими, чтобы мы могли знать только малую долю ихъ; эта область также не имѣетъ дѣла съ столь минимальными величинами во времени и въ пространствѣ, чтобы мы могли улавливать только общіе результаты ихъ взаимодѣйствій, какъ мы это видѣли въ физикѣ и химіи; эта область, такъ сказать, ближе подходитъ къ уровню самого человѣка; эта область изученія такъ называемаго органическаго міра, область изученія самого человѣка, его исторіи, исторіи его развитія, изученія животныхъ, даже растеній и вообще законовъ жизни. Сюда относятся всѣ біологическія, соціальныя, историческія, психологическія и прочія науки. Эту область человѣкъ, очевидно, знаетъ лучше всего. Я не хочу этимъ сказать, что человѣкъ больше всего дѣлаетъ обобщеній въ этой области, я только утверждаю, что явленія, сюда относящіяся, онъ знаетъ лучше, чѣмъ всякія другія. На одно наблюденіе человѣка надъ привычками и поведеніями небесныхъ свѣтилъ или химическихъ растворовъ, на одно наблюденіе въ отдаленныхъ областяхъ астрономіи и химіи приходятся тысячи

и милліоны наблюденій человѣка надъ привычками и поведеніями его ближнихъ и сотни и тысячи наблюденій надъ привычками и поведеніями животныхъ и растеній. Не странно ли то, что въ этой области человѣкъ менѣе всего увѣренъ и догматиченъ, что здѣсь онъ болѣе всего сомнѣвается въ существованіи точныхъ законовъ? Или, скорѣе, не согласно ли это съ нашимъ утвержденіемъ, что наука, какъ несвѣдущій мальчикъ, всего болѣе опредѣленно и догматично выражается именно тамъ, гдѣ она обладаетъ наименьшимъ знаніемъ?

Однако, мнѣ возразятъ, что явленія, происходящія въ живыхъ существахъ, много сложнѣе, чѣмъ астрономическія и физическія явленія, и что поэтому точная наука къ нимъ мало приложима; что хотя человѣкъ знаетъ во много милліоновъ разъ больше о привычкахъ людей, чѣмъ о привычкахъ звѣздъ, но первый предметъ во столько же милліоновъ разъ сложнѣе послѣдняго, и что весь избытокъ нашихъ знаній по первому предмету не искупаетъ его сложности. Таково обыкновенное мнѣніе; однако, оно не выдерживаетъ критики. Что астрономическія явленія менѣе сложны, чѣмъ явленія органической жизни, есть не болѣе какъ предположеніе; минутное размышленіе покажетъ намъ, что въ дѣйствительности астрономическія явленія безконечно сложны. Возьмемъ для примѣра движенія луны: мы уже изъ теперешняго знакомства съ

этимъ явленіемъ знаемъ, что движенія луны находятся въ нѣкоторой зависимости отъ положенія массы земли (вліяя, напр., на приливы и отливы океана), отъ положенія и массы солнца, отъ положенія и массы каждой планеты, отъ движенія многочисленныхъ, но мало извѣстныхъ кометъ, отъ колецъ, аэролитовъ и наконецъ— отъ неподвижныхъ звѣздъ! Всякій знаетъ, что эта задача совершенно неразрѣшима даже для короткаго періода времени, тогда какъ для маломальски удовлетворительнаго рѣшенія ея въ астрономическомъ смыслѣ нуженъ періодъ времени не меньшій милліона лѣтъ, а за это время и земля, и солнце, и всѣ тѣла, вліяющія на движенія луны, сами перемѣнятъ свое положеніе. Такимъ образомъ, разъ въ рѣшеніе нашей задачи еще вносится элементъ времени, она, очевидно, дѣлается безконечно сложной; а она представляетъ только самый небольшой отрывокъ изъ всей области астрономическихъ знаній! Поэтому споръ о томъ, что сложнѣе,—безпредѣльная ли сложность движеній небесныхъ тѣлъ, или безпредѣльная сложность явленій жизни,—подобенъ спору о первенствѣ того или другого лица Св. Троицы или о томъ, исходитъ ли Св. Духъ, или пресуществуетъ: мы говоримъ о вещахъ, которыхъ мы не понимаемъ.

Природа есть нѣчто цѣлое, и мы должны вѣрить, что она одинаково глубоко-таинственна и чудесна во всѣхъ своихъ частяхъ; но такъ

какъ мы живемъ въ извѣстныхъ опредѣленныхъ условіяхъ и въ извѣстныхъ ограниченіяхъ, то мы видимъ глубже всего въ той области, которая, такъ сказать, находится на одномъ уровнѣ съ нами. Изучая человѣчество, мы видимъ природу лицомъ къ лицу; здѣсь нашъ взглядъ проникаетъ вглубь вещей и мы видимъ, что природа чудеснѣе и таинственнѣе всего того, что мы только можемъ себѣ вообразить о ней. То, что мы узнаемъ въ этой области, есть самое цѣнное наше знаніе; тогда какъ въ тѣхъ областяхъ, куда наука любитъ переноситься, мы видимъ, такъ сказать, только края ея одежды, и, хотя мы ихъ измѣряемъ какъ нельзя болѣе точно, мы однако видимъ только ихъ и больше ничего.

Часто въ доказательство существенной точности научныхъ законовъ и обобщеній приводится еще тотъ доводъ, что эти законы и обобщенія даютъ намъ возможность предсказывать явленія; но на этомъ мы не должны останавливаться. Дж. Ст. Милль въ своей логикѣ замѣтилъ,—и это дѣлается очевиднымъ послѣ небольшого размышленія,—что успѣхъ извѣстнаго предсказанія не доказываетъ истинности теоріи, на которой оно основано, а доказываетъ только то, что данная теорія годится для этого предсказанія.

Было же время, когда солнце было богомъ, каждое утро выѣзжающимъ на своей колесницѣ;

было время, когда земля была центромъ вселенной, а солнце огненнымъ шаромъ, вращающимся вокругъ нея. И въ тѣ времена люди могли съ увѣренностью предсказывать, что солнце на утро взойдетъ, и даже могли называть часъ его появленія; однако, мы поэтому не признаемъ ихъ теоріи вѣрными. Когда Адамсъ и Леверрье предсказали появленіе Нептуна на извѣстномъ опредѣленномъ мѣстѣ неба, они вывели свое краткое предсказаніе о появленіи новой планеты изъ наблюденій надъ движеніями уже извѣстныхъ планетъ, но этимъ далеко еще не была доказана правильность того широкаго обобщенія этихъ движеній, которое называется закономъ тяготѣнія. Этимъ было только показано, что это обобщеніе годилось для того краткаго періода, который разсматривался и который дѣйствительно весьма кратокъ сравнительно съ настоящими задачами астрономіи, для рѣшенія которыхъ законъ тяготѣнія окажется вѣроятно недостаточнымъ.

Тихо-Браге, будучи превосходнымъ астрономомъ, держался, какъ мы видѣли, теоріи эпицикловъ. Онъ воображалъ, что путь луны вокругъ земли есть фиксированная комбинація цикла съ эпицикломъ. Кеплеръ ввелъ представленіе объ эллипсисѣ. Затѣмъ движеніе перигея и другія уклоненія заставили покинуть предположеніе объ эллипсисѣ и остановиться на предположеніи о безконечной кривой, подобной эллипсису

въ каждой своей точкѣ; предполагалось, что такая кривая находится на нѣкоторомъ опредѣленномъ среднемъ разстояніи отъ земли, никогда не возвращается опять на себя и не образуетъ никакой замкнутой фигуры. Наконецъ, изслѣдованія Георга Дарвина разрушили представленіе объ опредѣленномъ среднемъ разстояніи и ввели представленіе о постоянно расширяющейся спирали. Конечно, трудно себѣ представить четыре теоріи, болѣе рѣзко отличающіяся одна отъ другой, чѣмъ вышеизложенныя, однако затмѣнія будущаго года можно вычислить почти одинаково хорошо, прибѣгнувъ къ любой изъ нихъ. Дѣло въ томъ, что настоящая задача такъ обширна, что наши предсказанія на нѣсколько лѣтъ захватываютъ только, такъ сказать, маленькій краешекъ ея. Если же въ каждомъ данномъ случаѣ мы отнесемся къ предсказанію, какъ къ доказательству теоріи, на которомъ оно основано, то, очевидно, мы въ концѣ-концовъ придемъ къ безнадежно противорѣчивымъ результатамъ.

Итакъ, успѣхъ всякаго предсказанія показываетъ только то, что теорія, на которой оно основано имѣла нѣкоторое практическое значеніе, какъ полезная гипотеза. Научныя теоріи весьма цѣнны, какъ полезныя гипотезы, но лишь постольку, поскольку онѣ не переступаютъ тѣхъ тѣсныхъ границъ, въ предѣлахъ которыхъ онѣ легко могутъ быть провѣрены. Дѣйствительно, мы не могли бы обойтись безъ нихъ; но когда

мы ихъ принимаемъ за объективные факты, когда, напримѣръ, такому закону, какъ законъ тяготѣнія, выведенному изъ изслѣдованія тѣхъ немногихъ явленій, которыя намъ извѣстны о небесныхъ тѣлахъ, приписывается значеніе всемірной истины; когда такой законъ прилагается для объясненія явленій за милліоны лѣтъ и когда на вѣрѣ въ него основываются не поддающіяся провѣркѣ пророчества о планетныхъ орбитахъ, или заключенія о возрастѣ земли и продолжительности солнечной системы, тогда все, что можно сказать, это то, что такъ разсуждать значитъ устремляться прочь отъ действительности по касательной. Ибо такъ же, какъ касательная къ кривой обозначаетъ приблизительное ея направленіе лишь на разстояніи весьма малой дуги, такъ научныя теоріи довольно хорошо истолковываютъ значеніе явленій въ узкихъ предѣлахъ нашихъ наблюденій; но такъ же, какъ, направляясь по касательной, мы скоро теряемъ кривую, такъ, слѣдуя этимъ теоріямъ за предѣлы дѣйствительнаго изслѣдованія, мы тотчасъ же перестаемъ имѣть дѣло съ фактами *).

*) Всѣ наши мысли, теоріи, „законы" и проч. о природѣ соприкасаются съ ней такъ же, какъ касательная съ кривой,—только въ одной точкѣ. Они даютъ извѣстное направленіе и они вѣрны только въ этой точкѣ; но малѣйшее движеніе—и мы должны проводить новую касательную. Кривая—одна а число касательныхъ къ ней безконечно. Это сравненіе можетъ пояснить не только отношеніе науки къ природѣ, но также и отношеніе искусства къ тому матеріалу, изъ котораго оно творитъ. Поэтъ создаетъ образы, но не въ нихъ главный смыслъ его произведенія, онъ знаетъ, что сами по себѣ образы его не истины, но что они соприкасаются съ истиной. Его линіи—это оболочка кривой; сама кривая это сущность его поэмы.

Скажемъ еще нѣсколько словъ объ общемъ методѣ науки. Наука переходитъ отъ явленій къ законамъ, отъ видимыхъ и осязаемыхъ индивидуальныхъ особенностей къ обширнымъ обобщеніямъ неосязаемаго и призрачнаго характера. То-есть мы классифицируемъ объекты для того, чтобы удобнѣе мыслить о нихъ. Какъ же производится эта классификація? Она производится чрезъ усматриваніе тожества въ разнообразіи. Найдя въ какомъ-нибудь количествѣ предметовъ нѣкоторыя общія свойства ихъ, мы употребляемъ эту группу общихъ свойствъ для того, чтобы, такъ сказать, связать ими всѣ взятые нами предметы въ одно, для того, чтобы удобнѣе мыслить о нихъ. Затѣмъ мы даемъ названіе этимъ общимъ свойствамъ и это даетъ намъ возможность обозначать каждый предметъ изъ всего взятаго нами количества отдѣльно. Возвратимся къ взятому уже нами примѣру: усматривая въ извѣстномъ количествѣ собакъ нѣкоторыя свойства, общія имъ всѣмъ, я обозначаю группу этихъ общихъ свойствъ названіемъ «гончей собаки», послѣ чего я уже постоянно упот-

ребляю слово «гончая собака», мысленно соотнося между собой эти видѣнные мною предметы. Точно такъ же, усмотрѣвъ, нѣкоторыя общія свойства между другими подобными же предметами, я придумываю для нихъ другое слово' я называю ихъ «борзыми собаками». Понятіе «гончая собака» тѣмъ отличается отъ тѣхъ предметовъ, которые оно обозначаетъ, что послѣдніе суть настоящія собаки, съ тысячами и тысячами свойствъ каждая; такъ у одной одинъ зубъ сломанъ, другая почти вся бѣлая, третья отзывается на кличку «Салли» и т. д.; тогда какъ понятіе есть лишь вымышленная форма моего ума, заключающая въ себѣ нѣкоторыя немногія свойства предметовъ и лишенная всякихъ индивидуальныхъ особенностей ихъ; это нѣчто вродѣ очень простого наибольшаго общаго дѣлителя, выведеннаго изъ даннаго ряда большихъ чиселъ.

Составляя же себѣ понятія «гончая собака», «борзая собака» и еще множество другихъ таковыхъ же, я нахожу, что эти понятія въ свою очередь имѣютъ нѣкоторыя немногія общія свойства и такимъ образомъ позволяютъ возникнуть новому понятію — понятію о «собакѣ» вообще. Конечно, такое понятіе о собакѣ есть еще большее отвлеченіе, чѣмъ первое, это — понятіе отъ понятія. Особенность всего этого мысленнаго процесса состоитъ въ томъ, что (какъ это признается нѣкоторыми мыслителями), чѣмъ шире дѣлается обобщеніе, тѣмъ оно больше теряетъ

въ глубину; или, другими словами, очевидно, что чѣмъ больше предметовъ берется для сравненія, тѣмъ самымъ количество свойствъ, общихъ имъ всѣмъ, уменьшается. Наконецъ, какъ мы это видѣли въ началѣ, если мы возьмемъ достаточное для этого количество предметовъ, наше понятіе («о собакѣ» или о чемъ другомъ) все болѣе и болѣе блѣднѣетъ и перестаетъ имѣть какое-либо значеніе. Такимъ образомъ дилемма науки и въ то же время всего человѣческаго знанія состоитъ въ томъ, что, продолжая слѣдовать свойственному этому знанію процессу, мы по необходимости оставляемъ твердую почву дѣйствительности и переходимъ въ воздушныя области отвлеченій, которыя, чѣмъ дальше мы подвигаемся, тѣмъ дѣлаются все неуловимѣй и безсодержательнѣй, пока, наконецъ, не превращаются въ совершенные призраки. Тѣмъ не менѣе такой процессъ есть совершенная необходимость, такъ какъ только такимъ путемъ нашъ умъ можетъ разбираться во всемъ разнообразіи вещей.

Остановимся нѣсколько подробнѣе на этомъ вопросѣ. Ясно, что всякій предметъ имѣетъ нѣкоторое отношеніе ко всякому другому предмету и, въ дѣйствительности, существуетъ только въ силу своего отношенія къ другимъ предметамъ. Слѣдовательно, всякій предметъ имѣетъ безчисленное множество свойствъ; и потому нашъ умъ совершенно безсиленъ имѣть дѣло съ такимъ объектомъ; онъ для него немыслимъ, Поэтому

для того, чтобы разобраться, нашъ умъ принужденъ изолировать нѣкоторыя немногія свойства предметовъ, т. е. немногія отношенія ихъ между собою, и сперва мыслить только ихъ (этимъ самымъ уже примѣняя къ дѣлу методъ невѣдѣнія или отвлеченія). О другихъ свойствахъ предметовъ, говоримъ мы себѣ, мы будемъ думать послѣ. Такимъ образомъ, отбрасывая или отвлекая отъ нашего объекта все множество его свойствъ и оставляя только немногія для сочетанія ихъ въ понятіе, на дѣлѣ нашъ умъ покидаетъ настоящій предметъ и имѣетъ дѣло только съ его тѣнью. За то получается нѣчто, съ чѣмъ можно легко обращаться и что, какъ бумажныя деньги, на время и при извѣстныхъ условіяхъ имѣетъ настоящую цѣнность. Опасность здѣсь заключается только въ томъ, что наша мысль, увлеченная широкой приложимостью составленнаго такимъ образомъ частнаго понятія, легко можетъ придать ему дѣйствительную цѣнность, проектируя таковое на фонѣ видимаго міра и приписывая понятію реальность, принадлежащую исключительно объектамъ, т. е. предметамъ, воплощающимъ въ себѣ безконечный рядъ свойствъ.

Теперь свойственный наукѣ методъ для насъ ясенъ и можетъ быть обильно иллюстрированъ современными выводами ея. Нашъ опытъ состоитъ въ ощущеніяхъ: мы ощущаемъ тяжесть вѣсомыхъ тѣлъ, мы видимъ, какъ они падаютъ,

когда не поддержаны; тепло, холодъ, свѣтъ, темноту и пр. мы знаемъ только по нашимъ ощущеніямъ. Но такъ какъ эти наши ощущенія видоизмѣняются въ зависимости отъ мѣста и человѣка, воспринимающаго ихъ, мы естественно пытаемся найти какое-нибудь общее мѣрило для нихъ, чтобы говорить о нихъ и описывать ихъ точно и независимо отъ индивидуальныхъ особенностей наблюдателей. Такимъ образомъ, мы пытаемся найти такое общее явленіе, которое обусловливаетъ (какъ мы выражаемся) ощущенія тепла и холода, свѣта и темноты, или найти нѣчто объясняющее паденіе тѣлъ (т. е. нѣчто, всегда сопутствующее явленіямъ паденія тѣлъ); для этого мы прибѣгаемъ къ вышеописанному методу обобщенія, т. е., мы наблюдаемъ большое число индивидуальныхъ случаевъ и потомъ смотримъ, какіе признаки или какія свойства общи всѣмъ этимъ случаямъ. До сихъ поръ мы поступаемъ совершенно правильно; но какъ разъ здѣсь-то и вкрадывается заблужденіе принятаго научнаго способа: мы забываемъ что наши обобщенныя свойства суть только отвлеченія отъ дѣйствительныхъ явленій и вѣримъ ихъ реальному существованію, а на дѣйствительныя явленія смотримъ, какъ на второстепенные результаты, какъ на «послѣдствія» этихъ «причинъ». Разсуждать такъ—значитъ ставить телѣгу передъ лошадью или, лучше сказать, обращать больше вниманія на тѣнь человѣка, чѣмъ на него самого.

Такъ, напримѣръ, находя, что большое количество разнообразныхъ по формѣ и цвѣту тѣлъ стремится падать на землю, мы возводимъ это общее свойство тѣлъ—падать — въ нѣчто самостоятельно существующее, называя его «притяженіемъ» или «тяготѣніемъ», и въ концѣ концовъ провозглашаемъ положеніе о всемірномъ тяготѣніи, действующемъ на всѣ тѣла въ Природѣ. Или, найдя, что нѣкоторыя вещества, какъ, напр., вода, воздухъ, дерево и др., даютъ намъ въ извѣстныхъ случаяхъ извѣстное ощущеніе, называемое звукомъ, и что элементъ, общій всѣмъ этимъ случаямъ, есть колебаніе, мы отдѣляемъ отъ этихъ тѣлъ ихъ свойство колебаться, придаемъ этому свойству отдѣльное существованіе и называемъ его причиной звука. Но хотя мы можемъ такимъ образомъ мыслить о тѣни человѣка отдѣльно отъ него самого, однако тѣнь человѣка не можетъ существовать отдѣльно отъ него; хотя мы можемъ стараться мыслить о паденіи или о колебаніи дерева или камня отдѣльно отъ самыхъ тѣлъ, однако самое паденіе или самое колебаніе отдѣльно отъ нихъ существовать не могутъ. И попытка говорить о такихъ отдѣльныхъ существованіяхъ только приводитъ къ безсмыслицѣ. Еще страннѣе это самообольщеніе науки, когда, какъ, напр., въ теоріи волнообразнаго эфира или въ теоріи атомовъ, сами понятія, возведенныя въ реальности, якобы существующія въ дѣйствительности, состоятъ

изъ свойствъ, вполнѣ воображаемыхъ,—изъ волнообразнаго эѳира въ первомъ случаѣ и изъ идеально твердаго и упругаго атома во второмъ. Разумѣется, въ результатѣ всего этого, наука, какъ мы это теперь видимъ, приходитъ во всѣхъ направленіяхъ къ нелѣпостямъ. Она начинаетъ съ того, что отдѣляетъ отъ падающихъ тѣлъ одно изъ ихъ свойствъ, а именно—свойство ихъ падать, т. е., она исходитъ изъ отвлеченія, которое само по себѣ есть нѣчто ложное, затѣмъ она обобщаетъ и обобщаетъ это отвлеченіе и наконецъ приходитъ къ идеально обобщенной нелѣпости, къ чему-то лишенному всякаго значенія, а именно—къ закону тяготѣнія. Положеніе, что «всякая частица вселенной притягиваетъ всякую другую частицу съ силой, пропорціональной массѣ притягивающей частицы и обратно пропорціональной квадрату разстоянія между ними", лишено всякаго смысла и значенія. Человѣческій умъ не можетъ дать какое-нибудь опредѣленное значеніе словамъ «масса», «притяженіе», «сила»; эти понятія взаимно уничтожаютъ другъ друга. Разумъ отказывается понимать этотъ законъ. Ньютонъ, изобрѣтшій его, объявилъ, что ни одинъ философскій умъ не можетъ допустить, чтобы тѣла могли дѣйствовать другъ на друга такъ, безъ посредства чего-нибудь такого, чѣмъ и черезъ что ихъ дѣйствіе могло бы быть передаваемо; современные же ученые склонны утверждать, что матеріальная среда такого рода сдѣ-

лала бы законъ тяготѣнія еще болѣе непонятнымъ. Съ другой стороны, предположеніе о средѣ нематеріальной, или о средѣ четвертаго измѣренія, какъ предлагается нѣкоторыми учеными, просто вывело бы вопросъ изъ предѣловъ научнаго анализа. Далѣе, формула закона Ньютона есть формула обратныхъ квадратовъ; если это такъ, то, зная, что законъ обратныхъ квадратовъ есть законъ совершеннаго лучеобразнаго дѣйствія всякой силы, вытекающій изъ самой природы пространства, мы необходимо должны допустить, что въ данномъ случаѣ извѣстная сила (какова бы ни была ея природа) дѣйствуетъ лучеобразно въ пространствѣ безъ всякой потери или разсѣянія, и такимъ образомъ сила тяготѣнія явилась бы единственнымъ въ своемъ родѣ явленіемъ. Мало того, предполагается, что тяготѣніе дѣйствуетъ на самыя громадныя разстоянія мгновенно, безпрепятственно и ничѣмъ не задерживаясь на своемъ пути, каковы бы ни были количества и качества межлежащихъ тѣлъ! Развѣ не очевидно, что законъ тяготѣнія есть законъ чисто метафизическій, что все это есть возведеніе въ область чудовищныхъ обобщеній и отвлеченій частичнаго пониманія міра явленій, выведеннаго изъ ограниченной области наблюденій?

Перейдемъ теперь къ теоріи волнообразнаго эѳира. Изучая явленія, относящіяся къ большому числу свѣтящихся и окрашенныхъ тѣлъ, наука находитъ удобнѣе всего мыслить о нихъ,

т. е. обобщать и связывать ихъ въ отдѣльныя группы, предполагая, что всѣ эти тѣла находятся въ колебаніи (непохожемъ на звуковое колебаніе), но происходящемъ въ такихъ малыхъ размѣрахъ, что оно непосредственно замѣчено быть не можетъ. До сихъ поръ разсужденіе правильно. Нѣтъ никакой бѣды въ предположеніи о волнообразномъ движеніи, пока оно понимается просто какъ предположеніе, удобное для мышленія. Но наука идетъ далѣе: она не только предполагаетъ, что вибрація есть свойство, общее всѣмъ видимымъ тѣламъ, но она придаетъ этому общему свойству тѣлъ реальное существованіе, независимое отъ тѣхъ тѣлъ, которымъ, какъ предполагается, оно присуще, и называетъ вибрацію п р и ч и н о й видимости тѣлъ! Очевидно, что для этой предполагаемой общей всемірной вибраціи потребовалась общая всемірная среда, совершенно такъ же, какъ Ньютону потребовалась среда для его всемірнаго „паденія"; и вотъ появляется волнообразный эѳиръ. Но, получивъ таковой, оказывается, что для исполненія тѣхъ требованій, которыя мы къ нему предъявляемъ, эѳиръ долженъ на квадратный дюймъ оказывать давленіе въ 17 милліоновъ фунтовъ и все-таки быть насколько тонкимъ и рѣдкимъ, чтобы не препятствовать малѣйшему движенію воздуха; долженъ быть таковъ, чтобы, несмотря на такую рѣдкость и тонкость его, не поддающіяся самому тщательному прямому опыту

вибраціи его могли бы производить очень сильныя дѣйствія на самыя твердыя тѣла и разрушать ихъ; и таковъ, чтобы волны его могли свободно проходить чрезъ нѣкоторыя плотныя и сплошныя тѣла, какъ, напр., стекло, и не могли пропускаться даже такими легкими и пористыми тѣлами, какъ пробка, и т. д., и т. д.! Въ сущности оказывается, что эѳиръ немыслимъ. Наука безсильно и безполезно бьется своей преданной головой о непреодолимыя препятствія, представляемыя для нея какъ неосязаемымъ и невидимымъ эѳиромъ, такъ и мгновенно дѣйствующимъ и передающимся безъ среды тяготѣніемъ. Сама сотворивъ эти нелѣпости по методу «олицетворенія отвлеченностей» *) или „воплощенія понятій" **), наука серьезно и совершенно искренно старается понять ихъ; воздвигнувъ своего собственнаго фетиша (за что она когда-то осмѣяла религію), она благочестиво закрываетъ предъ нимъ глаза и старается вѣрить въ него.

Атомистическая теорія ***) даетъ прекрасный примѣръ для поясненія «метода невѣдѣнія», Когда мы хотимъ мыслить вообще о вещественныхъ предметахъ, хотимъ обобщать ихъ, т.-е. найти въ нихъ одно или нѣсколько свойствъ, общихъ имъ всѣмъ, мы сначала останавливаемся

---

*) Дж Ст. Милль.

**) Сталло

***) См. книгу Сталло: „Современныя воззрѣнія физикп", а также Страхова: „О методѣ естественныхъ наукъ" и „Міръ" какъ цѣлое.
Прим. переводчика.

въ недоумѣніи предъ ихъ громаднымъ разнообразіемъ. Но понемногу путемъ отбрасыванія или отвлеченія всѣхъ тѣхъ свойствъ или признаковъ, которые мы замѣчаемъ въ одномъ какомъ-нибудь предметѣ и не замѣчаемъ въ другомъ, напр., таковыхъ свойствъ, какъ красный или синій цвѣтъ предметовъ, какъ теплота ихъ, соленость, жизненность, разумность и пр. и пр., мы наконецъ находимъ, что одно свойство вещественныхъ тѣлъ, а именно—нѣкоторое сопротивленіе нашему прикосновенію, обще имъ всѣмъ. Это свойство тѣлъ мы называемъ ихъ «массой». А такъ какъ оно познается только черезъ движеніе, то «масса» и «движеніе» являются двумя соотносительными понятіями, посредствомъ которыхъ мы находимъ полезнымъ классифицировать всѣ тѣла; однако, мы не потому находимъ это полезнымъ, что эти два понятія даютъ намъ хорошее изображеніе разныхъ предметовъ, а только потому, что мы находимъ, что они свойственны всѣмъ тѣламъ! Совершенно также мы могли бы классифицировать людей по ихъ обуви, не потому, что обувь есть цѣнный принципъ классификаціи, а просто потому, что всѣ люди носятъ ту или другую обувь. Пока еще особаго вреда въ этомъ нѣтъ. Но затѣмъ, мысленно исключивъ по методу невѣдѣнія всѣ свойства тѣлъ, кромѣ помянутыхъ двухъ соотносительныхъ между собою свойствъ массы и движенія, мы предпринимаемъ общее объясненіе природы этими

двумя оставшимися свойствами. Мы вѣримъ въ самостоятельное существованіе этихъ двухъ понятій (массы и движенія) и изъ нихъ беремся вывести всѣ остальныя явленія. Конечно, такой процессъ есть нелѣпость, и, конечно, онъ приводитъ къ тому, что эта нелѣпость обнаруживается. Мысля о массѣ и о движеніи, какъ существующихъ въ разныхъ тѣлахъ отдѣльно отъ цвѣта, запаха и прочихъ свойствъ этихъ тѣлъ, чего на самомъ дѣлѣ не можетъ быть, мы комбинируемъ эти два свойства тѣлъ въ одно понятіе атома, который по нашему предположенію существуетъ во всѣхъ тѣлахъ. Атомъ лишенъ цвѣта, запаха, вкуса, теплоты, жизни и разумности; такъ какъ методъ его полученія состоитъ въ отбрасываніи всего, кромѣ массы и движенія, то онъ обладаетъ только массой и движеніемъ. Это есть лишь начертаніе одной человѣческой мысли на общемъ фонѣ природы и это есть безсмыслица. Во всей безпредѣльной вселенной не существуетъ такой вещи, какъ масса и движеніе, лишенныя цвѣта, запаха, теплоты, жизни, разума и пр. Атомъ нельзя мыслить. Онъ абсолютно твердъ и абсолютно упругъ; это все равно, что сказать: атомъ сжимаемъ и въ то же время несжимаемъ. Онъ имѣетъ форму и не имѣетъ ея; онъ имѣетъ сродство и тѣмъ не менѣе совершенно индифферентенъ. Поклонники атома много потрудились для того, чтобы оправдать предъ людьми поведеніе этого ихъ фетиша. Одинъ

говоритъ, что атомъ состоитъ исключительно изъ вещества—изъ совершенно пассивнаго вещества, необладающаго никакой силой, кромѣ силы сопротивленія; другой говоритъ, что атомъ не есть вещество, а есть лишь точка приложенія силы; третій увѣряетъ, что атомъ не есть самъ по себѣ вещество, а что это вихрь въ другомъ веществѣ! И всѣ соглашаются на томъ, что атомъ не есть объектъ органовъ нашихъ чувствъ, и остается только заключить, что атомъ не только не мыслимъ, но и безсмысленъ *).

Во всѣхъ отрасляхъ науки мы видимъ то же самое. Человѣческая мысль, направляясь по касательной и тѣмъ самымъ удаляясь отъ природы, останавливается, наконецъ, на безконечно удаленныхъ отъ нея ничтожествахъ, на бѣдныхъ призрачныхъ остовахъ природы,—на отвлеченіяхъ

---

*) Непереводимая игра словъ: the atom is not an object of sense, but.. it is nonsense. Прим. переводчика.

См. для примѣра послѣднюю новость въ этомъ родѣ— молекулу Гельмгольца, усовершенствованную Вильямомъ Томсономъ. Она описывается такъ: «Это есть вѣсомая масса, связанная невѣсомыми пружинами съ невѣсомой оболочкой, или же она состоитъ изъ центральной плотной массы, болѣе плотной чѣмъ эѳиръ, и изъ нѣсколькихъ оболочекъ, заключающихся одна въ другой и соединенныхъ между собой пружинами». Конечно, не предполагается, что такое безсмысленное созданіе существуетъ, но предполагается, что если бы оно существовало, то оно хорошо подходило бы къ объясненію нѣкоторыхъ необъяснимыхъ явленій разсѣянья свѣта и пр.

отъ нея, и иначе оно и не можетъ быть, потому что человѣческая мысль до сихъ поръ можетъ улавливать только призраки вещей, а не реальности. Не надо только ошибаться и смѣшивать двѣ несовмѣстимыя между собою вещи,—призраки не надо принимать за нѣчто реальное. Атомъ, годящійся физику, не годится химику. Эфиръ, годный для передачи свѣта, не годится для передачи силы тяготѣнія, а среда, которая подходила бы для объясненія дѣйствія на разстояніе электричества, не могла бы служить для первыхъ двухъ цѣлей.

Едва ли стоило бы вдаваться во всю эту критику научныхъ положеній и пріемовъ, еслибы не было очевидно, что за послѣднее время наука намѣренно или безсознательно пытается устанавливать явленія, какъ существующія независимо отъ самого наблюдателя, т.-е. человѣка, о чемъ я уже говорилъ въ началѣ настоящаго очерка. Видя, что наши сужденія въ обыденной жизни очевидно не точны и находятся въ зависимости отъ наблюдателя,—и въ самомъ дѣлѣ они неразрывно связаны съ чувствованіями самого человѣка,—наука естественно старалась произвести нѣчто точное и независимое отъ чувствованій человѣка. Этимъ, однако, она напередъ обрекла себя на неудачу, ибо, съ одной стороны, наши сужденія объ отдѣльныхъ явленіяхъ или о группахъ отдѣльныхъ явленій могутъ быть точны только тогда, когда они добыты по извѣстному уже намъ

методу невѣдѣнія, а съ другой стороны, очевидно, ни одно наше сужденіе не можетъ быть совершенно независимо отъ человѣческаго чувствованія. Когда кто нибудь говоритъ «холодно», его сужденіе, надобно сознаться, человѣчно до плачевности и весьма неопредѣленно. Что холодно? Хотите ли вы сказать, что что-то холодно, или что кажется или чувствуется, что холодно? Холодно въ какомъ слыслѣ? Холодно вамъ или еще кому, или полярнымъ медвѣдямъ, или по термометру холодно? и т. д. и т. д. Но здѣсь наука авторитетно вмѣшивается и поправляетъ насъ. Она говоритъ: температура равняется 30° Фаренгейта, и какъ будто этимъ уясняетъ дѣло. Но развѣ на самомъ дѣлѣ она уясняетъ дѣло? Температура,—но кто знаетъ, что это такое? Въ чемъ состоитъ ея научное опредѣленіе? Справляюсь (Кларкъ Максвелль, «Теорія тепла», стр. 2): «Температура извѣстнаго тѣла есть нѣкоторая величина, показывающая, насколько это тѣло тепло или холодно». Это все равно, что сказать: «цвѣтъ тѣла есть нѣкоторая величина, показывающая, насколько это тѣло красно, сине или желто». Это насъ мало подвигаетъ въ рѣшеніи нашего вопроса. Но въ слѣдующемъ параграфѣ Максвелль указываетъ на объектъ этого своего, конечно, предварительнаго опредѣленія, говоря: «И такъ, съ помощью этого слова, температура, мы убѣждаемся въ томъ, что не только возможно чувствовать, но также и из-

мѣрять, насколько данное тѣло тепло или холодно». Значитъ, Максвель ясно утверждаетъ, что можно найти абсолютное мѣрило тепла или холода или, лучше сказать, мѣрило того неизвѣстнаго, которое называется температурой и которое существуетъ внѣ насъ и не зависитъ отъ человѣческаго ощущенія. Когда кто нибудь говоритъ, что ему холодно, онъ по всѣмъ вѣроятіямъ описываетъ только то, что онъ чувствуетъ; наука же здѣсь указываетъ на возможность найти нѣчто, имѣющее свое независимое существованіе, нѣчто такое, что разъ найденное легко можетъ поддаваться точному измѣренію. Но что же это такое, — эта неизвѣстная вещь? Скажите, наконецъ, что такое температура?

Мы напрасно напрягаемъ свой мозгъ, ища отвѣта. Однако, можетъ быть остальная часть нашего предложенія «температура равняется 30 градусамъ Фаренгейта» поможетъ намъ. То неизвѣстное, которое мы ищемъ, есть «30 градусовъ». Но тогда возникаетъ новый вопросъ: что такое градусъ? Послѣ того, какъ теорія тепла, хотя и возникшая изъ ощущеній человѣка, покинула изученіе ихъ, какъ ненужное, одно изъ первыхъ пристанищъ ея было въ явленіяхъ расширенія жидкостей, происходящихъ въ термометрическихъ трубкахъ. Временно думали, что здѣсь имѣется удовлетворительный показатель «температуры». Но скоро выяснилось, что градусъ Фаренгейта, Реомюра или кого бы то ни было есть

нѣчто вполнѣ произвольное, а также, что градусъ не есть одно и то же въ началѣ и въ концѣ лѣстницы температуръ *), и наконецъ, что сама эта лѣстница не имѣетъ никакой исходной точки! Это было неудобно, и поэтому ученые стали склоняться въ пользу воздушнаго термометра, явились толки объ абсолютномъ нулѣ, объ абсолютной температурѣ; думали, что искомое неизвѣстное проще и явственнѣе проявляетъ себя въ расширеніи воздуха и другихъ газовъ, и что «градусъ», можно измѣрять посредствомъ этого расширенія. Но вскорѣ и этотъ родъ термометра, абсолютный нуль и все прочее, пало,— главнымъ образомъ потому, что ни одинъ газъ не оказался «теоретически совершеннымъ», и наука повернула въ другую сторону—въ сторону динамической теоріи. Было объявлено, что искомое неизвѣстное можетъ измѣряться формулами механической энергіи, и Джоуль въ Манчестерѣ провозгласилъ, что работа, производимая какимъ бы то ни было количествомъ воды, падающей съ высоты 772 футъ, можетъ поднять температуру этого же количества воды на 1° Фаренгейта **)

*) Уже одно то, что градусы термометра суть р а в н ы я пространственныя дѣленія, доказываетъ, что отношеніе ихъ ко всему объему жидкости, расширяющейся отъ одного конца трубки до другого, н е м о ж е т ъ оставаться п о с т о я н н ы м ъ.

**) Какъ это слѣдуетъ изъ вышеизложеннаго, это положеніе приложимо только къ одной ступени всей лѣстницы температуръ.

Здѣсь, казалось, получилось нѣчто опредѣленное. Измѣренiе температуры посредствомъ массы и скорости, измѣренiе градуса посредствомъ паденiя камня (или теплоты человѣческаго тѣла посредствомъ паденiя фабричной трубы) несмотря на такой окольный путь для рѣшенiя задачи и на уклоненiе отъ самой сути ея, казалось, во всякомъ случаѣ обѣщало точные результаты. Къ несчастiю трудность здѣсь состояла въ томъ, чтобы отъ теорiи перейти къ ея приложенiю. Сложность задачи, вытекающая изъ самой природы ея, несовершенство «газовъ» и другихъ сюда относящихся тѣлъ, необходимость допущенiя скрытаго состоянiя тепла и другихъ спецiальныхъ состоянiй его, трудность поставить опыты такъ, чтобы тепло не разсѣивалось, измѣнчивость значенiя градуса при разныхъ температурахъ—все это заставляетъ думать, что окончательное заключенiе по этому вопросу было бы преждевременно. Общiя уравненiя, показывающiя соотношенiя температуры по Фаренгейту и по другимъ термометрамъ съ температурой по термодинамической скалѣ, во всякомъ случаѣ только приблизительны, а на практикѣ безполезны по своей неуклюжести.

Наконецъ, чтобы дать послѣднюю формулу механической теорiи тепла, было введено представленiе о движущихся атомахъ или молекулахъ, и изъ динамическихъ соображенiй выведенъ рядъ обобщенiй. Конечно, разъ, мы исходили

изъ механической теорiи, мы по необходимости должны были рано или поздно придти къ этому, и (какъ это слѣдуетъ изъ предыдущаго) мы неизбѣжно должны были придти къ неудовлетворительнымъ результатамъ. Достаточно сказать, что молекулярная теорiя тепла не согласуется съ фактами. Такъ, напр., законы Шарля или Бойля, которые согласно этой теорiи должны бы быть строго точны и общепримѣнимы, на самомъ дѣлѣ вѣрны только при извѣстныхъ весьма ограниченныхъ условiяхъ. Можно было бы сказать, что эти неудачи происходятъ отъ приложенiя къ теорiи тепла статическаго метода; но если мы, съ другой стороны, будемъ изслѣдовать и выслѣживать отдѣльныя движенiя каждой молекулы, намъ представится такая задача, передъ которой блѣднѣютъ самые смѣлые полеты мысли въ области астрономiи, и мы промѣняли бы первоначальную трудность опредѣленiя «температуры» на трудности еще большiя.

Въ результатѣ всего этого оказывается, что, несмотря на всѣ рѣчи объ атомахъ и энергiи, наука должна съ грустiю сознаться, что она до сихъ поръ не можетъ дать настоящiй смыслъ слову «температура»; искомое неизвѣстное остается неизвѣстнымъ; самостоятельное существованiе ея гдѣ-то до сихъ поръ ускользаетъ отъ насъ. Тѣмъ самымъ, что наука тщилась придти къ чему-то независимому отъ ощущенiй самого человѣка, она окольнымъ путемъ пришла къ нелѣпости.

Когда человѣкъ говоритъ «холодно», его сужденіе, несмотря на всю плачевную неопредѣленность его, имѣетъ нѣкоторое значеніе, — человѣкъ описываетъ то, что онъ чувствуетъ, или можетъ быть онъ видѣлъ снѣгъ или ледъ на дорогѣ; но когда наука, пренебрегая всѣмъ человѣческимъ и стараясь изрѣчь нѣчто абсолютное, объявляетъ, что температура равна 30°, она обрекаетъ себя на сужденіе, которое можетъ быть формально вѣрно, но которому она не придаетъ и никогда не можетъ придать никакого значенія *).

По отношенію къ другимъ общимъ выводамъ науки,—къ закону сохраненія энергіи, закону выживанія наилучше приспособленныхъ особей, мы точно также увидимъ, что чѣмъ больше мы о нихъ думаемъ, тѣмъ менѣе возможно придать имъ какой-либо дѣйствительно понятный смыслъ. Въ самомъ дѣлѣ, самое это слово «наилучше приспособленная особь» предрѣшаетъ поставленный вопросъ; законъ же о сохраненіи энергіи есть лишь упрощеніе и такъ уже сильно упрощеннаго закона тяготѣнія. Химическіе элементы

*) Я, конечно, этимъ не возстаю противъ употребленія термометровъ и др. инструментовъ для практическихъ цѣлей. Это законная область науки (можетъ быть единственная законная ея область). Но такъ же, какъ мы это видѣли въ вопросѣ о предсказаніяхъ, точность нѣкоторыхъ практическихъ результатовъ еще не доказываетъ истинности тѣхъ общихъ выводовъ, которые, какъ предполагается, являются причиной этихъ результатовъ. При употребленіи термометра намъ даже незачѣмъ упоминать слово „температура“.

сами по себѣ представляютъ не что иное, какъ приложеніе къ внѣшнему міру понятій, образовавшихся черезъ отвлеченіе двухъ или трехъ свойствъ тѣлъ; они не болѣе, а гораздо менѣе реальны, чѣмъ тѣ индивидуальные предметы, которые, какъ предполагается, они объясняютъ, а ихъ элементарный характеръ есть не болѣе какъ фикція. По всѣмъ вѣроятіямъ окажется, что такъ же нелѣпо говорить о чистомъ золотѣ или о чистомъ углеродѣ, какъ о чистой собакѣ или обезьянѣ. Такихъ вещей не существуетъ, и до нихъ можно дойти развѣ только по методу невѣдѣнія и путемъ произвольныхъ опредѣленій.

Въ поискахъ за точностью наукѣ постоянно приходилось отбрасывать въ явленіяхъ элементы человѣчности и индивидуальности, въ надеждѣ найти внѣ ихъ такое пристанище, гдѣ бы не было ничего человѣческаго и индивидуальнаго, а гдѣ можно было бы найти нѣчто абсолютное и неизмѣнное. Отсюда явилось во всѣхъ наукахъ стремленіе избавиться отъ такихъ выраженій, какъ синій, красный, тяжелый, горячій, согласный, несогласный, здоровый, жизненный, правый, неправый и пр., и основываться въ каждомъ данномъ случаѣ на не столь человѣческихъ понятіяхъ. Такъ, напр., при изученіи звука наука старается какъ можно менѣе имѣть дѣло съ тѣмъ, что ухо ощущаетъ и познаетъ непосредственно, и основывается все болѣе и болѣе на измѣреніяхъ длины струнъ, на числѣ колебаній и пр.

Каждая наука объясняетъ явленія, ею изслѣдуемыя, по возможности, понятіями низшаго порядка. Такъ, этика сведена на вопросы полезности и унаслѣдованныхъ привычекъ, изъ политической экономіи изъяты всѣ понятія о справедливости между людьми, о состраданіи, о привязанностяхъ, о стремленіяхъ къ солидарности, и она основана на принципѣ самаго низшаго порядка, какой только можно было въ ней найти, а именно—на принципѣ личнаго интереса. Изъ біологіи исключено значеніе личности, какъ въ растеніяхъ и животныхъ, такъ и въ людяхъ; вопросъ о личности здѣсь устраненъ и сдѣлана попытка свести вопросы біологіи къ взаимодѣйствію клѣтокъ и къ химическому сродству, къ протоплазмѣ и къ явленіямъ осмоса. Затѣмъ химическое сродство и всѣ удивительныя явленія физики сведены къ движеніямъ атомовъ, а движенія атомовъ такъ же, какъ и движенія небесныхъ силъ, сведены къ законамъ механики, которые изслѣдователь можетъ, сидя у себя въ комнатѣ, всѣ списать на клочкѣ бумаги. Такимъ образомъ, идея, формулированная Контомъ, о великой лѣстницѣ наукъ, восходящей отъ самой простой и доходящей до самой сложной, безсознательно руководила современными научными трудами. Наука пыталась объяснить каждую ступень этой лѣстницы низшей ступенью ея: цвѣтъ—вибраціями, вибрацію—движеніями молекулъ, все человѣческое всегда чѣмъ-нибудь низшаго порядка, чѣмъ самъ человѣкъ. Исходя тѣмъ не менѣе изъ человѣка, она неудовлетворенная блуждаетъ черезъ растительное и животное царства, черезъ области химіи и физики, пока, наконецъ, не приходитъ къ механикѣ. Здѣсь, въ механикѣ, говоритъ она, есть наконецъ нѣчто существующее внѣ человѣка, есть нѣчто само по себѣ точное и существенное. «Давайте вновь строиться на этомъ основаніи и со временемъ мы узнаемъ, что такое человѣчество». Въ этомъ заключается вся мечта современной науки. Однако, ложность ея очевидна. Мы не вышли изъ человѣческаго, а только дошли до возможно крайняго предѣла его. Масса и движеніе, которыя принимаются въ этомъ процессѣ, какъ реальныя сущности и какъ родоначальники всѣхъ явленій, являются просто послѣдними отвлеченіями нашего чувственнаго опыта и самыми безсодержательными нашими понятіями. Матеріальное (или механическое) объясненіе вселенной есть просто попытка судить объ явленіяхъ по такимъ свойствамъ ихъ, которыя общи имъ всѣмъ; а это какъ мы видѣли, есть то же самое, что судить о людяхъ по ихъ обуви. Этимъ путемъ можно, конечно, найти очень точныя формулы, но содержаніе ихъ будетъ очень мало или совсѣмъ ничего не значить.

Весь этотъ процессъ науки и вся Контовская классификація ея отраслей, какъ попытка объяснить человѣка посредствомъ механики, явля-

ются огромнымъ ложнымъ кругомъ. Этотъ процессъ долженъ бы имѣть своимъ исходнымъ пунктомъ нѣчто простое, точное и непреложное и затѣмъ постепенно восходить по ступенямъ до самого человѣка; на самомъ же дѣлѣ исходнымъ пунктомъ его является все-таки самъ человѣкъ; только научное міровоззрѣніе основывается на ощущеніяхъ низшаго порядка (массы, движені и пр.) и посредствомъ ихъ однихъ пытается объяснить чувствованія высшаго порядка. Грубо говоря, это напоминаетъ намъ того человѣка, который влѣзалъ на лѣстницу для того, чтобы причесать себѣ голову. Въ сущности наука никогда не оставляла великій міръ или космосъ человѣка, и въ дѣйствительности никогда не могла найти locus standi внѣ его; но въ продолженіе двухъ или трехъ столѣтій она постоянно двигалась въ этомъ направленіи, стараясь изъ него выйти. Оставивъ это свое центральное основаніе и пренебрегая явленіями, происходящими въ человѣчествѣ, какъ явленіями слишкомъ сложными, неудобоизучаемыми, слишкомъ измѣнчивыми отъ человѣка къ человѣку и поэтому не дающими устойчиваго критерія для точнаго изслѣдованія, наука все болѣе и болѣе блуждала внѣ этихъ явленій, ища нѣчто болѣе опредѣленное, нѣчто имѣющее всеобъемлющее значеніе. Постепенно отбрасывая субъективныя чувствованія внутренняго міра человѣка, какъ, напр. чувства родства людей между собой, чувства спра-

ведливости и долга, сознаніе цѣлесообразности въ явленіяхъ и пр. и пр. (такъ какъ эти чувствованія неустойчивы или неодинаково что ли развиты у людей, являясь зачаточными у однихъ и развитыми у др.); пробѣгая мимо изученія болѣе спеціализированныхъ тѣлесныхъ ощущеній — цвѣта, звука, запаха и пр.,—какъ неподходящихъ для нея по тѣмъ же причинамъ, наука, наконецъ, останавливается на первобытномъ ощущеніи мускульнаго сокращенія и на получаемыхъ отсюда понятіяхъ «массы или матеріи». Здѣсь въ этомъ низшемъ ощущеніи, общемъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, какъ человѣку, такъ и низшимъ животнымъ, въ этой предѣльной области, болѣе всего отдаленной отъ центра—человѣка, наука находитъ обширное, универсальное поле дѣятельности. Здѣсь она достигаетъ самой наружной оболочки великаго космоса человѣка; но и эта оболочка частью еще человѣчна и не совсѣмъ мертвенна и насколько она человѣчна и жизненна, настолько наука еще не достигла полной точности и непреложности. Однако, дальше она идти уже не можетъ,—пусть же она на этомъ и остановится.

Можетъ быть, въ одинъ прекрасный день, когда будутъ завершены тѣ яркія облаченія, въ которыя драпируется современная научная теорія (имѣющія ту особенность, что только ученые могутъ ихъ видѣть), и когда, какъ ожидается, человѣчество будетъ торжественно шествовать въ этомъ новомъ облаченіи на удивленіе всей

вселенной, какой-нибудь ребенокъ, какъ въ Андерсеновской сказкѣ о новомъ царскомъ платьѣ, вдругъ, съ порога своего дома, закричитъ: «да на немъ нѣтъ ничего», и среди нѣкотораго общаго смущенія всѣ увидятъ, что ребенокъ былъ правъ.

Примѣчаніе. «Я боюсь, что я далеко не успѣлъ выразить мое твердое убѣжденіе въ томъ, что предъ судомъ строгаго логическаго мышленія царство законовъ Науки окажется лишь непровѣренной гипотезой, единообразіе природы двусмысленнымъ выраженіемъ и достовѣрность нашихъ научныхъ выводовъ въ большой мѣрѣ лишь заблужденіемъ». (Станлей Джевансъ, Principles of Science, стр. IX).

Наука будущаго.

> **Позвольте хоть разъ идеалу покинуть человѣческую мысль, и вся наука будетъ имѣть не болѣе цѣны, чѣмъ заклинанія египетскихъ папирусовъ.**
>
> **R. Jefferies.**

Изъ предыдущей статьи ясно, что въ методѣ современной научной работы была допущена какая-то ошибка. Нельзя сказать, чтобы весь этотъ обширный трудъ былъ потраченъ совсѣмъ даромъ, такъ какъ достигнута масса практическихъ результатовъ и накоплено много подробныхъ наблюденій, но большой ошибкой была попытка разрѣшить проблему науки однимъ разсудкомъ, ошибкой, которая и могла насъ привести только къ абсурду и испортить достигнутые результаты. Раздѣленіе разсудка и чувства было причиной того, что большая часть нашихъ научныхъ наблюденій оказалась простымъ педантствомъ и пустяками, и того, что добытые практическіе результаты,—какъ всякія промышленныя и военныя изобрѣтенія, напримѣръ,—обращаются въ орудіе зла такъ же часто, какъ и въ орудіе добра.

Въ поискахъ за постояннымъ и чисто разсудочнымъ представленіемъ вселенной, наука, какъ уже сказано, искала то, чего совсѣмъ не существуетъ. Самые факты природы, какъ зовемъ мы ихъ, суть по меньшей мѣрѣ на половину—ощущенія. Если мы попытаемся отдѣлить отъ факта чувство, ощущеніе и добыть объясненіе, которое было бы свободно отъ человѣческаго чувственнаго элемента, это поведетъ къ тому, что объясненіе наше будетъ лишено всякаго значенія и, хотя это наше конечное объясненіе можетъ быть и очень точнымъ, все же оно будетъ совершенно вздорнымъ и не имѣющимъ никакой цѣны. Съ такимъ же успѣхомъ мы могли бы пробовать отдѣлить глину отъ кирпича. Никогда не должно забывать, что логическіе процессы, какъ они ни важны, не могутъ держаться сами собой, такъ какъ не имѣютъ собственной почвы для этого. Они предполагаютъ примѣненіе къ чему-нибудь и являются выраженіемъ вещей, лишенныхъ сами по себѣ разума и, быть можетъ, логики. Самая строгая логика есть простое прикрѣпленіе одного кольца цѣпи къ другому и, если первое кольцо не прикрѣпляется къ чему нибудь, послѣднее оказывается ни на что ненужнымъ. Прочность умственной цѣпи не больше прочности скобы, къ которой она прикрѣплена, а эта скоба—человѣческое чувство, ощущеніе. Сила Эвклида не болѣе силы аксіомъ, а аксіомы эти суть ощущенія, основанныя не на разсудкѣ, утвержде-

нія, о которыхъ все, что мы можемъ сказать, это: «я чувствую вотъ такъ». Въ самомъ дѣлѣ, всѣ положенія геометріи не что иное, какъ анализъ и, такъ сказать, обработанное выраженіе этихъ первичныхъ убѣжденій, и вся геометрія и держится, и падаетъ вмѣстѣ съ ними. Такой вещи, какъ разсудочная истина, не существуетъ,—я хочу сказать, истина, которая можетъ быть утверждаема отдѣльно отъ чувства. Если, напримѣръ, какое-нибудь положеніе геометріи можетъ быть дѣйствительно показано основаннымъ на аксіомахъ, оно не разсудочно или абсолютно, но является только выраженіемъ моего первичнаго геометрическаго чувства. Если я даю нѣсколько копѣекъ нищему и если это дѣйствіе мое основано не на простомъ сознаніи долга, не на желаніи показать себя милосерднымъ или отвязаться отъ него, а на естественномъ уваженіи къ человѣку, тогда оно истинно,—не абсолютно, но лишь какъ выраженіе того, что оно изъ себя представляетъ, то есть моего первичнаго чувства гуманности. Въ самомъ дѣлѣ, истиннѣйшая истина есть та, которая является выраженіемъ глубочайшаго чувства и, если существуетъ абсолютная истина, она можетъ быть познана и выражена лишь тѣмъ, кто обладаетъ абсолютнымъ ощущеніемъ, сутью даннаго предмета, предметомъ въ себѣ самомъ.

Разъ это такъ, разъ разсудочный процессъ, по своей природѣ, есть только, подобно звеньямъ цѣпи, средство передачи, становится очевиднымъ,

что интеллектуальные выводы могутъ быть лишь средствомъ, но никакъ не цѣлью сами въ себѣ. Возлагать на нихъ какое-либо упованіе въ этомъ послѣднемъ смыслѣ значитъ продѣлывать тотъ фокусъ китайцевъ, о которомъ разсказываетъ Марко Поло: бросить веревку въ воздухъ и лѣзть по ней кверху. Изъ этого становится очевиднымъ, что наши научныя теоріи совершенно законны, пока онѣ создаются, какъ средство для практическихъ примѣненій. Въ этомъ смыслѣ онѣ служатъ только средствомъ передачи; онѣ созданы не какъ субстанціональныя истины, но лишь какъ звенья цѣпи къ какому нибудь опредѣленному практическому результату. Для этой цѣли мы можемъ создавать всякія теоріи, какія только нужно: если мы высчитываемъ прочность мостовъ, мы можемъ принять любыя обобщенія, касающіяся механическихъ сооруженій до тѣхъ поръ, пока онѣ даютъ намъ дѣйствительные практическіе результаты; если мы предсказываемъ затмѣнія, мы можемъ употреблять для этого всякую теорію, которая будетъ дѣйствительной. Не важно, какова теорія, разъ только она влечетъ за собой практическіе результаты, точно такъ же какъ не важно, изъ чего сдѣланъ вашъ канатъ, изъ желѣза ли, изъ пакли или изъ шелка, разъ только вы можете ввести имъ ваше судно въ докъ. Въ этомъ смыслѣ наша современная наука, думаю, удивительна. Для практическихъ результатовъ и всякихъ предсказаній она даетъ массу

полезныхъ обобщеній, — стенографическихъ замѣтокъ, общепринятыхъ символовъ и обиходныхъ, краткихъ условныхъ выраженій фемоменовъ,—которыя относятся къ дѣйствительному міру такъ же, какъ карта къ странѣ, которую она, какъ предполагается, представляетъ: нельзя сказать, что карта имѣетъ хоть какое нибудь сходство съ тѣмъ, что есть въ дѣйствительности, но, если вы понимаете принципъ, на которомъ она построена, она будетъ вамъ очень полезна для извѣстныхъ цѣлей. По сколько наука имѣетъ, такимъ образомъ, въ виду какую нибудь практическую цѣль и, исходя отъ чувства (sense), старается къ чувству же и возвратиться, ея промежуточныя, посредствующія теоріи совершенно законны, но лишь только она начинаетъ приписывать своей теоріи позитивное и самодовлѣющее существованіе, какъ дѣйствительному объясненію фактовъ, какъ только пытается она посредствомъ своихъ теорій перейти въ абстрактныя области, гдѣ невозможна провѣрка,—какъ область невидимыхъ атомовъ, напримѣръ, безконечныхъ разстояній въ пространствѣ, далекое прошлое или будущее, — она просто на просто бросаетъ конецъ своей веревки въ небо и старается взобраться по ней кверху!

Что «желаніе есть отецъ мысли», это въ широкомъ смыслѣ совершенно вѣрно. Въ человѣкѣ чувство предшествуетъ мышленію, какъ тѣло пред-

шествуетъ одеждѣ. Въ исторіи идутъ сперва Руссо, потомъ Вольтеры...

Перемѣните чувства въ человѣкѣ и весь его методъ мышленія рѣзко измѣнится; перемѣните аксіому или первичное ощущеніе, на которомъ основана какая-нибудь наука, и все ея построеніе должно быть передѣлано. Современная политическая экономія основана на аксіомѣ индивидуальной алчности, но пусть возникнетъ новая аксіоматическая эмоція (справедливости, напримѣръ, или великодушія вмѣсто безграничнаго эгоизма), и основаніе науки будетъ измѣнено и сдѣлаетъ необходимымъ новое построеніе.

Когда люди разсуждаютъ о политикѣ, нравственности, искусствѣ и т. п., въ большинствѣ случаевъ ясно, что они расходятся въ основѣ; они исходятъ, можетъ-быть, совершенно безсознательно изъ различныхъ аксіомъ и поэтому *не могутъ* притти къ соглашенію. Случается, конечно, что ближайшее разсмотрѣніе покажетъ, что одинъ изъ нихъ, соглашаясь въ основѣ, сдѣлалъ ложный шагъ въ выводахъ; въ этомъ случаѣ, мысль его не представляетъ его первичнаго ощущенія и, когда это выясняется, онъ принужденъ измѣнить ее. Но много чаще оказывается, что несогласіе лежитъ гдѣ-то глубоко за предѣлами разума и, въ концѣ концовъ, собесѣдники не могутъ согласиться. Въ этомъ случаѣ нѣтъ ни правыхъ, ни неправыхъ,—просто они чувствуютъ различно, разные люди они...

Итакъ, мысль есть выраженіе, ростъ, покровъ лежащаго подъ ней чувства. И въ великой жизни человѣка, всечеловѣка, такъ же, какъ и въ меньшей жизни индивидуума, постоянное новое рожденіе его и внутренній ростъ заставляетъ систему его мыслей также постоянно измѣняться и замѣняться все новыми и новыми системами. Подобно оболочкѣ, прикрывающей древесную почку, мысли даютъ форму жизни, заключенной внутри, потомъ онѣ отпадаютъ и замѣняются новыми. Оболочка готовитъ подъ собой почку, которая сброситъ ее; мысль подготовляетъ и охраняетъ чувство, скрытое подъ ней, ростъ котораго неизбѣжно отброситъ ее. Едва мысль сформировалась, она уже невѣрна, т. е. готова отпасть.

Теперь мы можемъ вернуться назадъ къ вопросу объ истинной наукѣ.

Такъ какъ нѣтъ никакой опредѣленной данной, величины (datum), неизмѣнной и абсолютной за предѣлами человѣчества, никакого опредѣлимаго летающаго атома, на которомъ мы могли бы основать наши разсужденія, такъ какъ современная наука, разсматриваемая, какъ дѣйствительное представленіе вселенной, плачевно распадается вслѣдствіе этого въ прахъ,—возможно что мы сдѣлали ошибку въ направленіи, въ которомъ мы искали эту данную опредѣленную величину. Можетъ быть, мы должны были бы

искать ее въ самомъ центрѣ человѣчества, а не за предѣлами его, какъ мы это дѣлали?

Очевидно, въ этомъ направленіи, если возможно слѣдовать ему, мы можемъ надѣяться найти не призрачное интеллектуальное обобщеніе, но нѣчто, какъ разъ противоположное ему — интенсивное, неизбѣжное чувство (feeling) или состояніе, аксіоматическое условіе Бытія. Возможно, что здѣсь, блистая, какъ солнце, абсолютно существуетъ въ насъ нѣчто, — единственный *фактъ* во всей вселенной, котораго всѣ остальные факты суть только тѣни, съ которымъ все находится въ связи и вокругъ котораго, — самого въ себѣ недоступнаго анализу, какъ въ физическомъ мірѣ солнце недоступно зрѣнію, — вращается всякая мысль и всякія явленія стоятъ, какъ косвенные способы его выраженія.

Возможно ли это? Вотъ въ чемъ вопросъ — вопросъ, который нужно разрѣшить каждому изъ насъ. Во всякомъ случаѣ, попробуемъ сдѣлать одно предположеніе: такъ какъ мы не добились ничего удовлетворительнаго очищеніемъ явленій отъ чувственнаго элемента, возьмемъ путь противоположный и вложимъ въ явленія столько чувства (sense), сколько только мы можемъ!

«Факты», по меньшей мѣрѣ, на половину ощущенія. Признаемъ это и не только не отнимемъ отъ нихъ чувства, но, напротивъ, углубимъ и расширимъ то, которое мы уже имѣемъ въ

нихъ. Кто знаетъ, видѣли ли мы когда нибудь голубое небо? Кто знаетъ, видѣли ли мы когда нибудь одинъ другого? Не общее ли это мѣсто сказать, что одинъ человѣкъ въ обычныхъ вещахъ видитъ то, о чемъ другой совершенно не подозрѣваетъ? «The primrose on the river's brim a yellow primrose is to him and nothing more». *) До какой степени могутъ быть углублены такимъ образомъ и сдѣланы болѣе содержательными для насъ факты природы и куда этотъ путь приведетъ насъ?

Не нужно ли намъ, глядя на міръ, чувствовать больше, а не меньше, войти въ животворное сношеніе съ голубымъ небомъ, полнымъ ѳиміама воздухомъ, съ растеніями и животными, даже съ ядовитыми и вредными предметами, чтобы имѣть болѣе острое ощущеніе ихъ вредности? Не странна-ли та наука, которая побуждаетъ умъ преслѣдовать тѣни предметовъ и дѣлаетъ чувства слишкомъ тупыми къ воспріятію реальнаго, которая заставляетъ человѣка закупорить чистое дыханіе неба въ пузырекъ и анализировать потомъ его, запершись въ воняющей газомъ, дурно вентилируемой лабораторіи, или позволяетъ ему дѣлать вивисекцію собаки, не выяснивъ ему, что, поступая такимъ образомъ, онъ оскверняетъ чистыя и святыя отношенія чело-

*) „Золотой первоцвѣтъ на берегу говорливаго ручья только желтый цвѣтокъ для него и ничего болѣе“.

вѣка къ животному? Человѣкъ науки, въ высшемъ смыслѣ этого слова, долженъ былъ бы обладать, какъ индѣецъ, зрѣніемъ рыси, чутьемъ, болѣе тонкимъ, чѣмъ собака, обладать чувствами, доведенными до высшей степени развитія постояннымъ примѣненіемъ ихъ къ дѣлу, и чистой и здоровой жизнью въ тѣсномъ соприкосновеніи съ природой, сердцемъ, полнымъ симпатіи ко всякому живому созданію. Такой человѣкъ имѣлъ бы въ своемъ распоряженіи, такъ сказать, клавіатуру всей вселенной, а механическій, нездоровый, живущій взаперти ученый, развѣ онъ на самомъ дѣлѣ не полный невѣжда фактовъ? Конечно, такъ, разъ онъ не ощутилъ, не прочувствовалъ ихъ самъ...

Процессъ истинной науки состоитъ, во первыхъ, въ томъ, чтобы опредѣлить и дать названія явленіямъ природы (т. е. фактамъ человѣческаго сознанія) и, во вторыхъ, въ опредѣленіи истинныхъ отношеній одного явленія къ другому. А такъ какъ опредѣленія явленій и ихъ отношеній мѣняются съ перемѣной точки зрѣнія наблюдателя, процессъ этотъ, очевидно, заключаетъ въ себѣ всякій опытъ и, наконецъ, открытіе того послѣдняго факта опыта, съ которымъ и посредствомъ котораго связаны между собой всѣ остальные факты. Такимъ образомъ, это долгій, вѣковой процессъ, который долженъ имѣть дѣло не только съ логической и интеллектуальной стороной человѣка, но также и съ эмоціональной

и нравственной. Это, въ дѣйствительности, есть открытіе природы самого человѣка и истиннаго порядка его существа.

Современная наука ищетъ единства въ природѣ, но не находитъ его, такъ какъ всякая болѣе или менѣе широкая область знанія, въ которой всѣ были бы согласны между собой, сводится ею къ узкому полю человѣческаго опыта,— области, въ которой, весьма вѣроятно, и нельзя открыть никакого единства. Наука беретъ, напримѣръ, изумрудъ, раздробляетъ его, разсуждаетъ о его цвѣтѣ, о его способности преломлять свѣтъ, съ одной стороны, съ другой, о его кристаллообразной структурѣ и твердости, затѣмъ о его вѣсѣ и плотности и о его химическихъ свойствахъ, и все это отдѣльно, строя длинные ряды обобщеній съ каждой точки зрѣнія на изумрудъ. Но какъ всѣ эти качества камня соединены вмѣстѣ, каково ихъ отношеніе между собой, отношеніе, которое и *составляетъ* изумрудъ и даже малѣйшую пылинку его,—объ этомъ она (очень разумно) умалчиваетъ. Она беретъ человѣка и дѣлаетъ диссекцію, разсуждаетъ о его крови, нервахъ, костяхъ, мозгѣ, о его чувствахъ зрѣнія, осязанія, слуха, но о томъ, что связываетъ все это вмѣстѣ, образуя одно цѣлое, объ истинномъ отношеніи всѣхъ этихъ качествъ въ человѣкѣ, объ этомъ она молчитъ.

Но человѣкъ знаетъ о самомъ себѣ, что онъ— нѣчто цѣлое, единство, онъ знаетъ, что всѣ части

его тѣла связаны съ *нимъ* и между собою; онъ знаетъ, что его чувства зрѣнія, слуха, осязанія вкуса и обонянія соединяются въ фокусѣ его индивидуальной жизни, въ его «я есмь»; онъ знаетъ, что всѣ его свойства и способности, къ какимъ различнымъ сферамъ они ни принадлежали бы, духовныя или матеріальныя, какими бы различными науками ни разсматривались, между собой они имѣютъ извѣстное отношеніе; онъ знаетъ, что *есть, существуетъ* послѣдняя окончательная наука о нихъ, хотя бы онъ самъ не былъ еще достаточно свѣдущъ въ ней.

Болѣе того, онъ знаетъ, что въ пылинкѣ, въ изумрудѣ, въ апельсинѣ и во всякомъ другомъ предметѣ различные аттрибуты этого предмета, которые разсматриваются наукой отдѣльно одинъ отъ другого, суть только отраженіе его собственныхъ чувствъ, такъ что проблема соединенія различныхъ аттрибутовъ въ одномъ тѣлѣ возвращается опять къ той же проблемѣ соединенія различныхъ чувствъ и способностей въ немъ самомъ, ибо каждый отдѣльный предметъ, сознанный имъ, есть только условіе, какъ бы внѣшне оно ни было, общей связи его собственныхъ ощущеній и чувствъ. Зная все это, говорю я, онъ видитъ, что пониманіе природы въ цѣломъ и законовъ или отношеній, которые, какъ онъ думаетъ, онъ подмѣчаетъ между предметами внѣшняго міра, должно зависѣть всегда отъ отношеній и законовъ, которые онъ или молчаливо принимаетъ, или прямо и ясно сознаетъ, какъ связывающіе отдѣльныя части его существа, онъ видитъ, что окончательная истина, которую ищетъ наука, божественная наука, есть истина моральная, пониманіе того, что есть человѣкъ, и открытіе истиннаго отношенія между всѣми его свойствами и способностями, заключающее въ себѣ всякій опытъ и упражненіе всѣхъ его свойствъ вмѣсто одной только серіи свойствъ.

Не ранѣе, въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ мы узнаемъ законъ насъ самихъ, мы узнаемъ законъ изумруда, апельсина или вообще природы, а знаніе закона насъ самихъ достигается не разсудочнымъ изслѣдованіемъ,—въ большинствѣ случаевъ этому учитъ сама жизнь. Законъ тяготѣнія познается не столько внѣшнимъ опытомъ въ лабораторіи, сколько долгимъ внутреннимъ опытомъ со дня, когда человѣкъ, будучи еще ребенкомъ, узнаётъ, что онъ не можетъ держаться надъ землей, въ воздухѣ, чрезъ годы гордой силы возмужалости, когда онъ смѣло поднимается на неприступныя горы, вплоть до часа, когда его освобожденный духъ окончательно восторжествуетъ и уйдетъ въ сферы, недоступныя притяженію земли. И точно также чувство (sense) вѣса, которое сперва кажется чисто внѣшнимъ ощущеніемъ, — оказывается, въ концѣ концовъ, стоящимъ въ самомъ тѣсномъ отношеніи съ глубочайшими областями нашего *я*; точно тоже и съ другими чувствами, питающими жизнь личности, съ чувствами свѣта,

тепла, вкуса, слуха, обонянія. Чувство вкуса, зарождающееся на кончикѣ языка, становится въ концѣ концовъ, при нормальномъ развитіи, чувствомъ, тождественнымъ съ хорошимъ самочувствіемъ, здоровьемъ всего тѣла; удовольствіе вкуса становится чѣмъ-то много большимъ простого внѣшняго удовольствія и разборчивость въ пищѣ болѣе, чѣмъ простая внимательность въ питаніи обычныхъ тѣлесныхъ функцій. Чувство свѣта, начинающееся въ матеріальномъ глазѣ, растетъ, углубляется внутренно, пока сознаніе его не охватываетъ все тѣло и душу чѣмъ-то вродѣ внутренняго просвѣтленія, божественнаго разума, указывающаго всякому предмету свое мѣсто и заключающаго въ самомъ себѣ чувство красоты. Чувство тепла точно также связано съ Любовью и ведетъ къ ней, а Звукъ, въ голосахъ нашихъ друзей или въ божественныхъ аккордахъ музыки, перестаетъ быть внѣшнимъ явленіемъ и становится языкомъ нашихъ самыхъ нѣжныхъ и сокровенныхъ душевныхъ движеній.

Всѣ чувства, такъ развившіяся и углубленныя, оказываются соединенными въ самомъ фокусѣ жизни личности. Медленно, долгимъ опытомъ развертывается какъ отношеніе ихъ одно къ другому, такъ и *самое ихъ значеніе*,— развертывается или будетъ развертываться; и, когда начинается этотъ процессъ, человѣкъ сознаетъ себя *однимъ*, единствомъ, различныя свойства котораго суть различныя проявленія его. Потомъ, далѣе, чрезъ его

менѣе локализованныя болѣе прекрасныя чувства, человѣкъ познаетъ свое отношеніе къ другимъ людямъ. Чрезъ свою любовь и ненависть, чрезъ чувства притяженія, отталкиванія, соединенія, солидарности, порядка, справедливости, правды, неправды и др.,—чувства эти, одно подобно другимъ, все болѣе и болѣе углубляются съ теченіемъ времени,—чрезъ всѣ эти чувства онъ постепенно открываетъ свое истинное тѣсное родство съ другими людьми и съ божественнымъ братствомъ, часть котораго они всѣ составляютъ, и, наконецъ, если мы можемъ такъ выразиться, его родство съ абсолютнымъ и универсальнымъ. Теперь, когда самое важное отношеніе наше другъ къ другу понимается, какъ соперничество, конкурренція, мы, конечно, думаемъ, что и все въ природѣ поглощено борьбой за существованіе; но, когда мы узнаемъ всѣ наши ощущенія и чувства и насъ самихъ, какъ личностей, какъ имѣющихъ связь съ Абсолютнымъ и универсальнымъ, исходящихъ отъ него, какъ сучки и вѣтви отъ ствола дерева, тогда мы узнаемъ и Божественную или абсолютную науку, мы узнаемъ, наконецъ, что все находится въ постоянной, неразрушимой связи одно съ другимъ, и увидимъ истинный смыслъ, этого всего, но—только тогда, не раньше.

Но возможно ли, что бы наука, направлявшаяся до сихъ поръ отъ центра къ краямъ человѣчества (въ свое время мы увидимъ, что про-

цессъ этотъ былъ, дѣйствительно, очень цѣненъ и важенъ), извлекая изъ фактовъ, насколько только возможно, все чувство, и сводя самою себя въ концѣ концовъ къ самымъ призрачнымъ обобщеніямъ на самой границѣ разума и безсмыслицы, возможно ли, повторяю, чтобы теперь она повернула назадъ и, наполнивъ *сперва* факты чувствомъ на сколько только это возможно (посредствомъ *прямого и болѣе живого* общенія съ природой учась входить въ прямое, личное чувственное отношеніе со всякимъ явленіемъ), поднялась бы, такимъ образомъ, постепенно къ великому центральному факту и ощущенію, и сознала бы, наконецъ, въ первый разъ обширную организацію, абсолютно совершенную и тѣсно связанную отъ центра до самой удаленной окружности — истинный космосъ человѣка, соединенныя понятія человѣка и бога, — существующую вчернѣ, въ зародышѣ, во всякомъ человѣкѣ, животномъ, растеніи и всякомъ другомъ созданіи, предметъ всей жизни, опыта, страданія и труда, основу всякаго чувство и скрытый, но все же истинный предметъ всякой мысли и изученія?

Возможно ли широкія теченія человѣческой жизни по прежнему направлять въ Авгіевы конюшни интеллектуальнаго зуда или же наука должна будетъ оставить лабораторію и слиться съ жизнью въ одно? Изслѣдованіе природы перестаетъ быть объектомъ одного интеллекта, но

становится предметомъ терпѣливаго вслушиванія и спокойнаго наблюденія, любви и вѣры, всего глубокаго человѣческаго опыта, всей своей тяжестью переносящагося къ изслѣдованію малѣйшаго явленія; всякій фактъ, углубленный, такимъ образомъ, до его послѣднихъ предѣловъ; скорѣе сыновнее отношеніе къ природѣ, чѣмъ дерзкое срываніе съ нея покрововъ; жизнь на свѣжемъ воздухѣ, на землѣ и на водахъ, дружба съ животными, растеніями и звѣздами, знаніе ихъ привычекъ, ихъ языка, внимательное отношеніе къ тому, что они могутъ сказать намъ, усиленное воспитаніе чувствъ къ воспріятіямъ явленій матеріальнаго міра и принятіе всего человѣческаго опыта безъ исключенія — вотъ что нужно, чтобы наука стала реальностью, истиной...

Возможно ли, что, вмѣсто того, чтобы сводить всякую отрасль науки къ ея самымъ низкимъ границамъ, мы, въ нѣкоторомъ родѣ, будемъ изучать ее въ свѣтѣ ея высочайшихъ факторовъ, поднимать ее въ науку, что надъ ней: механическія науки въ физическія, физическія въ біологическія, біологическія въ общественныя и нравственныя и т. д., прежде, чѣмъ мы поймемъ ихъ? Возможно ли, что явленія химическія найдутъ свое настоящее мѣсто и значеніе только въ ихъ связи съ живыми существами и жизненными процессами; что явленія жизни и законы біологіи и зоологіи — теорія эволюціи включительно, — могутъ быть «объяснены»

только ихъ связью, съ личностью, какъ въ каждомъ растеніи, такъ и въ каждомъ животномъ что политическая экономія и общественныя науки, имѣющія дѣло съ людьми, какъ отдѣльными «я», чтобы быть правильно понятыми, будутъ изучаемы въ свѣтѣ тѣхъ великихъ нравственныхъ принциповъ, того энтузіазма, которые до извѣстной степени уничтожаютъ личное «я», и что, наконецъ, этика или изученіе нравственныхъ проблемъ будетъ понятна только тогда, когда изучающій ее узнаетъ объ области, лежащей за этикой, области, въ которую вопросы нравственнаго и безнравственнаго, правды и неправды не входятъ и войти не могутъ?

Этому обратному, противъ обычнаго научнаго, методу Рэскинъ въ его статьяхъ о политической экономіи далъ сильный толчекъ; другимъ остается послѣдовать его примѣру въ другихъ областяхъ науки, *)

*) Такъ изученіе геометріи было бы сперва воспитаніемъ глаза, тѣлеснаго и духовнаго, въ распознаваніи геометрическихъ формъ и фактовъ, распознаваніи угловъ и пр., а потомъ уже процессомъ дедуктивнаго мышленія—остовъ эмпирическаго знанія, укрѣпленный и связанный вмѣстѣ узами логики; изученіе естественной исторіи должно бы быть сперва любовной близостью съ животными и растеніями, а классификація могла бы стать на второе мѣсто, будучи лишь вспомогательнымъ средствомъ первому; физіологія должна бы изучаться сперва методомъ здоровья, чистаго тѣла, становящагося постепенно со всѣми своими органами прозрачными для внутренняго ока, а диссекція могла бы служить лишь для того, чтобы помогать и исправлять достигнутые этимъ способомъ результаты и т. д.

Что касается вопроса объ абсолютной извѣстной величинѣ (datum), мы видѣли, что предъ наукой стоитъ альтернатива: или быть чисто интеллектуальной и взять за точку отправленія нѣчто совершенно внѣшнее (и выдуманное), какъ атомъ, или же быть божественной и искать своего абсолюта въ самыхъ глубокихъ областяхъ души человѣка? Подобную альтернативу мы имѣемъ въ эволюціонной доктринѣ, которая смотритъ для своего объясненія или на одинъ конецъ лѣстницы существъ или на другой, или на амебу, или на человѣка, или на то, о чемъ она почти ничего не знаетъ, или на то, что она знаетъ болѣе всего. У Гэте, при взглядѣ на вѣеролистную пальму въ Падуѣ, родилась идея превращенія листа, которую онъ потомъ разработалъ въ принятой теперь доктринѣ, что всѣ части растенія, тычинки, пестикъ, зерновикъ, лепестки, чашечка, стебель и пр., могутъ быть разсматриваемы, какъ видоизмѣненія листа или листьевъ. Съ этой точки зрѣнія всѣ различія между частями стираются и мы, вмѣсто нѣсколькихъ, имѣемъ лишь одну часть, но вопросъ въ томъ: «что же это, эта часть?» Безъ сомнѣнія, совершенно произвольно назвать ее листомъ, такъ какъ, разъ она постоянно измѣняется, она въ

одинъ моментъ листъ, въ другой стебель, потомъ пестикъ, потомъ лепестокъ и т. д. Что же она, наконецъ? Мы сбиты съ толку...

Тоже и съ эволюціонной теоріей, примѣненной ко всему органическому міру до человѣка включительно. Подобно доктринѣ объ измѣненіи листа, она уничтожаетъ всѣ различія. Жоффруа Сентъ-Илеръ предложилъ французской академіи доказать, что головоногое (cephalopod) можетъ быть уподоблено позвоночному, предполагая это послѣднее перевернутымъ на спину и ходящимъ въ этомъ положеніи на рукахъ и ногахъ. Отъ моллюска до человѣка идетъ постоянное измѣненіе существъ,—но вотъ всѣ разграничивающія ихъ линіи колеблются и убѣгаютъ, классы и роды перестаютъ существовать и наука вмѣсто многихъ видитъ только одинъ предметъ. Но что же это, этотъ одинъ предметъ? Моллюскъ это, или человѣкъ, или еще что? Должны ли мы сказать, что человѣкъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ нѣкоторое видоизмѣненіе моллюска или амебы, или же надо смотрѣть на амэбу, какъ на разновидность человѣка? Вотъ два пути для мысли,—какой выберемъ мы? Но истина въ томъ, что разсудокъ не можетъ дать удовлетворительнаго отвѣта. Чтобы онъ ни выбралъ, выборъ этотъ будетъ произвольный точно также, какъ выборъ «листа» въ вышеприведенномъ случаѣ. Никакого отвѣта дать нельзя. И такимъ образомъ, появленіе эволюціонной теоріи является началомъ разрушенія науки, въ обычномъ смыслѣ этого слова, такъ какъ эволюція есть постепенное стираніе произвольныхъ отличій и границъ, существованіе которыхъ и составляетъ науку, и какъ скоро эволюція покроетъ всю область природы—неорганической и органической (какъ это скоро случится)—природа въ ея цѣломъ колеблется и убѣгаетъ передъ глазами науки, наука признаетъ, что всѣ ея различія произвольны и, повернувъ назадъ, истребляетъ саму себя. Я думаю, что это уже имѣло мѣсто въ прошломъ, вѣка и вѣка тому назадъ, и, вѣроятно, случится опять.

Единственный вразумительный отвѣтъ на вопросъ: «что это такое, что является то моллюскомъ, то человѣкомъ, то неорганическимъ атомомъ?»*) можетъ быть данъ самимъ человѣкомъ и, я боюсь, что отвѣтъ его не будетъ «наученъ». Отвѣтъ этотъ: «я есмь, я есмь то, что видоизмѣняется». И сила его отвѣта зависитъ отъ того, что онъ разумѣетъ подъ словомъ «я». И такимъ образомъ единственный вразумительный отвѣтъ на вопросъ объ абсолютной опредѣленной величинѣ (datum) можетъ быть найденъ въ значеніи слова «я»—въ углубленіи сознанія въ самого себя. Человѣкъ есть мѣра всего. Если мы хотимъ употребить науку, какъ орудіе для служе-

*) Сравни загадку сфинкса: что это, что ходитъ на четырехъ ногахъ и пр.

нія наиболѣе внѣшней части человѣка—для снабженія его, напримѣръ, дешевыми сапогами и башмаками,—въ этомъ случаѣ мы правы, если ищемъ нашъ абсолютъ во внѣшней части человѣка и беремъ его ногу нашей первичной мѣрой. Мы основываемъ науку на футахъ и фунтахъ и она служитъ нашей цѣли очень недурно. Но если мы хотимъ найти одежду для его внутренняго существа или, вѣрнѣе, для всего человѣка, носить которую будетъ для него наслажденіемъ, такую, которая была бы дѣйствительнымъ выраженіемъ его,—очевидно, что мы не должны снимать мѣрку снаружи, но съ его центральнаго принципа. Весь вопросъ въ томъ, есть въ этомъ направленіи какой-нибудь абсолютъ или нѣтъ? Были люди на протяженіи всей исторіи и даже раньше, которые говорили, что есть. Вѣроятно, они сознавали его въ себѣ. Съ другой стороны, были люди, которые, отправляясь отъ своей ноги, говорили, что само сознаніе есть только простая случайность въ человѣческой машинѣ, какъ свистъ въ паровикѣ, и на этомъ дѣло стоитъ. Въ цѣломъ, въ наше время, торжествуютъ ноги и, не смотря на ихъ различіе въ размѣрахъ и формахъ, въ общемъ, они приняты какъ лучшій абсолютъ.

При этомъ господствѣ ноги вселенная обыкновенно изображается, какъ смѣсь предметовъ и силъ, болѣе или менѣе упорядоченныхъ и отличныхъ отъ человѣка; среди этихъ силъ и

предметовъ и помѣщенъ человѣкъ, и назначеніе и тенденція его жизни есть „приспособленіе къ средѣ". Чтобы понять это, вообразимъ какую-нибудь г-жу Браунъ на Оскфордской улицѣ въ Лондонѣ. Во всѣ стороны несутся экипажи всевозможныхъ формъ и наименованій, грохочутъ безчисленныя, нагруженныя всякимъ добромъ, телѣги—это среда, къ которой г-жа Браунъ должна приспособиться. Ей необходимо изучить законы всякихъ повозокъ и ихъ движенія, стоять здѣсь или тамъ, бѣжать туда, остановиться опять, возможно вскочить въ одинъ изъ экипажей въ благопріятный моментъ, воспользоваться закономъ его движенія и такимъ образомъ доѣхать по назначенію на сколько только возможно комфортабельно. Долгое пребываніе на Оксфордской улицѣ значительно «приспособляетъ» г-жу Браунъ и она становится дѣятельнѣе чѣмъ прежде и духовно, и тѣлесно. Все это превосходно. Но у г-жи Браунъ есть еще назначеніе. Въ самомъ дѣлѣ, какъ попала бы она въ самую сутолоку Оксфордской улицы, если бы у нея не было назначенія, цѣли? И если бы даже она и попала туда безъ всякой цѣли, только для того, чтобъ зря околачиваться, осталось ли-бы что-нибудь отъ г-жи Браунъ въ самое короткое время?

Вопросъ, значитъ въ томъ: каково назначеніе, цѣль человѣка?

Объ этомъ вопросѣ мы, къ несчастью, слышимъ очень мало. Теорія эта говоритъ—надѣюсь,

что я не дѣлаю несправедливости,—что, изучивъ окружающую васъ среду въ достаточной степени, т. е. ознакомившись, какъ слѣдуетъ, съ астрономіей, біологіей, физическими науками, этикой и пр., вы узнаете назначеніе человѣка. Но, кажется, это все равно, что утверждать, что, изучивъ въ достаточной степени законы движенія кэбовъ и всякихъ другихъ экипажей, вы узнаете, куда вы намѣрены ѣхать. Это лишь направленія и способы. Изучайте ихъ всѣми силами, это хорошо, но не думайте, что они скажутъ вамъ, куда ѣхать. Вы должны пользоваться ими, а не они вами.

Такимъ образомъ, чтобы дѣйствовать, нужно назначеніе, цѣль. Это, я думаю, выражается біологической формулой: организмъ создается функціонированіемъ также, какъ и средой. Въ чемъ же функція человѣка? И здѣсь мы снова подходимъ къ вопросу о значеніи слова «я».

Несмотря, значитъ, на силу господства «ноги» и на яростную вѣру въ нее язычниковъ, предположимъ, что въ человѣкѣ есть не только сознаніе «ноги», но и божественное сознаніе. Мы видѣли, что чувство вкуса можетъ изъ простого мѣстнаго ощущенія на концѣ языка разростись и сдѣлаться какъ бы синомимомъ здоровья всего тѣла, что голубая глубина неба для одного только поверхностное впечатлѣніе цвѣта, для другого вдохновеніе къ созданію поэмы или картины,

для третьяго — какъ для «опьяненнаго божествомъ» араба въ пустынѣ,—присутствіе чего-то живого, подобнаго древнему Зевсу. Точно также развѣ не можетъ человѣческое сознаніе въ его цѣломъ постепенно подняться отъ простого мѣстнаго и временнаго сознанія къ божественному и всеобъемлющему? Во всякомъ человѣкѣ есть мѣстное сознаніе, связанное съ его внѣшнимъ тѣломъ, это мы знаемъ, но нѣтъ ли также въ каждомъ человѣкѣ работы всемірнаго сознанія? Что есть въ насъ фазы сознанія, которыя превышаютъ границы тѣлесныхъ чувствъ, это дѣло ежедневнаго опыта; что мы постигаемъ и знаемъ многое такое, что достигаетъ до насъ не чрезъ наши тѣлесные глаза или уши, это несомнѣнно; что въ насъ вздымаются волны сознанія, поднятыя волнами, окружающими насъ, народными, расовыми, это также несомнѣнно, — такъ развѣ не можетъ быть въ насъ также работы сознанія и знанія, не связанныхъ съ нашимъ тѣломъ, прикованнымъ въ извѣстномъ мѣстѣ на извѣстное время, но пригодныхъ для всѣхъ временъ и повсюду? Неужели, въ самомъ дѣлѣ, не существуетъ, какъ мы вскользь упомянули, внутренняго просвѣтленія, частичнымъ выраженіемъ и проявленіемъ котораго служитъ то, что во внѣшнемъ мірѣ мы называемъ свѣтомъ, просвѣтленія, съ помощью котораго мы можемъ въ концѣ концовъ видѣть вещи въ самихъ себѣ. Созерцая все твореніе,

животныхъ, растенія, лица нашихъ друзей и безконечные ряды и расы человѣческаго рода въ ихъ истинной сущности и порядкѣ, и созерцая не какимъ-либо мѣстнымъ актомъ познаванія но въ космическомъ созерцаніи и близости, отождествляя насъ самихъ съ тѣмъ, что мы видимъ? Неужели не существуетъ болѣе совершеннаго чувства слуха, позволяющаго слышать, какъ поютъ по утрамъ умирающія звѣзды, понимать всѣ слова, говорящіяся по всей вселенной, скрытое значеніе всѣхъ вещей, и Слово, которое есть само твореніе, — глубокаго, всеобъемлющаго чувства, въ сравненіи съ которымъ нашъ обыкновенный слухъ только ученичество, искусъ, посвященіе? Не познаемъ ли мы внутреннее чувство здоровья и святости, перемѣщеніе и конечное проявленіе внѣшняго чувства вкуса, имѣющее способность опредѣлять для насъ абсолютно и безъ всякихъ затрудненій, безъ доказательства и безъ отрицанія, что хорошо и нужно дѣлать или допускать въ каждомъ данномъ случаѣ?

И такъ далѣе—нѣтъ необходимости говорить объ этомъ болѣе. Если есть такія свойства, способности въ человѣкѣ, то возможна, конечно, и точная наука. Наука, меньшая этой, возможной, только временная и призрачная наука: «все что познается нами посредствомъ (прямого) сознанія,—говоритъ Stuart Mill въ своей «Системѣ логики,»—«мы знаемъ внѣ всякаго сомнѣнія»—

все, что мы познаёмъ посредствомъ нашего временнаго мѣстнаго сознанія, прибавлю я, мы знаемъ въ данную минуту внѣ всякаго сомнѣнія; все, что познается нами посредствомъ нашего вѣчнаго, всеобъемлющаго сознанія, мы знаемъ вѣчно безъ всякаго сомнѣнія...

Въ защиту преступниковъ.

Государство есть выраженіе современныхъ ему нравственныхъ понятій, ибо оно представляетъ изъ себя единство общей существенной воли съ волей индивидуума, а это и есть „нравственность".

Гегель.

Преступникъ это, въ буквальномъ смыслѣ, человѣкъ, обвиняемый, обличенный въ нанесеніи какого-либо вреда обществу. Но дѣйствительно ли вреденъ обществу этотъ оборванный воришка, сидящій на скамьѣ подсудимыхъ? Правда ли, что онъ болѣе вреденъ, чѣмъ старый господинъ съ пріятными манерами и въ парикѣ, произносящій надъ нимъ приговоръ?— вотъ въ чемъ вопросъ. Правда, онъ преступилъ законъ, а законъ есть, въ нѣкоторомъ родѣ, отвердѣвшее общественное мнѣніе. Но вѣдь если бы никто не нарушалъ законъ, общественное мнѣніе окостенѣло бы и общество должно было бы исчезнуть. Доказано, что общественное мнѣніе постоянно измѣняется,—такъ какже узнаемъ мы, когда общество держится истиннаго мнѣнія и когда ложнаго? Преступникъ этого момента становится героемъ въ слѣдующій моментъ. Рукописи Роджера Бэкона были распяты на доскахъ и такъ и сгнили подъ дождемъ и солнцемъ, его кости покоятся въ неизвѣстной могилѣ, а теперь на него смотрятъ, какъ на піонера человѣческой мысли. Ненавистные христіане, устраивавшіе свои, пользовавшіяся дурной славой, собранія во練ракѣ катакомбъ, поднялись оттуда на тронъ св. Петра и міра. Еврей ростовщикъ, котораго раньше съ легкимъ сердцемъ подвергли бы пыткѣ, сталъ Ротшильдомъ, гостемъ королей, поднимающимъ безконечныя войны за рынки, а Шейлокъ теперь уже весьма уважаемый желѣзнодорожный тузъ. Такимъ образомъ, принятое въ одномъ вѣкѣ становится преступленіемъ въ другомъ. Вся слава Александра Македонскаго не можетъ въ нашихъ глазахъ искупить жестокость распятія имъ вдоль морскаго берега тысячъ храбрыхъ защитниковъ Тира; если бы завтра появился въ Лондонѣ Соломонъ со своей тысячью женъ и наложницъ, самые легкомысленные лондонцы были бы шокированы и самъ г. Brigham Joung показался бы въ сравненіи съ нимъ образцомъ добродѣтели Сегодня судья осуждаетъ преступника, а чрезъ нѣкоторое время общество въ свою очередь осуждаетъ судью. Въ рукахъ его новый сводъ за-

коновъ, новая мораль и своего бывшаго пре
ставителя съ его закономъ оно обрекаетъ пр
зрѣнію.

Общество, подобно индивидууму, по мѣр
своего движенія впередъ, создаетъ себѣ все н
вые и новые идеалы. Во всякій данный момент
каждый человѣкъ сознательно или безсознательн
имѣетъ въ душѣ идеалъ, въ направленіи кото
раго онъ и идетъ (отсюда—важное значеніе лит
ратуры). Точно такъ же и общество носитъ в
душѣ идеалъ. Эти идеалы суть тангенсы ил
исчезающія точки, указывающія направленіе, в
которомъ движется въ извѣстный моментъ общ
ство. Оно не достигаетъ своего идеала, но он
движется въ его направленіи, затѣмъ, по ист
ченію нѣкотораго времени, предъ обществом
встаетъ новый идеалъ и направленіе его движ
нія измѣняется.

Если идеалъ общества матеріальныя бла
собственность, какъ это мы видимъ въ большин
ствѣ случаевъ теперь, объектомъ особыхъ кар
его является воръ, не богатый воръ, которы
уже находится въ обладаніи украденнымъ и п
тому всѣми уважается, а воръ бѣдный. Нечег
доказывать, что бѣдный воръ болѣе безнравстве
вреденъ обществу, чѣмъ почитаемый всѣми м
ліонеръ—ясно, что милліонеръ несся по течені
широкой общественной рѣки, въ то время, как
бѣднякъ плылъ противъ теченія и былъ п
бѣжденъ... Или если, какъ теперь, общест

покоится на частной земельной собственности его контръ-идеаломъ становится браконьеръ. Если вы сидите въ компаніи дворянъ-помѣщиковъ, то изъ ихъ послѣобѣденнаго разговора вы очень скоро заключите, что браконьеръ это ничто иное, какъ совокупность всѣхъ человѣческихъ и адскихъ пороковъ; тѣмъ не менѣе, я знавалъ не мало браконьеровъ и, должно быть, или я былъ очень счастливъ въ этихъ знакомствахъ или очень пристрастенъ къ нимъ, но я всегда находилъ въ нихъ славныхъ малыхъ, съ единственнымъ только пятнышкомъ: всѣ они неизмѣнно смотрѣли на помѣщика, какъ на эмиссара преисподней. Браконьеръ, м. б., такъ же правъ, какъ и помѣщикъ, но онъ не правъ въ настоящее время. Онъ поддерживаетъ право (и инстинктъ) прежняго времени, когда охотиться можно было всюду, или будущаго, когда это и всѣ другія, ему подобныя, права будутъ снова возстановлены. Цезарь разсказываетъ, что Свевы воздѣлывали землю сообща и не знали частной земельной собственности, и есть много доказательствъ, что, вообще, всѣ древнія человѣческія общежитія, прежде чѣмъ они поднялись на ступень современной цивилизаціи, носили коммунистическій характеръ. Нѣкоторые изъ островитянъ Великаго океана и теперь находятся въ этомъ состояніи. Въ тѣ времена частная собственность была воровствомъ. Очевидно, всякій, кто попытался бы захватить себѣ какое-

нибудь имущество, или кто отхватилъ бы себѣ хорошій кусокъ общественной земли и, какъ современный помѣщикъ, не позволилъ бы воздѣлывать ее никому, кто отказался бы уплатить ему извѣстное вознагражденіе за это,—былъ бы самымъ ужаснымъ преступникомъ. Тѣмъ не менѣе, преступники эти смѣло шли своей дорогой и стали теперь, въ наше время, весьма почтенными членами общества. И весьма возможно, что подобнымъ же образомъ преступники нашего времени одержатъ верхъ и будутъ всѣми уважаться вѣкъ спустя...

Аскетическій и монастырскій идеалъ ранняго христіанства и среднихъ вѣковъ считается теперь глуповатымъ, если не прямо вреднымъ, и бѣдность, уважавшаяся во многихъ мѣстахъ, во многіе вѣка, какъ вѣрный признакъ честности, теперь считается преступной и неприличной. Номады—конечно, бѣдные номады, — въ наше время преступники. Цыганъ и бродяга преслѣдуются до послѣдняго издыханія. Не имѣть постояннаго мѣстожительства или, еще хуже, не знать, куда и голову преклонить, теперь внушаетъ всѣмъ подозрѣніе. Мы запираемъ наши дома и житницы отъ сына человѣческаго и сынъ человѣческій не приходитъ къ намъ. И тѣмъ не менѣе, было время, когда кочеваніе было правиломъ, а осѣдлость преступленіемъ. Жатву осѣвшаго на землѣ сжигали, скотъ угоняли: Какое право имѣетъ онъ ставить границы охотнику и

портить свободную дикую жизнь равнинъ своимъ грязнымъ земледѣліемъ?

Что касается брачныхъ отношеній и относящихся къ нимъ нравственныхъ понятій, то разнообразіе ихъ достаточно извѣстно. Общественное мнѣніе, кажется, испробовало въ этой области всѣ идеалы, прошло чрезъ всѣ фазы и тѣмъ не менѣе незамѣтно и признаковъ конца этихъ колебаній. Послѣднія изслѣдованія обнаруживаютъ, что въ раннемъ періодѣ всѣхъ человѣческихъ обществъ браки были чрезвычайно смѣшаны; связь брата съ сестрой была скорѣе правиломъ, чѣмъ исключеніемъ, а теперь всѣ смотрятъ на такой союзъ, какъ на нѣчто чудовищное и нечеловѣческое. *) Среди одного народа въ извѣстное время господствуетъ поліандрія, среди другого полигалія. Въ центральной Африкѣ вождь племени предлагаетъ вамъ свою жену, какъ знакъ гостепріимства, въ Индіи раджа прячетъ ее даже отъ самаго близкаго гостя. Общественное мнѣніе въ Японіи предоставляетъ дѣ-

*) Тѣмъ не менѣе нѣтъ никакого сомнѣнія, что и между такими близкими родственниками можетъ возникнуть прочная и страстная любовь. Опасность вреда для здоровья потомства такого союза возникаетъ, кажется, главнымъ образомъ отъ усиленія недуговъ, общихъ родителямъ-родственникамъ. Въ обществѣ, свободномъ отъ болѣзней, свойственныхъ періоду цивилизаціи, такая опасность должна значительно уменьшиться; это и можетъ отчасти служить объясненіемъ широкой практики этого обычая у дикарей.

вушкамъ даже лучшихъ семействъ большую свободу въ ихъ отношеніяхъ къ мужчинамъ, пока онѣ не выйдутъ замужъ, въ Парижѣ эту свободу женщина получаетъ только послѣ брака. У древнихъ грековъ и римлянъ бракъ, за нѣкоторыми блестящими исключеніями, былъ чѣмъ то прозаическимъ, будничнымъ, дѣломъ выгоды, домашняго хозяйства, въ которомъ женщина является только орудіемъ; въ отношеніяхъ мужа и жены было мало идеальнаго. Любовный романъ шелъ въ иномъ мѣстѣ. Духовную красоту страсти придавали свободныя женщины высшихъ классовъ или гетеры. Онѣ были соотвѣтственно воспитаны и общепризнаны и, возможно, въ ихъ лучшія времена онѣ имѣли здоровое вліяніе на юношей. Это показываетъ почтительное отношеніе Сократа къ Ѳеодотѣ и его совѣтъ ей относительно ея возлюбленныхъ — гнать прочь нахаловъ и радоваться, если кто нибудь изъ возлюбленныхъ совершитъ что-нибудь хорошее. Что вліяніе гетеръ было огромно, показываетъ одно имя Аспазіи и, если Платонъ въ Симпозіумѣ передаетъ правильно слова Діотимы, ея ученіе о человѣческой и божественной любви было, вѣроятно, одно изъ самыхъ благородныхъ и глубокихъ, какія только слышало человѣчество...

Нашествіе норманoвъ на Европу повлекло за собой новый идеалъ въ области половыхъ отношеній, и женщина болѣе приблизилась къ равенству съ мужчиной, чѣмъ прежде. Любовный романъ шелъ все-таки за предѣлами брачнаго союза и вылился, главнымъ образомъ, въ двухъ формахъ: идеалъ рыцарства, идеалъ поклоненія чистой женственности, и идеалъ министрелей, принявшій совсѣмъ другой оттѣнокъ, индивидуальный и сентиментальный, любовникъ и его возлюбленная (большей частью, жена другого), серенады, тайная любовь и пр. Но обѣ эти формы, рыцарства и министрелей, заключаютъ уже въ себѣ нѣчто новое, неизвѣстное древности.

Наконецъ, въ наше время взялъ верхъ моногамическій союзъ — прекрасный идеалъ равной, длящейся до самой смерти привязанности мужа и жены, привязанности, богатой дѣтьми въ этой жизни и полной надеждъ на продолженіе въ жизни будущей, — взялъ верхъ и сталъ темой всей романтической литературы, осью вращенія тысячъ повѣстей и поэмъ. И тѣмъ не менѣе, какъ разъ здѣсь, въ наше время, когда, послѣ вѣковой борьбы, этотъ идеалъ установился, среди націй, идущихъ во главѣ цивилизаціи, встрѣчаемся мы съ доктриной полной свободы брачныхъ отношеній, проповѣдуемой съ наибольшимъ успѣхомъ; какъ разъ теперь кажется вѣроятнымъ, что коммунизированіе общественной жизни въ будущемъ ослабитъ семейныя связи и освободитъ отъ обязательствъ брачныхъ узъ...

Если во времена грековъ, какъ ни прекрасна

была эта эпоха сама по себѣ и по тому, что ею сдѣлано для человѣческаго прогресса, если въ это время бракъ не считался чѣмъ то высокимъ, это отчасти было потому, что идеальной страстью этого періода—которая болѣе, чѣмъ всякая другая вдохновляла его—были товарищескіе отношенія, мужская дружба, вознесенная въ область любви. Фигуры Гармодія и Аристогитона стоятъ у входа греческой исторіи, какъ олицетвореніе этой страсти, приносящей свой плодъ въ соединенномъ самопожертвованіи благу родины, что, по словамъ Платона, и есть самая сущность этихъ отношеній. Геройскій ѳиванскій легіонъ,—«священный союзъ», въ который ни одинъ человѣкъ не могъ вступить безъ своего возлюбленнаго и который, какъ говорили, оставался непобѣдимымъ до полнаго уничтоженія его въ битвѣ при Херонеѣ,—доказываетъ, что страсть эта, ея мѣсто въ общественной жизни были общепризнаны, въ то время какъ на ея универсальность и глубину, на которую она проникла въ умъ и душу грека, указываетъ тотъ фактъ, что существуютъ цѣлые трактаты о духовной любви, въ которыхъ разсматривается только эта форма чувства, какъ указываетъ на это и вся блестящая греческая скульптура, видимо, вдохновлявшаяся въ широкихъ размѣровъ этимъ чувствомъ. И самый замѣчательный въ исторіи народъ, и его величайшіе люди не могутъ быть ни разсматриваемы, ни поняты надлежащимъ образомъ отдѣльно отъ

этой страсти,—тѣмъ не менѣе въ наше время ее едва признаютъ, а если и признаютъ, то только для того, чтобы строго осудить *).

Могутъ быть приведены и другіе примѣры того, какъ различны нравственныя понятія въ разное время, какъ взгляды на ростовщичество, напримѣръ, на магію, на самоубійство, дѣтоубійство и пр. Въ общемъ мы гордимся,—и я думаю, справедливо,—тѣмъ, что люди, вообще, стали гуманнѣе, но тѣмъ не менѣе мы знаемъ, что самые простые дикари содрогнулись бы при взглядѣ на цивилизацію, которая допускаетъ одного утопать въ роскоши, въ то время, какъ другіе систематически голодаютъ, и несомнѣнно, что вивисекція, одобряемая нашими образованными классами (но порицаемая болѣе здоровымъ чувствомъ классовъ необразованныхъ) считалась бы древними египтянами однимъ изъ самыхъ отвратительныхъ преступленій, если бы, конечно, они могли вообразить себѣ подобную вещь.

Но не только нравственныя понятія человѣчества измѣняются такъ изъ рода въ родъ и изъ

*) Современные писатели, сосредоточившіе свое вниманіе на физической сторонѣ этой любви, подняли противъ нея протестъ, какъ противъ простого разврата, до котораго эта страсть опустилась,—какъ, напр., во времена Марціала; но они совершенно упустили изъ вида глубокое значеніе самой героической привязанности. Мы говоримъ здѣсь, конечно, объ идеалѣ, а не о его дезинтеграціи...

вѣка въ вѣкъ, но—что такъ же замѣчательно,— они также различны въ разныхъ классахъ одного общества. Если помѣщики смотрятъ на браконьера, какъ на преступника, то и браконьеръ, какъ уже было замѣчено выше, смотритъ въ свою очередь на помѣщика, какъ на себялюбиваго мошенника, имѣющаго на своей сторонѣ полицію; если почтенный акціонеръ, прилично и благолѣпно живущій на дивиденды, гонитъ отъ себя прочь поденщика землекопа или завсегдатая кабака, то, въ свою очередь, поденщикъ смотритъ на него съ презрѣніемъ, какъ на самаго отъявленнаго вора. И въ концѣ концовъ не легко узнать, кто же изъ нихъ правъ... Невозможно разрѣшить эти противорѣчія предположеніемъ, что одинъ классъ обладаетъ монополіей на добродѣтель, въ то время, какъ другіе, не имѣя силъ достигнуть этой добродѣтели, только высмѣиваютъ ее. Стало уже общимъ мѣстомъ, фактомъ, который не можетъ быть оспариваемъ, что всякій классъ,—какъ бы ни казался онъ грѣховнымъ, отверженнымъ другимъ классамъ,—заключаетъ въ своихъ рядахъ много людей великодушныхъ, благородныхъ, готовыхъ на самопожертвованіе, такъ что общественное мнѣніе такого класса, какъ бы ни отличалось оно отъ понятій другихъ классовъ, не можетъ быть пренебрегаемо. Есть не мало среди священниковъ въ наше время истинныхъ пастырей, хотя большая — и все возрастающая — часть общества и склонна смотрѣть на нихъ, какъ на волковъ въ овечьей шкурѣ. Нерѣдко можно встрѣтить среди профессіональныхъ воровъ людей великодушныхъ и щедрыхъ до послѣдней степени, готовыхъ отдать товарищу въ нуждѣ послѣднюю копѣйку, среди женщинъ, живущихъ внѣ рамокъ условной морали, женщинъ глубоко религіозныхъ, которыя смотрятъ на атеистовъ какъ на людей злыхъ, среди аристократовъ такихъ людей, жизнь которыхъ такъ же сурова, какъ жизнь рабочаго въ каменоломняхъ, и даже среди акціонеровъ и завсегдатаевъ гостинныхъ есть люди такъ же способные на благородство и самопожертвованіе, какъ и среди углекоповъ или рабочихъ желѣзодѣлательныхъ заводовъ. Тѣмъ не менѣе всѣ эти классы имѣютъ каждый свой кодексъ нравственности, болѣе или менѣе отличающійся отъ кодекса другихъ классовъ. И снова предъ нами встаетъ вопросъ: какой же изъ всѣхъ этихъ кодексовъ наиболѣе истинный, наиболѣе прочный?

Глядя на это разнообразіе нравственныхъ кодексовъ въ одномъ и томъ же обществѣ, могутъ сказать, что, не смотря на это разнообразіе, есть одинъ дѣйствительно цѣнный, тотъ, который воплощенъ въ законѣ, а всѣ остальные и отброшены именно потому, что не имѣютъ цѣны. Но стоитъ намъ только взглянуть въ этомъ направленіи, какъ мы увидимъ, что едва ли эта защита закона можетъ быть серьезно поддержи-

ваема. Законъ представляетъ изъ вѣка въ вѣкъ кодексъ высшаго или правящаго класса, медленно собранный, безъ сомнѣнія, и медленно измѣняемый, но всегда пополняемый и примѣняемый правящимъ классомъ. Кодексъ правящихъ класеовъ нашего времени лучше всего, можетъ быть, обозначить словомъ: «комильфотность». И, если мы спросимъ себя: почему же этотъ кодексъ взялъ верхъ надъ кодексами другихъ классовъ и привлекъ законъ на свою сторону до такой степени, что онъ смотритъ на эти другіе, неподчиняющіеся ему классы, какъ на преступные классы,—единственнымъ отвѣтомъ на это будетъ: потому что это кодексъ класса, обладающаго властью. Комильфотность — кодексъ тѣхъ, которые располагаютъ богатствомъ и властью, а такъ какъ въ ихъ же распоряженіи находятся и гибкіе языки, и краснорѣчивыя перья, то кодексъ этотъ становится девизомъ всей литературы и прессы. Нѣтъ никакой необходимости думать, чтобы этотъ девизъ былъ лучше другихъ, но онъ тотъ, который въ данный моментъ въ силѣ; это—кодексъ классовъ, которые, главнымъ образомъ, представляютъ современное общество, это — кодексъ буржуазіи. Онъ отличается и отъ феодальнаго кодекса прошлаго, кодекса феодаловъ и рыцарей, и отъ демократическаго кодекса будущаго, кодекса равенства и братства; это кодексъ коммерческаго вѣка, лозунгъ котораго—собственность.

Комильфотность, респектабельность нашего времени это респектабельность собственности. Нѣтъ ничего болѣе респектабельнаго теперь, какъ быть хорошо одѣтымъ. Законъ подтверждаетъ это: все—на сторонѣ богача, а для бѣдняка и правосудіе не по карману. Преступленія противъ личности едва-едва что не считаются менѣе тяжкими, чѣмъ преступленія противъ собственности. Вы можете избить вашу жену чуть не до смерти и васъ посадятъ на три мѣсяца, но если вы украдете кролика, васъ могутъ посадить на года. Тысячная игра на биржѣ почтенна, а пятачковая орлянка на улицѣ унизительна и можетъ вызвать вмѣшательство полиціи; мошенникъ перваго ранга «принятъ» въ обществѣ, а его честнаго, но въ заплатанной одеждѣ брата и на порогъ не пустятъ. «Всѣ видятъ что-то волшебное въ самыхъ отвратительныхъ преступленіяхъ и свинскихъ низостяхъ міра феодаловъ и дворовъ, съ ихъ лордами, королевами и пажами, такъ хорошо одѣтыми, такими красивыми, - говоритъ Walt Whitmann,—а народъ безграмотенъ, живетъ въ грязи и грѣхи его безобразны и отталкивающи».

Такъ, мы видимъ, что хотя въ Англіи, напримѣръ, существуетъ цѣлый рядъ всякихъ классовъ и рядъ соотвѣтствующихъ имъ кодексовъ общественнаго мнѣнія и нравственности, только одинъ изъ этихъ кодексовъ, кодексъ правящихъ классовъ, девизъ которыхъ собственность,

имѣетъ большую силу. И мы можемъ свободно предположить, что такъ это есть и было во всякой націи, какъ только она раздѣлилась на ясно очерченные классы. Въ одномъ вѣкѣ, коммерческомъ, главенствуетъ кодексъ коммерческій, любящаго деньги класса, въ другомъ, военномъ— военный, въ религіозномъ—кодексъ жреческаго класса и т. д. И даже раньше, чѣмъ поднимался вопросъ о какомъ-бы то ни было дѣленіи на классы, когда еще народы находились въ рудиментарномъ родовомъ состояніи, и тогда уже крайнее разнообразіе привычекъ и общественныхъ кодексовъ отличаетъ ихъ одинъ отъ другого.

Что же должны мы заключить изъ всѣхъ этихъ—и еще большаго числа, о которыхъ я не упомянулъ,—колебаній отъ уваженія къ позору и отъ позора къ уваженію, вызываемыхъ одними и тѣми же поступками не только въ различныхъ обществахъ, въ различныхъ мѣстахъ и эпохахъ, но даже въ одно и то же время среди различныхъ классовъ одного и того же общества? Должны ли мы заключить, что такой вещи, какъ постоянный нравственный законъ, совсѣмъ и не существуетъ, или же мы все-таки должны предположить, что этотъ постоянный законъ существуетъ, хотя общество и искало его напрасно до сихъ поръ?

Я думаю, достаточно очевидно, что такой вещи, какъ постоянный нравственный кодексъ

не существуетъ,—во всякомъ случаѣ въ приложеніи къ поступкамъ. Возможно, что уваженіе или отвращеніе къ извѣстному разряду поступковъ возникло изъ факта, что этотъ разрядъ поступковъ былъ — или предполагалось, что былъ,—благотворенъ или вреденъ для общества въ извѣстное время; но ясно также, что это хорошее или дурное имя, однажды присвоенное какому нибудь поступку, держится и долго послѣ того, какъ поступокъ, съ теченіемъ общественной жизни впередъ, уже перестралъ быть полезнымъ обществу въ одномъ случаѣ или вреднымъ въ другомъ. И въ самомъ дѣлѣ, спустя долгое время мыслители народа открываютъ это противорѣчіе... И такъ, въ короткое время возникаетъ въ общественномъ мнѣніи величайшее замѣшательство между тѣмъ, что дѣйствительно хорошо или дурно для народа, и тѣмъ, что считается только такимъ, и наиболѣе смѣлые умы, которые стараются разобраться въ этомъ, искупаютъ часто эту путаницу своимъ мученичествомъ. Также ясно, что поступки, полезные или вредные для какого нибудь народа, должны измѣняться безконечно съ измѣненіемъ условій жизни народа—что полезно въ одно время или при извѣстныхъ условіяхъ становится вреднымъ въ другое время или при другихъ условіяхъ,—такъ что никто не долженъ надѣяться найти постоянный, всегда одинаково цѣнный кодексъ морали, а особенно тѣ, кто смотритъ на нравствен-

ность, какъ на результатъ общественнаго опыта. Это—вещь не существующая. А изъ тѣхъ, кто считаетъ нравственность интуитивной и кто хоть немного думаетъ обо всемъ этомъ, мало найдется такихъ, которые были бы склонны утверждать, что какой-либо поступокъ можетъ быть самъ по себѣ хорошъ или дуренъ. Хотя и существуетъ поверхностное мнѣніе такого рода, тѣмъ не менѣе, когда приходится разсматривать вопросъ серьезно, всѣ болѣе или менѣе согласны, повидимому, въ томъ, что добро или зло заключаются въ мотивѣ. Убійство — говорятъ, — не зло, но убійство съ намѣреніемъ убить — зло; взять деньги изъ чужого кошелька само по себѣ ни нравственно, ни безнравственно,—все зависитъ отъ того, было ли получено на это разрѣшеніе или отъ того, каковы отношенія между этими двумя людьми, и т. д. Очевидно, что нѣтъ такого поступка, котораго при извѣстныхъ условіяхъ нельзя было бы оправдать и точно также очевидно, что нѣтъ такого поступка, изъ котораго при извѣстныхъ условіяхъ нельзя было бы сдѣлать преступленія. Поэтому всякое разсужденіе о добродѣтели и порокахъ, какъ постоянно различныхъ классахъ поступковъ, ни на чемъ не основано: такого различія нѣтъ, кромѣ того развѣ, которое создается поверхностнымъ и преходящимъ общественнымъ мнѣніемъ. Мѣсто дѣйствія нравственнаго закона - въ страстяхъ и, какъ говорятъ, существуютъ страсти добрыя и злыя, вѣчно различающіяся однѣ отъ другихъ.

И такъ, мы оставляемъ здѣсь наши поиски за постояннымъ моральнымъ кодексомъ въ области поступковъ, въ надеждѣ, что мы найдемъ его въ области страстей. И я думаю, всѣ признаютъ, что это шагъ въ истинномъ направленіи. Однако, и здѣсь мы встрѣчаемся съ затрудненіями, и вопросъ оказывается не изъ такихъ, которые разрѣшаются сразу. Хотя, говоря вообще, нѣкоторыя страсти кажутся болѣе благородными и достойными, чѣмъ другія, намъ, однако, трудно, даже невозможно провести между ними рѣзкую черту, которая отдѣлила бы добрыя страсти отъ дурныхъ. Въ общемъ, мы ставимъ благоразуміе, щедрость, цѣломудріе, скромность, мужество среди добродѣтелей, а ихъ противоположность, опрометчивость, скупость, невоздержность, высокомѣріе, трусость считаемъ пороками, но едва ли мы можемъ сказать, что благоразуміе всегда лучше опрометчивости, цѣломудріе—невоздержанія, скромность — высокомѣрія. Есть положенія, въ которыхъ наименѣе уважаемое качество болѣе всего на мѣстѣ и, если нежелательна крайность въ одномъ отношеніи, также нежелательна она и въ другомъ, противоположномъ. Мужество, какъ всѣ согласны, не должно переходить въ безумную отвагу; цѣломудріе не должно заходить такъ далеко, какъ у монаховъ древней церкви; существуетъ граница и скромности, и терпимости... На дѣлѣ наименѣе достойныя страсти иногда неизбѣжны, какъ противо-

вѣсъ болѣе достойнымъ, и характеръ, лишенный ихъ, будетъ совсѣмъ безцвѣтнымъ,—то же, что и съ частями тѣла: наименѣе почитаемыя имѣютъ свое мѣсто такъ же, какъ и наиболѣе чтимыя и никакъ не могутъ быть устранены...

Благодаря этому, многіе мыслители, оставивъ попытку провести черту между добрыми и злыми страстями, смѣло заявили, что пороки также неизбѣжны, какъ и добродѣтели, и что истинное спасеніе лежитъ въ золотой серединѣ. Επιεικεια и σωφροσυνη грековъ, какъ будто, указывали на идею гармоничнаго подбора всѣхъ силъ, какъ на совершенство характера. И Эмерсонъ, въ числѣ другихъ, утверждаетъ, что всякій порокъ есть только «эксцессъ добродѣтели» и говоритъ, что «первый урокъ исторіи это добро зла».

Съ этой точки зрѣнія, добро или зло не могутъ быть приписываемы самимъ страстямъ, но должны скорѣе примѣняться къ тому, какъ эти страсти пускаются человѣкомъ въ дѣло и къ ихъ отношенію одна къ другой и къ обстоятельствамъ. Какъ раньше мы оставили область поступковъ, чтобы искать постоянный нравственный законъ въ области страстей, стоящихъ за поступками, такъ теперь мы оставимъ область страстей, чтобы искать его въ томъ, что стоитъ за страстями и указываетъ имъ ихъ мѣсто. Это дальнѣйшій шагъ все въ томъ же направленіи, что и прежде, и возможно, что онъ даетъ намъ болѣе удовлетворительные результаты. Однако,

все еще есть трудности—главная изъ нихъ въ недостаткѣ точности, необходимо присущемъ нашимъ разсужденіямъ объ этихъ отдаленныхъ областяхъ человѣческой души и въ нашемъ недостаточномъ знакомствѣ съ этими областями...

По этой причинѣ и по тому, что предметъ нашего изслѣдованія сложенъ и труденъ, я попрошу читателя остановиться немного дольше на размышленіяхъ, которыя показываютъ, что, дѣйствительно, такъ же невозможно провести неподвижную черту между нравственными и безнравственными страстями, какъ и между нравственными и безнравственными дѣйствіями, что и заставляетъ насъ, если только вообще намъ возможно найти какую либо твердую почву для нравственнаго закона, бросить взглядъ въ болѣе глубокія области нашей души.

Платонъ въ своей аллегоріи души, въ Федрѣ,—хотя, видимо онъ и дѣлитъ страсти, запряженныя въ колесницу человѣка, на двѣ категоріи, представленныя бѣлымъ конемъ, влекущимъ колесницу къ небу, и чернымъ къ землѣ,—не говоритъ, однако, что черный конь долженъ быть уничтоженъ или отпущенъ, но что онъ также, какъ и бѣлый, долженъ находиться подъ надлежащимъ управленіемъ возничаго. Этимъ Платонъ хочетъ, повидимому, сказать, что въ человѣкѣ есть что-то стоящее за страстями и надъ страстями, подъ контролемъ котораго только и можетъ человѣческое существо двигаться впередъ

безопасно. Въ самомъ дѣлѣ, если бы самыя сильныя, такъ называемыя земныя страсти были устранены, половина силы, влекущей человѣческую колесницу, пропала бы. Ненависть можетъ быть иногда дьявольской, но въ концѣ концовъ истинная цѣнность ея зависитъ отъ того, что вы ненавидите, отъ употребленія, которое вы дѣлаете изъ этой страсти. Гнѣвъ въ одномъ случаѣ недостоинъ человѣка, въ другомъ великолѣпенъ. Упрямство можетъ быть не у мѣста въ гостинной, но становится первой добродѣтелью на полѣ битвы, когда нужно удержать важную позицію отъ наступающаго массами непріятеля. И сладострастіе, какъ ни чудовищно оно въ его уклоненіяхъ, не можетъ быть въ концѣ концовъ отдѣлено отъ его божественнаго спутника, любви. Отдать всю область души только лучшимъ страстямъ ни къ чему не поведетъ: подставлять щеку, въ слишкомъ буквальномъ смыслѣ, обидчику, значитъ только поощрять его къ дальнѣйшимъ подвигамъ; и, когда все общество стало до такой степени альтруистическимъ, что всѣ готовы въ перегонку бѣжать за стаканомъ воды, мы можемъ быть увѣрены, что тутъ что-то не такъ. Намъ не нравятся вымытые до бѣла герои нашихъ біографій, отягченные добродѣтелями и не имѣющіе ни одного недостатка. У насъ получается впечатлѣніе, что человѣкъ безъ недостатковъ, по меньшей мѣрѣ, существо блѣдное и неинтересное, картина

безъ свѣта и тѣни, и условныя, полублагочестивыя дѣленія характеровъ на хорошіе и дурные — какъ будто хорошіе могутъ существовать безъ нѣкоторыхъ дурныхъ свойствъ — кажутся намъ и недостаточными, и фальшивыми.

Всякій изучающій человѣческую природу долженъ не отдѣлять такъ называемыхъ добродѣтелей отъ такъ называемыхъ пороковъ, чернаго коня отъ бѣлаго, но найти, каково ихъ отношеніе одного къ другому, разсматривать характеръ какъ нѣчто цѣлое, видѣть взаимную зависимость его частей, отыскать то, что дѣлаетъ характеръ единствомъ, то, чье присутствіе и контроль дѣлаетъ человѣка и всѣ его поступки хорошими, и въ отсутствіе чего—если, дѣйствительно, полное отсутствіе этого возможно,—человѣкъ и его дѣйствія должны стать ложными, дурными.

То, что мы зовемъ пороками, недостатками, ошибками, является часто въ нѣкоторомъ родѣ ограниченіемъ: жестокость, напр., какъ ограниченіе человѣческой симпатіи, предразсудокъ, какъ слѣпота или недостатокъ умѣнія разобраться; но именно эти ограниченія — въ той или иной формѣ,—и необходимы, какъ условія появленія человѣческаго существа въ этомъ мірѣ. Если мы должны дѣйствовать, жить, мы должны и дѣйствовать и жить въ извѣстныхъ границахъ. Необходимы каналы, по которымъ могъ бы бѣжать ручей, иначе онъ разольется по всѣмъ направленіямъ и не будетъ въ состояніи вертѣть

мельничныхъ колесъ. Извѣстный человѣкъ непріятенъ, любитъ ссориться — каналы, по которымъ идетъ его симпатія къ людямъ, и малочисленны, и узки; тѣмъ не менѣе, есть положенія въ жизни, — и всякій знаетъ ихъ, — когда человѣкъ, желающій и способный сдѣлать себя непріятнымъ, не имѣетъ буквально цѣны, когда Карлейль стоитъ многихъ и многихъ Валаамовъ.

Иногда пороки, недостатки и пр. являются какъ-бы сырымъ матеріаломъ, изъ котораго должны быть выработаны другія качества, и безъ которыхъ эти качества, въ нѣкоторомъ смыслѣ, не могутъ существовать. Чувственность, напр., лежитъ въ основѣ всего искусства и высшихъ эмоцій. Робость свойственна мечтательному, чувствительному темпераменту; рѣзкость, нелѣпая откровенность и недостатокъ такта необходимы въ образованіи нѣкоторыхъ типовъ реформаторовъ. Но что хотѣли бы вы имѣть — кролика съ рогами быка или осла съ наклонностями гончей собаки? Дѣло реформатора не въ искорененіи своей рѣзкости и задора, а въ томъ, чтобы сдѣлать настоящее употребленіе изъ этихъ качествъ, и человѣкъ долженъ не упразднять свою чувственность, а гуманизировать ее.

И такъ далѣе... Lecky въ своей «History of Morals» показываетъ, какъ извѣстные недостатки неизбѣжно сопровождаютъ въ характерѣ извѣстныя достоинства. «Будь ирландскіе крестьяне не такъ цѣломудрены, они были бы бо-

лѣе зажиточны», рѣзко высказываетъ онъ положеніе, которое и поддерживаетъ утвержденіемъ, что ранніе браки ихъ, которые и дѣлаютъ ихъ цѣломудренность возможной, — «суть самое яркое доказательство народной непредусмотрительности и одно изъ самыхъ фатальныхъ препятствій къ промышленному благосостоянію». Онъ же говоритъ, что игорный столъ воспитываетъ нравственный нервъ и самообладаніе болѣе, чѣмъ что бы то ни было, — фактъ, который прекрасно иллюстрировалъ Бретъ Гартъ въ лицѣ г. John'a Oakhurst'a въ своихъ «Outcasts of Poker Flat»; онъ говоритъ также, что «развитіе честности въ промышленномъ мірѣ есть, вѣроятно, единственная форма, въ которой ростъ фабрикъ оказываетъ благотворное вліяніе на нравственность»; съ другой стороны, «вѣра въ провидѣніе, довольство всѣмъ, покорность судьбѣ въ крайней бѣдности и страданіи, самая искренная любезность и самая искренняя готовность помочь своимъ братьямъ, крѣпость религіозныхъ убѣжденій, которыхъ не можетъ поколебать ни подкупъ, ни преслѣдованія, способность къ геройскому, высокому и продолжительному самопожертвованію могутъ быть найдены въ нѣкоторыхъ народахъ въ людяхъ, являющихся въ повседневной жизни самыми обыкновенными лгунами и плутами». Далѣе онъ указываетъ, что экономія и предусмотрительность, — которыя въ промышленной цивилизаціи, подобной нашей

считаются обязанностями „высшаго порядка“— считались раньше, когда людей учили: «не заботься о завтрашнемъ днѣ», чѣмъ-то совершенно противоположнымъ, и заключаетъ общимъ замѣчаніемъ, что, по мѣрѣ того, какъ общество идетъ впередъ, во всякомъ сдѣланномъ пріобрѣтеніи заключается извѣстная доля потери, и настоящимъ обвинительнымъ актомъ противъ «цивилизаціи», которая не благопріятствуетъ проявленіямъ «самопожертвованія, энтузіазма, скромности и цѣломудрія».

Суть всего этого въ томъ, что такъ называемые пороки и недостатки—разсматриваемъ ли мы ихъ, какъ ограниченія или какъ сырые матеріалы, необходимые для образованія характера, въ индивидуумѣ только или въ ихъ отношеніи къ обществу,—являются необходимыми элементами человѣческой жизни, элементами, безъ которыхъ такъ называемыя добродѣтели не могли бы существовать, и что поэтому совершенно невозможно раздѣлить пороки и добродѣли на два отдѣльныхъ разряда, со скрытой въ этомъ раздѣленіи идеей, что одинъ разрядъ можетъ быть удержанъ, а отъ другого съ теченіемъ времени можно отдѣлаться. Пороки и недостатки не допускаютъ такого обращенія съ собой, они требуютъ признанія своихъ правъ и не хотятъ быть отрицаемы, они поселяются въ насъ и мы должны считаться съ ними. Подобно раковинѣ, въ которую попала песчинка, мы должны сдѣлать изъ нихъ жемчугъ.

Ущелья и пропасти даютъ форму горѣ. Кто хотѣлъ бы видѣть горы равнодушно расползающимися во всѣ стороны, безъ угловъ и изломовъ, похожими на волну прилива, о которой нельзя сказать, что она, холмъ или равнина? И, если вы хотите вырастить лилію, дѣвственно бѣлую и наполняющую воздухъ своимъ ароматомъ, не начнете ли вы съ того, что зароете ея луковицу глубоко въ грязь?

Признавъ, такимъ образомъ, что постоянной линіи различія между добрыми и дурными страстями не существуетъ, намъ не остается ничего, кромѣ какъ принять и тѣ, и другія, и пустить ихъ въ дѣло, — освободивъ ихъ отъ ихъ узости и ограниченности, употребить ихъ всѣ на служеніе человѣку. Какъ грязь есть только извѣстное вещество не на своемъ мѣстѣ, точно также и зло въ человѣкѣ состоитъ только въ дѣйствіяхъ или страстяхъ, находящихся внѣ контроля того человѣческаго, что въ немъ заключено, не посвященныхъ служенію этому человѣческому. Зло не въ самихъ дѣйствіяхъ или страстяхъ, а въ томъ, что они не по человѣчески пущены въ дѣло. Самая чистая добродѣтель, ставшая преградой между человѣкомъ и его страдающимъ ближнимъ,—бѣлоснѣжная, чудноперекрасная статуя, воздвигнутая въ святая святыхъ храма Человѣка, гдѣ долженъ обитать только духъ одинъ,—становится кощунствомъ и оскверненіемъ.

Въ чемъ именно заключается это служенiе человѣческому, это другой вопросъ. Можетъ быть, это нѣчто, въ концѣ концовъ, не поддающееся опредѣленiю. Но, хотя это и не поддается точному опредѣленiю, нѣтъ причины, почему бы не попытаться хотя приблизительно опредѣлить это; конечное ускользанiе его отъ чисто разсудочнаго опредѣленiя не можетъ быть доказательствомъ того, что это не можетъ стать реальной и жизненной силой въ человѣкѣ и вдохновлять его дѣйствiя. Разсмотримъ оба эти соображенiя по порядку. Во-первыхъ, какъ мы это видѣли въ началѣ, опытъ общества постоянно приводитъ его къ дѣленiю дѣйствiй на полезныя и вредныя, на добрыя и злыя, и такимъ образомъ формируются нравственные кодексы, которые извнѣ переходятъ въ человѣка и становятся частью его. Эти кодексы могутъ быть разсматриваемы, какъ приближенiе въ каждый данный моментъ къ утвержденiю общей пользы, но, какъ мы видѣли, они по самой природѣ своей, весьма несовершенны; и такъ какъ сами условiя этой проблемы постоянно измѣняются, то, повидимому, конечное и абсолютное рѣшенiе ея этимъ способомъ невозможно. Второй путь, которымъ человѣкъ думаетъ достигнуть рѣшенiя это — расширенiе и ростъ его собственнаго сознанiя, способъ, въ концѣ концовъ, наиболѣе дѣйствительный, хотя, безъ сомнѣнiя, оба метода должны быть исправляемы одинъ другимъ. Въ самомъ дѣлѣ, человѣкъ со-

ставляя внѣшне часть общества, приходитъ къ сознанiю, къ о щ у щ е н i ю самого себя этой частью общества путемъ внутреннимъ. Постепенно, съ теченiемъ времени, чрезъ развитiе его симпатiй къ себѣ подобнымъ, человѣкъ входитъ въ все болѣе и болѣе широкiй кругъ жизни, радость, горе и опытъ его сотоварищей становятся его радостью и горемъ, его опытомъ; онъ начинаетъ жить жизнью болѣе широкой, чѣмъ его личная жизнь; на него дѣйствуютъ силы, предопредѣляющiя его дѣйствiя не для результатовъ, которые возвратятся къ нему прямымъ путемъ, но для результатовъ, которые могутъ возвратиться только путемъ косвеннымъ, чрезъ другихъ; наконецъ, ему открывается самая глубина человѣческой души, сознанiе человѣческаго равенства, и его дѣйствiя начинаютъ проистекать непосредственно изъ того самаго источника, который регулируетъ и вдохновляетъ все движенiе общества. Тутъ проблема разрѣшена: ростъ пошелъ изнутри; онъ уже слѣдствiе не внѣшняго принужденiя, а внутренней работы. Сознанiе вводитъ человѣка въ все болѣе и болѣе расширяющуюся жизнь и, наконецъ, въ жизнь человѣчества, у которой нѣтъ ни опредѣленной формы, ни постояннаго кодекса, въ истинную жизнь, стоящую выше всякаго опредѣленiя, тѣмъ не менѣе вдохновляющую всѣ дѣйствiя и страсти, всѣ кодексы и формы и указывающую имъ свое мѣсто.

Вотъ въ этомъ то постепенномъ ростѣ высшей жизни въ каждомъ отдѣльномъ человѣкѣ и заключается великая и единственная надежда общества; это то, для чего и существуетъ общество,—жизнь, отъ мизернаго существованія личности безгранично развивающая свое могущество, заставляющая человѣка идти впередъ, имѣя за собой всю вселенную, и превращающая то, что раньше было его маленькими особенностями и недостатками въ блестящія проявленія его человѣчности.

Возвращаясь на мгновеніе къ практическому значенію всего этого въ занимающемъ насъ вопросѣ, мы видимъ, что, какъ скоро мы оставили всѣ кодексы морали, намъ болѣе ничего не остается, какъ отдать всѣ наши положительныя качества и всѣ недостатки на служеніе цѣлямъ человѣчности и этимъ искупить ихъ. Наши недостатки это все наши входы въ истинную жизнь, ворота всѣхъ нашихъ сношеній съ людьми. Даже самыя наши такъ называемыя дурныя страсти не есть само въ себѣ нѣчто постыдное, бояться ихъ нечего—лучше посмотрѣть, что можно сдѣлать изъ нихъ хорошаго, такъ какъ несомнѣнно, что доброе употребленіе изъ нихъ сдѣлать можно. Человѣкъ долженъ быть достойнымъ своихъ страстей и, какъ гора, поднять свою вершину изъ глубины окружающихъ его пропастей. Его страсть—женщины? Пусть любитъ онъ ихъ возвышенной, благородной, безкорыстной любовью! Честолюбіе? Пусть онъ позаботится, чтобы страсть эта вела

его къ великому. Лѣность? Пусть она искупитъ его отъ безумія тревогъ и волненій, сдѣлаетъ его способнымъ отражать небо, какъ отражаетъ его спокойное озеро среди горъ. Скупость? Пусть она станетъ источникомъ истинной экономіи...

Чѣмъ сложнѣе, сильнѣе, опаснѣе какой-нибудь недостатокъ, тѣмъ прекраснѣе будетъ результатъ его обработки. Трудно бороться съ жаждой одобренія отъ окружающихъ. Страсть эта ведетъ свою жертву по пути двоедушія, притворства, тщеславія, высасываетъ всѣ ея жизненныя соки и бросаетъ ее вялой и безкровной. Но разъ побѣжденная, вырванная съ корнемъ и брошенная истекающей кровью на дорогѣ (такъ какъ это, кажется, должно быть рано или поздно сдѣлано со всякимъ порокомъ или добродѣтелью), она снова поднимется и послѣдуетъ за вами, кроткая и готовая теперь служить вамъ, а не опасная и демоническая, какъ прежде.

Трудно имѣть дѣло и со лживостью. Въ нѣкоторомъ смыслѣ это худшій изъ недостатковъ. Лживость дезорганизируетъ и въ концѣ концовъ совсѣмъ разрушаетъ характеръ. Тѣмъ не менѣе можно утверждать, что и этотъ недостатокъ можетъ найти примѣненіе. Если строго разсмотрѣть мы, вѣроятно, увидимъ, что ни одинъ человѣкъ не можетъ и дня прожить безъ лжи, мало того—не составляетъ ли «благородное притворство» части даже величайшихъ характеровъ, вродѣ Сократа, «прекрасной души въ тѣлѣ сатира»?

И не всегда ли появлялось божественное среди людей, нося, подобно Моисею, покрывало на лицѣ? И что такое, наконецъ, сама природа, какъ не одинъ долгій и систематически организованный обманъ?

Правдивость производитъ противоположный эффектъ. Она связываетъ вмѣстѣ всѣ элементы человѣческаго характера, дѣлая его твердымъ, но, проводимая въ жизнь слишкомъ послѣдовательно, она конденсируетъ характеръ слишкомъ сильно, дѣлая человѣка деревяннымъ и угловатымъ. Не надо забывать, что извѣстное ограниченіе необходимо даже въ той существенной правдѣ (вѣрности внутреннему и идеальному совершенству), которая, можетъ быть, болѣе чѣмъ что либо, дѣлаетъ человѣка. Ни одинъ человѣкъ не можетъ въ своихъ дѣйствіяхъ внѣшне быть совершенно вѣрнымъ идеалу, хотя въ душѣ онъ можетъ и хранить ему вѣрность. Разъ онъ долженъ жить въ этомъ мірѣ, быть смертнымъ, это возможно только путемъ какой-нибудь склонности къ земному, т. е. какого-нибудь недостатка.

Итакъ — разъ существуетъ аналогія между индивидуумомъ и обществомъ — не можемъ ли мы заключить, что, какъ индивидуумъ долженъ, въ концѣ-концовъ, признать свои, такъ называемыя, дурныя страсти и найти имъ мѣсто и употребленіе, также и общество должно признать своихъ, такъ называемыхъ, преступниковъ и разобрать, гдѣ ихъ мѣсто, какую пользу можно изъ нихъ

извлечь? Художникъ не пишетъ картины безъ тѣней, мудрый государственный человѣкъ не будетъ пытаться уничтожить преступниковъ, чтобы этимъ самымъ не уничтожить ту силу, которая и движетъ его общественную машину.

Изъ всего того, что было сказано, ясно, что вообще мы зовемъ человѣка преступникомъ не потому, что онъ нарушаетъ какой нибудь вѣчный нравственный кодексъ, — такъ какъ такого кодекса не существуетъ — а потому, что онъ нарушаетъ господствующій кодексъ своего времени, а этотъ кодексъ находится въ широкой зависимости отъ идеала этого времени. У спартанцевъ воровство разрѣшалось, такъ какъ они думали, что воровскія привычки въ общинѣ воспитываютъ военную ловкость и препятствуютъ накопленію частныхъ богатствъ, которое было въ ихъ глазахъ величайшимъ зломъ. А въ наше время накопленіе огромнаго богатства считается величайшимъ благомъ, а воровство — зломъ. Когда же мы поймемъ, что современное общество проходитъ повидимому періодъ частной собственности, отъ коммунизма прошлаго къ болѣе высоко развитому коммунизму будущаго, намъ станетъ ясно, что воръ или браконьеръ это только люди, протестующіе противъ слишкомъ исключительнаго господства преходящаго идеала. Что мы стали бы дѣлать безъ вора? Онъ — какъ говоритъ, если не ошибаюсь, Hinton, — открываетъ намъ путь къ возрожденному обществу и въ

этомъ отношении болѣе полезенъ, чѣмъ многіе изъ нашихъ политическихъ ораторовъ. Это онъ поселяетъ тревогу въ самомъ сердцѣ богатства и, такимъ образомъ, съ теченіемъ времени, дѣлаетъ бремя и затрудненія частной собственности такими нестерпимыми, что общество съ радостью дѣлаетъ богатство общимъ достояніемъ. Какъ ни огромна машина закона, какъ ни многочисленны способы, которыми онъ старается раздавить вора, законъ, видимо, оказался безсильнымъ и негодность его дѣлается все болѣе и болѣе очевидной. Побѣда останется за воромъ. Онъ получитъ то, чего хочетъ, но—какъ это водится въ человѣческой жизни,—совсѣмъ другимъ путемъ и въ другой формѣ, чѣмъ онъ ожидалъ.

И мы никакъ не можемъ сказать, что воръ менѣе человѣченъ, чѣмъ другіе классы общества. Чувства широкихъ воровскихъ круговъ въ высокой степени коммунистичны и, если воры представляютъ пережитокъ прошлаго, они могутъ быть также разсматриваемы, какъ предтечи лучшихъ временъ въ будущемъ. У нихъ есть друзья въ каждомъ городѣ, всегда открытые ходы и убѣжища; между собой они щедры и великодушны въ высшей степени. И, если они смотрятъ на богачей, какъ на своихъ естественныхъ враговъ и какъ на хорошую добычу—точка зрѣнія, противъ которой трудно возразить что-нибудь,—во всякомъ случаѣ многіе изъ нихъ воодушевлены

въ значительной степени духомъ Робинъ Гуда и по мѣрѣ силъ стараются помочь бѣднякамъ.

Мнѣ не нужно, думаю, цитировать знаменитыя строки Lecky, въ которыхъ онъ показываетъ, какъ проститутка чрезъ вѣка страданій и позора несла на себѣ проклятія и презрѣніе общества, чтобы ея болѣе счастливая сестра могла пользоваться счастьемъ чистаго брака. Идеалъ моногамическаго союза былъ установленъ въ нѣкоторомъ смыслѣ прямо благодаря осужденію незамужней женщины. Если все-таки, какъ многіе думаютъ, нѣкоторая свобода въ области половыхъ отношеній не только допустима, но въ послѣдствіи, въ извѣстныхъ границахъ, даже желательна, становится ясно, что именно проститутка, несмотря на тяжелыя условія, цѣной собственнаго униженія, поддержала традицію, которая, будучи сама по себѣ хорошей, могла безъ нея погибнуть, благодаря нашей преданности великолѣпному идеалу брака. Было въ исторіи время, когда проститутка (если можно употребить здѣсь это слово) пользовалась почетомъ, посвящалась служенію при храмѣ и была чтима людьми и богами (какъ въ библейскіе времена и у грековъ). Было также время, когда всѣ смотрѣли на нее, униженную и оскорбленную, съ презрѣніемъ. Въ будущемъ придетъ снова время, когда она, свободная подруга, освобожденная отъ проклятія современнаго торга собой, снова священная и чтимая, снова будетъ принята обществомъ и займетъ въ немъ свое мѣсто наравнѣ съ другими.

Точно также и въ другихъ случаяхъ. Глядя назадъ, въ прошлое, мы находимъ, что всякій человѣческій импульсъ былъ въ свое время уважаемъ и могъ развернуться во всю ширь и, благодаря этому, человѣкъ могъ узнать его красоту и цѣну. Но потомъ, чтобы онъ не взялъ слишкомъ тиранической власти надъ всѣмъ остальнымъ (а онъ, конечно, взялъ бы), его свергли съ его трона и въ позднѣйшіе времена онъ уже презирался всѣми. Въ концѣ концовъ онъ опять найдетъ свое, достойное человѣка, примѣненіе и займетъ мѣсто наряду со всѣмъ остальнымъ. До эпохи цивилизаціи, какъ утверждаютъ изслѣдователи первобытнаго общества, всѣ племена человѣчества, хотя и замкнутыя каждое въ свои обычаи, были глубоко демократическими въ своей структурѣ. И, въ самомъ дѣлѣ, не было ничего такого, что могло бы ихъ сдѣлать иными. Всякій членъ рода стоялъ на равной ногѣ съ остальными, отдѣльныя лица не имѣли власти надъ себѣ подобными, самъ родъ былъ верховной владыкой. И когда, въ будущемъ, наступитъ время болѣе высокой, истинной демократіи, это равенство, бывшее столько времени забытымъ, будетъ снова возстановлено, и не только между людьми, но въ нѣкоторомъ смыслѣ и между страстями и свойствами человѣка тоже: ни одной не будетъ позволено господствовать надъ другими, всѣ будутъ подчинены высшей, истинно человѣческой жизни. Въ колесницу человѣка, вмѣсто двухъ лошадей, будетъ запряжена тысяча, но всѣ онѣ будутъ подъ властью возничаго. А тѣмъ временемъ—я думаю, предположеніе это не будетъ безуміемъ,—въ теченіе всего періода цивилизаціи, именно такъ называемые преступники и поддерживаютъ возможность возврата общества къ этому состоянію. Они сохраняютъ,—можетъ быть, въ грубой и непривлекательной оболочкѣ,—драгоцѣнное сѣмя жизни, грядущей изъ будущаго, и составляютъ въ концѣ концовъ такую же необходимую, интегральную часть общества, какъ и другіе его члены, наиболѣе уважаемые и почитаемые въ наше время.

Изъ всего этого слѣдуетъ, что мораль, какъ кодексъ, должна быть отброшена. Такого кодекса не существуетъ, во всякомъ случаѣ для вѣчнаго пользованія. Извѣстный вѣкъ, извѣстный народъ, классъ, семья могутъ имѣть кодексъ, который считается ими цѣннымъ, но только они считаютъ его цѣннымъ и только на извѣстное время. Десять заповѣдей могли быть очень полезны для израильтянъ, но для насъ онѣ допускаютъ столько исключеній и толкованій, что практически не имѣютъ никакой цѣнности. «Не укради»—совершенно вѣрно, но кто будетъ рѣшать, какъ мы видѣли въ началѣ, въ чемъ состоитъ воровство? Вопросъ слишкомъ сложенъ, чтобы согласиться на одномъ отвѣтѣ. Мы поймали полумертваго отъ голода бродягу, стянувшаго кусокъ хлѣба, и готовы уже подвергнуть

его наказанію, но вотъ является Ликургъ и дружески треплетъ его по плечу, является современный мыслитель и говоритъ ему, что именно онъ держитъ открытымъ путь къ возрожденію общества! И, если бы бродяга самъ былъ философомъ, онъ все же сдѣлалъ бы, вѣроятно, тотъ же, съ точки зрѣнія общества, проступокъ, но не только для своей собственной выгоды, но и для пользы общества, онъ совершилъ бы преступленіе, чтобы спасти человѣчество...

Итакъ, ничего не остается вѣчнаго, кромѣ простой человѣчности. Такъ какъ нѣтъ ни одного вѣчнаго кодекса морали, мы вынуждены сознаться, что нѣтъ никакой возможности доказать, что мы правы, а наши сосѣди ошибаются. Самый актъ размышленія, правы ли мы, (актъ, заключающій въ себѣ отдѣленіе насъ, хотя бы въ мысляхъ, отъ другихъ), самый актъ этотъ вводитъ элементъ неправоты; и, если мы можемъ быть совсѣмъ «правы», это должно быть въ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, когда мы забудемъ отмѣтить это, когда мы забудемъ нашу отдѣльность отъ другихъ и войдемъ въ великую область человѣческаго равенства, высшаго единенія. Равенство—здѣсь искуплены всѣ человѣческіе недостатки, здѣсь всѣ они находятъ свое мѣсто. Любить своего ближняго какъ самого себя—въ этомъ весь законъ и пророки; чувствовать, что вы равны, одинаковы со всѣми, что ихъ жизни это ваша жизнь, а ваша жизнь—ихъ,—въ какой бы

ничтожной степени мы ни испытали это—значитъ войти въ иную жизнь, заключающую въ себѣ обѣ стороны, значитъ подняться выше сферы моральныхъ различій и перестать безпокоиться о нихъ. Между любящими другъ друга людьми нѣтъ ни обязанностей, ни правъ; въ жизни, исполненной высшей человѣчности, есть только инстинктивная взаимопомощь, выражающаяся во всевозможныхъ формахъ, всегда лучшихъ для даннаго времени. Нѣтъ ничего запрещеннаго, нѣтъ ничего такого, что не могло бы сослужить людямъ службы. Законъ равенства гибокъ до совершенства, примѣнимъ всюду и во всѣ времена, онъ находитъ мѣсто всѣмъ элементамъ характера, оправдываетъ и искупаетъ ихъ всѣ безъ исключенія и жизнь по этому закону есть совершенная свобода. Нѣтъ никакого закона,—есть только новая жизнь, проникающая всю личную жизнь, дѣйствующая изнутри, поднимающая личность въ иныя сферы, выше всякой испорченности, высоко, высоко надъ міромъ скорбей...

Усиліе сдѣлать различіе между дѣйствіемъ для себя и дѣйствіемъ на пользу ближняго—основаніе, базисъ «морали». Пока человѣкъ чувствуетъ, въ концѣ концовъ, антагонизмъ между собой и обществомъ, пока онъ пытается держать свою жизнь, какъ нѣчто отдѣльное отъ жизни общей, до тѣхъ поръ необходимо долженъ вставать предъ нимъ вопросъ, будетъ ли онъ дѣйствовать для

себя или для другихъ. Отсюда вытекаетъ длинный рядъ понятій—различіе справедливаго отъ несправедливаго, долгъ, себялюбіе, самоотреченіе, альтруизмъ и т. п. Но, когда онъ откроетъ, что, въ концѣ концовъ, антагонизма между нимъ и обществомъ нѣтъ, когда онъ узнаетъ, что удовлетвореніе того или другого его желанія можетъ быть сдѣлано общественнымъ, полезнымъ обществу, будучи совершено въ надлежащее время и въ надлежащемъ мѣстѣ, когда онъ, съ другой стороны, узнаетъ, что всякое требованіе къ нему со стороны общества удовлетворяетъ, должно удовлетворять извѣстную сторону его природы, извѣстное желаніе его сердца,—тогда снова всѣ различія исчезаютъ. Онъ вступаетъ въ болѣе широкую жизнь, жизнь, заключающую въ себѣ обѣ стороны и живыя, свободныя дѣйствія въ согласіи съ неписаннымъ и невыдуманнымъ закономъ. Дѣйствія эти будутъ называться людьми иногда «себялюбивыми», иногда «несебялюбивыми», но они ни то, ни другое или, если хотите, и то, и другое, и тотъ, кто ихъ совершаетъ, не заботится объ именахъ, которыя могутъ быть имъ даны. Законъ равенства, равности заключаетъ въ себѣ всѣ моральные кодексы, это точка, которой эти кодексы не могутъ достичь, но къ которой всѣ они стремятся...

Если судить съ этой конечной точки зрѣнія, можно безъ сомнѣнія сказать, что мы всѣ преступники и заслуживаемъ хорошаго наказанія и

что даже нѣкоторые изъ насъ бóльшіе преступники, чѣмъ другіе. Но современные кодексы морали и законовъ не даютъ достаточнаго критеріума этой истинной преступности. Я могу быть человѣкомъ худшимъ, болѣе заключеннымъ въ самомъ себѣ (глупымъ, грубымъ), чѣмъ вы, но голый фактъ, что я нарушилъ законы и попалъ въ тюрьму не можетъ доказать этого. Можетъ быть, существуетъ, даже непремѣнно существуетъ реальная вѣчная разница, выражаемая словами «справедливость» и «несправедливость», но никакое опредѣленіе, какое только мы можемъ придумать, никогда не сможетъ установить ее. Само употребленіе въ прошломъ всѣхъ этихъ законовъ и кодексовъ, какъ они ни далеки отъ совершенства, могло, однако, постепенно пробудить въ человѣкѣ сознаніе его противостоянія обществу и, такимъ образомъ, приготовить путь къ истинному примиренію. Какъ говоритъ Павелъ: «я узналъ грѣхъ только чрезъ законъ»; если бы мы не были такъ избиты и изломаны этой тяжелой вѣковой дубиной общественной условности, мы не были бы теперь ни такъ чувствительны къ послѣдствіямъ нашихъ дѣйствій, которыя ложатся на нашихъ ближнихъ, ни такъ готовы принять новую жизнь, которая будетъ выше закона.

Несомнѣнно, конечное примиреніе личности съ обществомъ, человѣка съ всечеловѣкомъ, обусловливается подчиненіемъ желаній истинному «я». И это самый важный пунктъ. Это не легкій

переходъ, о которомъ идетъ здѣсь рѣчь, переходъ отъ нравственности въ непроходимыя джунгли человѣческихъ страстей, это трудное и долгое восхожденіе, обусловливаемое во всякомъ случаѣ строгимъ контролемъ надъ собой въ теченіе извѣстнаго времени, восхожденіе до власти надъ страстями; это постепенное укрощеніе всѣхъ ихъ одна за другой и, наконецъ, признаніе, допущеніе ихъ только потому, что онѣ покорены. Именно эта то тренировка и покореніе страстей—крылатыхъ коней, влекущихъ колесницу человѣка,—и составляетъ такой длинный и мучительный процессъ человѣческой эволюціи. Старые нравственные кодексы составляютъ часть этого процесса, но они выполняютъ этотъ общій планъ, уничтожая нѣкоторыя страсти,—потому что иногда легче застрѣлить непокорнаго коня, чѣмъ объѣздить его. Мы, однако, хотимъ быть господами не надъ падалью, а надъ живыми силами, и всякая скорость, которую мы можемъ придать нашей колесницѣ, только дѣлаетъ нашъ полетъ болѣе блестящимъ и великолѣпнымъ и, вмѣсто неспособнаго Фаэтона, передаетъ бразды лучезарному Фебу.

И, слившись такимъ образомъ въ одно съ общей жизнью, личность не только не уничтожается, а только все болѣе и болѣе растетъ. Отреченіе,—если только это можно такъ назвать,—которое человѣкъ долженъ принять, оставляя чисто личныя цѣли, немедленно вознаграждается той,

болѣе живой жизнью, въ которую онъ вступаетъ. Теперь каждая сила его можетъ быть использована. Оставляя свою исключительную индивидуальность, онъ впервые становится истинно живой личностью и, принимая, какъ свою собственную, жизнь другихъ, онъ открываетъ въ себѣ жизнь безграничную и безконечную. Что «я» всякаго человѣка способно къ безконечнымъ градаціямъ отъ самаго ничтожнаго и исключительнаго существованія до самаго великолѣпнаго и всеобъемлющаго—это уже стало труизмомъ. Одна крайность—болѣзнь и смерть, другая—вѣчная жизнь. Когда языкъ, напримѣръ, одинъ изъ членовъ тѣла, смотритъ на свое существованіе, какъ на отдѣльное, онъ дѣлаетъ ошибку, онъ впадаетъ въ иллюзію и спускается въ свою крошечную жизнь. Каково же слѣдствіе? Убѣжденный, что онъ существуетъ отдѣльно отъ другихъ членовъ, онъ выбираетъ питаніе, которое питаетъ только его одного. Онъ хочетъ щекотать свойственное только ему чувство вкуса; живя и дѣйствуя такимъ образомъ, онъ скоро уничтожаетъ само это чувство, отравляетъ весь организмъ непригоднымъ питаніемъ и несетъ за собой болѣзнь и смерть. Но какъ онъ дѣйствуетъ въ здоровомъ состояніи? Конечно, онъ не идетъ противъ собственнаго чувства вкуса, не притупляетъ его. Онъ не говоритъ о пожертвованіи своими собственными склонностями для блага дѣла и другихъ членовъ, но онъ дѣйствуетъ за одно съ

ними, а они съ нимъ,—ибо языкъ это мускулъ, и то, что питаетъ его, питаетъ всѣ другіе мускулы, а оболочка языка—это продолженіе оболочки желудка и поэтому онъ и знаетъ, что нравится желудку; языкъ это нервы и кровь, и поэтому онъ можетъ дѣйствовать за нервы и кровь всего тѣла и т. д. Такимъ образомъ, языкъ можетъ войти въ болѣе широкую жизнь, чѣмъ та, которая ограничивается простымъ мѣстнымъ чувствомъ вкуса, и часто испытываетъ бо́льшее удовольствіе отъ стакана простой воды, въ которой нуждается все тѣло, чѣмъ отъ утонченныхъ сладостей, пріятныхъ ему одному.

Точно также человѣкъ въ здоровомъ состояніи не дѣйствуетъ для одного себя и даже не можетъ дѣйствовать, не говоритъ о «служеніи своимъ ближнимъ», но онъ просто дѣлаетъ все также для нихъ, какъ и для себя, потому что они—часть его жизни, кость отъ костей его и плоть отъ плоти его. И, поступая такимъ образомъ, онъ входитъ въ новую, болѣе широкую жизнь, испытываетъ счастье болѣе совершенное и становится болѣе человѣкомъ, чѣмъ когда либо прежде. Всякій человѣкъ содержитъ въ себѣ элементы всего остальнаго человѣчества; они стоятъ на заднемъ планѣ, но они тутъ. Впереди, фасадомъ, стоитъ свойственная ему, развитая особенность, его индивидуальность, съ ея цѣлями, планами, намѣреніями, но сзади дремлетъ жизнь демоса съ проектами и намѣреніями, много болѣе обширными. Рано или поздно во всякомъ человѣкѣ должно проснуться сознаніе этой болѣе широкой жизни.

Истинная демократія, въ которой эта болѣе широкая жизнь будетъ править обществомъ изнутри, обходя такимъ образомъ необходимость внѣшняго правительства, въ которой всѣ характеры и свойства человѣка будутъ признаны и свободны, лежитъ (скрытый, но необходимый результатъ эволюціи) въ самомъ свойствѣ человѣческой природы. Въ доцивилизаціонномъ періодѣ проклятые вопросы нравственности практически не существовали, просто потому, что въ этотъ періодъ человѣкъ составлялъ одно со своимъ племенемъ и былъ движимъ (безсознательно) болѣе широкою жизнью своего племени. Въ поцивилизаціонномъ періодѣ, когда будетъ осуществлена истинная демократія, они существовать не будутъ, потому что человѣкъ будетъ сознавать себя частью человѣчества и будетъ сознательно движимъ силами этихъ болѣе обширныхъ областей его существа. Моральные кодексы и вопросы принадлежатъ цивилизаціи, они—часть усилія двинуться впередъ, борьба, страданіе, временное отдѣленіе отъ истинной жизни, присущія этому періоду...

Обычай.

> Все, что не согласно съ обычаемъ, считается несогласнымъ съ разумомъ, хотя Богъ знаетъ какъ неразумно въ большинствѣ случаевъ.
>
> **Монтэнь.**

Всякое человѣческое существо вырастаетъ въ футлярѣ обычаевъ, обвивающихъ его, какъ пеленки обвиваютъ младенца. Обычаи, принятые въ семьѣ, гдѣ онъ впервые увидѣлъ свѣтъ,—какъ тверды, непоколебимы кажутся они сперва ребенку! Онъ думаетъ, конечно, что во всѣ времена весь міръ шелъ тѣмъ же путемъ, по которому идетъ его крошечная жизнь. На нарушеніе этихъ правилъ—по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ нихъ,—онъ смотритъ, какъ на безумный шагъ въ темноту, ведущій къ невѣдомымъ опасностямъ.

Тѣмъ не менѣе, едва раскрылся его умственный взоръ, какъ онъ уже не безъ удивленія замѣчаетъ, что въ то время, какъ въ столовой, гдѣ обѣдаетъ его семья, мясо подается всегда передъ пудингомъ, внизу, гдѣ живетъ прислуга, и въ сосѣдней хижинѣ пуддингъ идетъ впереди мяса; что, въ то время, какъ его отецъ кладетъ весной

при посѣвѣ картофель подъ навозъ, сосѣдъ неизмѣнно кладетъ навозъ подъ картофель. Вся его увѣренность въ истинности, непогрѣшимости жизни его дома нарушена. Несомнѣнно, долженъ быть истинный и ложный способъ ѣсть обѣдъ или садить картофель, и несомнѣнно, кто-нибудь, отецъ или мать, знаетъ, какъ поступать лучше. Старшіе всегда говорили (и въ самомъ дѣлѣ, это представляется единственно разумнымъ), что въ наше время все уже вполнѣ выработано и что лучшій способъ устройства нашей жизни—питанія, одежды, домашняго хозяйства, общественныхъ обычаевъ и т. п.,—уже давнымъ давно установленъ. Но, если это такъ, почему же это различіе въ самыхъ простыхъ и обыденныхъ дѣлахъ?..

Далѣе, священные, повидимому, общіе всему міру, обычаи, въ которыхъ мы были воспитаны, вдругъ оказываются обычаями только маленькаго класса общества или касты, или они ограничиваются тѣсными предѣлами какой-нибудь небольшой мѣстности и должны быть оставляемы позади, если мы оставляемъ эту мѣстность, или они только догматъ какой-нибудь маленькой религіозной секты, или только продуктъ своего вѣка. И предъ нами самъ собой встаетъ вопросъ: неужели же нѣтъ никакихъ естественныхъ границъ? неужели же въ основѣ нашей жизни лежитъ повсюду не разумъ, не необходимость, а совершенно произвольный обычай, простая привычка? Что болѣе важно чѣмъ питаніе, напримѣръ, и однако

въ какой области человѣческой жизни можно найти болѣе совершенпо непонятныхъ различій въ обычаяхъ? Шотландскій горецъ цвѣтетъ здоровьемъ на овсянкѣ, а шеффильдскій рабочій умретъ, а не будетъ ее ѣсть; жирная улитка, о которой съ такой похвалой отзывался нѣкогда римскій помѣщикъ, мирно ползаетъ теперь, никому ненужная, въ крестьянскихъ садахъ Глоучестершира; кролики являются какимъ то табу въ Германіи, въ Англіи нельзя и заикнуться о лягушкахъ, во Франціи находится въ полномъ презрѣніи Sauerkraut *); многія расы и племена совершенно увѣрены, что они умрутъ, если у нихъ не будетъ мяса, другіе думаютъ, что спиртные напитки совершенно необходимы, тогда какъ у третьихъ и мясо, и спиртные напитки вызываютъ отвращеніе. Всякій деревенскій округъ имѣетъ свои привычки въ области питанія и крестьяне смотрятъ съ величайшимъ недовѣріемъ на всякое новое блюдо и только изрѣдка, и то съ большимъ трудомъ, можно заставить ихъ принять его. Хотя было ясно доказано, что большинство грибовъ, произрастающихъ въ Англіи, составляетъ прекрасное блюдо, сила привычка такова, что только одна порода изъ нихъ, mushroom, признается англичанами, въ то время, какъ въ другихъ странахъ, гдѣ приняты другіе, подобные mushroom'у грибы, самъ mushroom въ пищу

*) Кислая капуста.

не употребляется. Наконецъ, я самъ чувствую, какъ, вѣроятно, и большинство моихъ читателей, что я скорѣе умру, чѣмъ буду ѣсть насѣкомыхъ— такъ глубоко отвращеніе, которое мы питаемъ къ этому сорту пищи. Тѣмъ не менѣе извѣстно, что многіе весьма почтенные народы приняли эту діэту, и только недавно была опубликована книга, рекомендующая прекрасныя блюда, на которыя мы обыкновенно смотримъ съ презрѣніемъ: вкусные кусочки гусеницы, разныхъ жуковъ и т. п.! И, въ самомъ дѣлѣ, когда подумаешь объ этомъ, что же, какъ не предразсудокъ, заставляетъ насъ ѣсть разныя ракушки и отбрасывать простыхъ улитокъ, восхвалять милыхъ креветокъ и отворачиваться отъ веселыхъ кузнечиковъ?..

Не слѣдуетъ думать, что всѣ эти мѣстныя и другія различія обусловливаются теперь потребностями мѣста и времени,—ничего подобнаго: въ большинствѣ случаевъ это только привычки выросшія, можетъ быть, первоначально изъ какой-нибудь потребности, но увѣковѣченныя лишь по инерціи и по присущей человѣку лѣни. Можетъ быть, эта мысль будетъ яснѣе, если мы спустимся въ царство животныхъ.

Если привычки сильны у человѣка, тѣмъ болѣе сильны онѣ у животныхъ. Овца кормится травой, кошка ѣстъ мышей и другую животную пищу, и принято думать, что эти діэты наиболѣе «естественны» этимъ двумъ животнымъ, что именно этотъ кормъ наиболѣе способствуетъ ихъ разви-

тію, что безъ него они даже и жить не могутъ. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго, такъ какъ кошки могутъ быть прекрасно выращены на овсянкѣ и молокѣ, а что касается до овецъ, такъ извѣстно, что одна изъ нихъ была воспитана на портвейнѣ и бараньихъ котлетахъ!.. Собаки, «естественное» питаніе которыхъ въ дикомъ состояніи есть мясо, много здоровѣе,—по крайней мѣрѣ, домашнія,—при мучнистомъ кормѣ съ прибавкой небольшого количество мяса или совсѣмъ безъ мяса, и онѣ принимаютъ эту вегетаріанскую діэту такъ хорошо, что дѣлаются иногда настоящимъ бичемъ садовъ, поѣдая клубнику, крыжовникъ и горохъ прямо съ грядъ и кустовъ. Всякій, кто имѣлъ дѣло съ котятами, знаетъ, къ какой удивительной по своему разнообразію пищѣ можно ихъ пріучить, хотя въ дикомъ состояніи эти животныя имѣютъ самые безнадежные предразсудки по части питанія и скорѣе погибнутъ, чѣмъ измѣнятъ привычкамъ своего племени. Фазаны, когда зимою снѣгъ покрываетъ землю, ѣдятъ корни папоротниковъ, граусы *) же не ѣдятъ и гибнутъ отъ голода. Любознательному волку клубника и горохъ пришлись бы, вѣроятно, также по вкусу, какъ и собакѣ, но можно съ увѣренностью сказать, что обыкновенный членъ этого рода погибнетъ въ саду, полномъ ягодъ, если будетъ лишенъ своего обычнаго корма.

*) Порода тетеревовъ.

Все это, какъ намъ кажется, указываетъ, какую необъятно важную роль играетъ простая привычка въ жизни людей и животныхъ. Большая часть власти, которую человѣкъ имѣетъ надъ животными, основана на привитыхъ имъ человѣкомъ привычкахъ; разъ принявъ какую-нибудь привычку, животное и не думаетъ нарушать ее и эта почти непреодолимая сила привычки у животныхъ бросаетъ свѣтъ на роль, которую она играетъ и въ жизни человѣка.

Конечно, я не оспариваю, что между овцой и собакой есть физіологическая разница въ ихъ пищеварительныхъ органахъ и что одно животное по самому устройству своего организма болѣе приспособлено къ извѣстной пищѣ, чѣмъ другое, но я указываю лишь, что мы не должны упускать изъ виду значеніе простой привычки въ этой области. Сперва измѣнялась привычка, а за ней медленно послѣдовало и измѣненіе физическаго строенія животнаго. Произошло это, вѣроятно, такимъ образомъ. Нѣкогда, въ глубинѣ прошлаго, группа животныхъ, гонимая, вѣроятно, необходимостью, принялась стаей охотиться въ лѣсахъ; благодаря этому, постепенно измѣнилась физіологическая структура и развились особыя привычки, которыя съ теченіемъ времени крѣпко вросли въ породу. Другая группа поддерживаетъ свою жизнь травой и съ теченіемъ времени такъ привыкла щипать траву, что не могла бы себѣ и вообразить иной діэты и

отказалась бы даже отъ устрицъ, еслибы натолкнулась на нихъ. Третья группа нашла свое спасеніе въ деревьяхъ, животныя эти развили длинную шею и стали жирафами. Но фактъ, что жирафъ питается листьями, овцы травой а волкъ мясомъ, и что привычка эта такъ сильна, что животное отказывается отъ всякой другой пищи, самъ собой не доказываетъ еще, что эта пища наилучшая для него или физіологически наиболѣе подходящая. Другими словами, предположеніе, что «приспособленіе къ средѣ» есть единственный или даже только главный факторъ въ установленіи рѣзко отличающихся одинъ отъ другого родовъ, еще требуетъ доказательствъ, такъ какъ это значитъ пренебречь (на ряду съ другими факторами) силою простого обычая или привычки, которая въ развитіи рода имѣетъ почти то же значеніе, что скорость движенія въ механикѣ, и заставляетъ породу, разъ выбравшую извѣстное направленіе, поддерживать его—часто вопреки средѣ—тысячи и тысячи лѣтъ...

Возвращаясь къ человѣку, мы видимъ его связаннымъ тысячами обычаевъ, мѣстныхъ, классовыхъ, семейныхъ, религіозныхъ, привычекъ въ области питанія, одежды, меблировки, жилища, промышленнаго производства, общественной, городской, національной жизни и т. п.,—и предъ нами встаетъ вопросъ: гдѣ же, въ чемъ заключено то зерно необходимости, которымъ вызвано все это? Когда главную роль играетъ въ этомъ дѣй-

ствительная необходимость и когда простая привычка, лѣнь? Первое, что мнѣ бросается въ глаза, когда я смотрю теперь въ окно, это черепица, покрывающая сосѣднюю крышу. Почему въ однихъ мѣстностяхъ черепицу дѣлаютъ похожей на букву S, а въ другихъ плоской? Несомнѣнно, условія дождя и вѣтра почти одинаковы для всѣхъ мѣстностей. Можетъ быть, въ прошломъ и была какая нибудь причина этому, но теперь не остается ничего, кромѣ привычки. Почему мы сидимъ на креслахъ, а не на полу, какъ японцы, и не на подушкахъ, какъ турки? Это только привычка, которая, можетъ быть, вытекаетъ изъ другихъ нашихъ привычекъ. Чѣмъ болѣе смотримъ мы въ нашу жизнь и размышляемъ о безконечномъ разнообразіи обычаевъ въ каждой ея области,—даже при, по всей видимости, одинаковыхъ условіяхъ,—тѣмъ болѣе поражаетъ насъ отсутствіе всякой серьезной необходимости въ формахъ, къ которымъ мы привыкли. Всякая раса, всякій классъ, всякая группа населенія, даже всякій индивидуумъ хвалитъ свои обычаи, какъ стоящіе выше другихъ, какъ единственно вѣрные и законные; народы и классы не отступятъ передъ войной изъ-за своихъ вѣрованій и обычаевъ, но предъ пытливымъ, открытымъ умомъ назойливо встаетъ вопросъ: правда ли, что кто-либо изъ людей овладѣлъ этой истинной жизнью, не представляемъ ли мы изъ себя скорѣе просто безконечныхъ разновидностей куколки метелка,

сдѣланныхъ на скорую руку изъ старыхъ шкуръ, оболочекъ и останковъ тѣхъ, кто были раньше насъ, съ едва замѣтной внутри искрой жизненности? Сколько разъ въ день совершаемъ мы самостоятельное дѣйствіе, а не простую, механически повторяющуюся работу? Въ самомъ дѣлѣ, еслибы различные наши поступки и обычаи были, дѣйствительно, нашими и исходили бы изъ истинной необходимости, можетъ быть, мы не ссорились бы изъ-за нихъ одни съ другими такъ часто, какъ мы это дѣлаемъ...

Теперь перейдемъ въ область морали. Здѣсь тоже все привычки, обычаи, разнообразные до послѣдней степени среди различныхъ народовъ, въ различныя эпохи, въ разныхъ мѣстностяхъ, обычаи, для которыхъ часто трудно найти хоть какую нибудь почву въ разумѣ или въ «соотвѣтствіи вещей». Предполагается, что воровство у насъ порицается, тѣмъ не менѣе наша торговая мораль санкціонируетъ его на тысячу ладовъ и почтенный ростовщикъ — котораго трудно назвать иначе, какъ воромъ,—занимаетъ почетное мѣсто на пиру жизни. Повсемѣстная охота за дичью съ незапамятныхъ временъ считалась врожденнымъ правомъ всякаго человѣка, пока классъ лэндлордовъ, на который такъ нападаютъ теперь злые соціалисты, не изобрѣлъ преступленія «браконьерства» и не началъ вѣшать людей за это. Брачные обычаи среди народовъ въ различныя эпохи были прямо безчисленны и

въ этой области духъ святости, нерушимости обычая наиболѣе силенъ. Самыя суровыя наказанія, самое строгое общественное мнѣніе, глубоко вкоренившееся въ сознаніи людей, укрѣпляли всевозможные своды законовъ различныхъ временъ и мѣстностей,—однако, всѣ эти своды противорѣчатъ одни другимъ. Полигамія въ одной странѣ, поліандрія въ другой, разрѣшеніе брака между братомъ и сестрой въ одно время, запрещеніе брака даже съ двоюроднымъ братомъ матери въ другое, проституція, торжественно освящавшаяся въ храмахъ въ древности и попираемая въ грязь въ нашихъ большихъ городахъ теперь, моногамія, уважаемая въ одной странѣ и признакъ низшаго класса въ другой, безбрачіе, презираемое одними классами, принятое другими, какъ высшее состояніе, и т. п...

Что же должны мы заключить изъ всего этого? Возможно ли, вглядѣвшись хотя одинъ разъ въ безконечное разнообразіе человѣческой жизни, при условіяхъ въ огромномъ количествѣ случаевъ почти одинаковыхъ, возможно ли, повторяю, утверждать, что наши обычаи, наши привычки лучше (или, все равно, хуже) привычекъ и обычаевъ другихъ? Мы, какъ я сказалъ, родились какъ бы въ футлярѣ обычая, обвившемъ насъ вмѣстѣ съ пеленками. Когда мы начинаемъ возмужать, мы видимъ, что все это только старая скорлупа. Она не выноситъ пристальнаго взгляда, она сгнила, она ни съ чѣмъ не сооб-

разна,—тѣмъ не менѣе очень вѣроятно, что мы должны будемъ принять ее. Бабочка выросла до размѣровъ своего кокона и не можетъ оставить его. Маленькая искорка жизни среди массы мертвой матеріи, все, что она можетъ, это сдѣлать свое жилище немного болѣе соотвѣтственнымъ своему росту или, подобно кораламъ, продолжать свой ростъ въ наиболѣе благопріятномъ направленіи для тѣхъ, которые идутъ вслѣдъ за ней. Классъ, каста, мѣстность, вѣкъ, въ которыхъ мы родились, опредѣляютъ форму нашей жизни и, весьма вѣроятно, мы должны будемъ остаться въ ней. Но въ нашемъ умѣ произошла перемѣна, мы оставляемъ хвастовство раннихъ дней: мы ничѣмъ не лучше другихъ и, въ лучшемъ случаѣ, увы, только полуживы!..

Если такимъ образомъ, таковы наши заключенія, то не правы ли дѣти и молодые народы, что держатся такъ строго узкой тропинки привычки? Не чувствуютъ ли они инстинктивно, что оставить обычай значило бы пуститься въ безбрежное море, гдѣ нѣтъ никакой дороги, гдѣ жизнь перестала бы имѣть всякую опредѣленную цѣль и направленіе и бездна безслѣдно поглотила бы нравственность? Привычка для нихъ—это направленіе ихъ роста, это вѣтка коралла, отъ конца которой начинаетъ строить слѣдующее поколѣніе моллюсковъ, это твердѣющая кора древесной вѣтки, которая опредѣляетъ направленіе отпрыска. Она можетъ быть совершенно про-

извольна, эта привычка, но они этого не знаютъ; ея видъ законченности, необходимости можетъ быть совсѣмъ призрачнымъ, но иллюзія необходима для жизни и произвольность и есть то самое, что дѣлаетъ одну жизнь непохожей на другую. Человѣческое существо до возмужалости не можетъ обойтись безъ этого...

Но когда оно возмужаетъ, тогда что? Что же, оно умираетъ для старой жизни и возрождается въ новую, метелокъ оставляетъ свой коконъ и, расправивъ крылья, устремляется вверхъ, на воздушный просторъ... Только тогда, когда мы умираемъ для обычая, мы возносимся впервые въ истинную жизнь человѣчества, только тогда, когда, оставивъ предразсудокъ нашего превосходства надъ другими, мы убѣждаемся въ нашей полной беззащитности,—только тогда міръ открывается намъ, куда бы мы ни посмотрѣли, освѣщенный дружеской улыбкой, И только тогда, когда мы постигнемъ, какъ произвольна основа нашей собственной жизни, только тогда исчезаетъ все, на чемъ покоится наша обособленность отъ другихъ, и мы легко переходимъ разъ на всегда въ великій океанъ свободы и равенства...

Въ этомъ—новая цѣль для человѣка, къ которой готовится старый, переполненный обычаями міръ, обычаями, ставшими въ наше время

въ открытый, очевидный конфликтъ одни съ другими. Періодъ дѣтства человѣчества кончается, наступаетъ время возмужалости и истинной жизни.

Возможно, что въ этомъ законъ исторіи. Когда человѣкъ прошелъ чрезъ все это разнообразіе обычаевъ, пришло для него время быть освобожденнымъ отъ этого, то есть, онъ можетъ уже относиться къ обычаю безразлично, сообразно со своими надобностями, онъ уже не рабъ его, онъ свободенъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ. На этой точкѣ всякая прописная мораль кончается и на ея мѣсто становится человѣчность (humanity), то есть, исчезаютъ всякія предписанія и цѣлью всякой дѣятельности становится освобожденіе человѣческаго существа и установленіе равенства себя съ другими, входъ въ новую жизнь, радостную и совершенную, ибо въ ней нѣтъ болѣе никакихъ усилій, никакой надсады, но признаніе себя во всемъ, вѣчно...

Какъ ни удалилъ обычай одного человѣка отъ другого, все же, когда въ безконечныхъ развѣтвленіяхъ человѣчества народится, наконецъ, совершенный человѣкъ, онъ будетъ знать сразу свое родство со всѣми другими живыми существами: «я обошелъ моимъ духомъ, исполненнымъ рѣшимости и состраданія, всю вселенную и вездѣ нашелъ лишь равныхъ и любящихъ». Болѣе того: онъ будетъ знать свое родство съ

животными, онъ увидитъ, что это только привычка, только иллюзія различія раздѣляетъ, и онъ, наконецъ, постигнетъ, что все это одно и то же человѣческое существо,—и то, что летаетъ въ воздухѣ, и то, что плаваетъ въ водахъ, и то, что ходитъ на двухъ ногахъ по землѣ..

Эксфоліація.

„Непрерывная работа творенія,—
эксфоліація...

Whitman.

Я думаю, можно признать разъ на всегда, что умъ человѣческій неспособенъ дѣйствительно опредѣлить даже малѣйшій фактъ природы. Малѣйшій предметъ или явленіе сбиваетъ насъ съ толку. Въ концѣ концовъ это похоже какъ если бы человѣкъ пытался смотрѣть въ зеркало сзади и спереди въ одно и тоже время. Какъ бы вы ни скашивали глаза, это не поможетъ. Я и не-я бѣгутъ, ускользая, чрезъ все твореніе. Уловить ихъ обоихъ въ какомъ-либо смерномъ предметѣ и закрѣпить тамъ превосходитъ наши силы. И тѣмъ не менѣе они тамъ. Монтэнь цитируетъ гдѣ-то слова св. Августина: «modus, quo corporibus adhaerent spiritus..... omnino mirus est, nec comprehendi ab homine potest; et hoc ipse homo est», «способъ соединенія духа съ тѣломъ—что-то поразительное и непостижимое для человѣка, однако, это и есть человѣкъ». Самъ человѣкъ содержитъ въ себѣ или скорѣе

сть примиреніе этого и многихъ другихъ противорѣчій. Каждый день мы творимъ и показываемъ чудеса, къ которымъ нашъ умъ не можетъ и подступиться; однако, разрѣшеніе, интеллектуальное разрѣшеніе и пониманіе ихъ—въ насъ, только это обусловливается сознаніемъ высшаго порядка, чѣмъ то, съ которымъ мы привыкли имѣть дѣло, сознаніемъ, которое, вѣроятно, заключаетъ въ себѣ и превосходитъ я и не-я и такимъ образомъ можетъ смотрѣть въ лицо обоимъ въ одно и тоже время и въ равной степени,—сознаніе четвертаго измѣренія, которому внутренность твердыхъ тѣлъ представляется простой поверхностью,—сознаніе, для котораго антитэзы, вродѣ причины и слѣдствія, духа и матеріи, прошлаго и будущаго просто на просто не существуютъ. Эти высшіе рязряды сознанія существуютъ въ насъ, ожидая своего развитія, и пока они не разовьются, мы въ дѣйствительности безсильны понять что-либо въ мірѣ, окружающемъ насъ.

Тѣмъ временемъ, такъ какъ мы принуждены прибѣгать, чтобы имѣть возможность мыслить, къ извѣстнымъ формуламъ и обобщеніямъ, мы склонны становиться на наши мѣстныя точки зрѣнія и смотрѣть на міръ съ той или другой стороны. Иногда мы идеалисты, иногда—матеріалисты; иногда мы вѣримъ въ механическія силы, иногда въ силы человѣческія или духовныя. Наука послѣдняго пятидесятилѣтія раз-

смaтривaлa, кaкъ мы уже гoвoрили въ oднoй изъ предыдущихъ статей, міръ бoлѣе съ механической, чѣмъ съ oпредѣленнo-челoвѣческoй стoрoны, скoрѣе съ тoчки зрѣнія не-я, чѣмъ я. Бoрясь съ крaйней тенденціей рaзсмaтривaть явленія съ субъективнoй тoчки зрѣнія, тенденціей, кoтoрaя хaрaктеризуетъ прежнее мышленіе, oпaсaясь быть нaпрaвленнымъ нѣкoтoрымъ кaкъ бы пристрaстіемъ въ стoрoну сaмoгo себя, сoвременный ученый пoпытaлся выдѣлить челoвѣческій и сoзнaтельный элементъ изъ свoихъ нaблюденій нaдъ прирoдoй. Онъ сoвершилъ цѣнную рaбoту, нo, кoнечнo, былъ вoвлеченъ въ узoсть, прoтивoпoлoжную тoй, съ кoтoрoй бoрoлся.

Въ сaмoмъ дѣлѣ, глaвнaя сoвременнaя нaучнaя дoктринa, теoрія эвoлюціи, видимo, пoстрaдaлa отъ этoгo и нижеслѣдующее предстaвляетъ изъ себя тoлькo нѣкoтoрыя зaмѣчaнія, кoтoрыя мoгутъ быть сдѣлaны o ея, глaвнымъ oбрaзoмъ, челoвѣческoй стoрoнѣ. Тaкъ кaкъ, рaзъ челoвѣкъ есть чaсть прирoды и въ этoмъ смыслѣ тaкже чaсть и эвoлюціoннaгo прoцессa, егo личный субъективный oпытъ дoлженъ пo меньшей мѣрѣ брoсить нѣкoтoрый свѣтъ нa услoвія, при кoтoрыхъ сoвершaется эвoлюція, и тѣмъ сoдѣйствoвaть пoнимaнію прoблемы.

Если вoпрoсъ въ тoмъ, пoчему измѣняются живoтныя, тo нѣкoтoрымъ приближеніемъ къ oтвѣту будетъ вoпрoсъ челoвѣкa: пoчему измѣняюсь я сaмъ? Пoчему,—мoжетъ спрoсить oнъ,—я сoвсѣмъ не тoтъ, чѣмъ былъ десять лѣтъ тoму нaзaдъ или кoгдa я былъ мaльчикoмъ? Пoчему я измѣнялся въ oднoмъ нaпрaвленіи, a мoи брaтья и сестры, изъ oднoгo и тoгo же гнѣздa, въ другoмъ? Хoтя мoе индивидуaльнoе сoзнaніе oхвaтывaетъ тoлькo небoльшoе прoстрaнствo мoей сoбственнoй жизни и не рaспрoстрaняется дaльше, нa жизнь мoегo oтцa или мoегo сынa, тѣмъ не менѣе близкoе знaніе силъ, дѣйствующихъ нa меня въ теченіе этoгo кoрoткaгo періoдa, мoжетъ пoмoчь мнѣ пoнять тѣ силы, кoтoрыя вызывaютъ измѣненія въ людяхъ и живoтныхъ, a знaніе зaкoнoвъ мoегo сoбственнaгo рoстa мoжетъ oткрыть мнѣ и зaкoны рoстa видoвъ...

Въ oтвѣтѣ нa тaкoй вoпрoсъ скoрo oбнaружится, чтo были двѣ глaвныхъ причины, oбуслoвившія нaпрaвленіе измѣненія или рoстa челoвѣкa, кoтoрыя мoгутъ быть съ удoбствoмъ oтличены oднa oтъ другoй—внѣшняя и внутренняя. Предпoлaгaемoе лицo мoжетъ сперва скaзaть: «внѣшнія силы тoлкaли меня въ этoмъ нaпрaвленіи: мoй oтецъ былъ гoрoдскoй ремесленникъ, нo oнъ oтдaлъ меня въ ученіе къ крестьянину. Я вырoсъ въ крестьянскoй избѣ и стaлъ, кaкъ вы видите, земледѣльцемъ. Я не oчень интересoвaлся земледѣліемъ, инoгдa мнѣ прoстo хoтѣлoсь брoсить все этo, нo oбстoятельствa были сильнѣе меня, тaкъ я и oстaлся въ этoмъ пoлoженіи». Нo oнъ мoжетъ скaзaть и слѣдующее:

«мой отецъ былъ самъ фермеромъ; я съ дѣтства былъ пріученъ къ этому дѣлу и выросъ бы на немъ, если бы такъ не ненавидѣлъ его. Я любилъ музыку, убѣжалъ изъ дому, присоединился къ одной труппѣ, попалъ въ оркестръ одного маленькаго театра и теперь я профессіональный музыкантъ. Я не очень крѣпокъ и мои руки, видите, какія... Конечно, я чувствую въ себѣ еще что-то оставшееся отъ земледѣльца, но это все болѣе и болѣе исчезаетъ». Въ первомъ случаѣ перемѣна внѣшнихъ условій заставила человѣка приспособиться къ нимъ, во второмъ—перемѣна внутреннихъ условій, внутренній ростъ, выразившійся сперва въ формѣ напряженнаго желанія и заставившій потомъ измѣниться самого человѣка, а также, возможно, и окружающую его среду. Оба эти общіе разряда случаевъ, говорю я, могутъ быть рѣзко отличены одинъ отъ другого, и вѣроятно могутъ быть болѣе или менѣе ясно признаны всякимъ, какъ причины, заставляющія его жизнь измѣняться. И нельзя сказать, что жизнь человѣка въ какой-нибудь моментъ управляется только одной изъ этихъ силъ. Ни одинъ человѣкъ не создается одними только внѣшними вліяніями, безъ всякой реакціи или дѣйствія своихъ внутреннихъ желаній, потребностей или роста изнутри; и ни одинъ человѣкъ не создается однимъ внутреннимъ развитіемъ, безъ различныхъ препятствій и вліяній извнѣ. Обѣ эти силы находятся въ постоянномъ взаимодѣйствіи, но болѣе важной будетъ та, которая исходитъ отъ самого Человѣка (или животнаго), такъ какъ она, очевидно, органическая, жизненная для него, а потому является наиболѣе основательнымъ, надежнымъ факторомъ въ его измѣненіяхъ, въ то время какъ внѣшнія силы, возникающія изъ всевозможныхъ и отдаленныхъ причинъ, могутъ быть разсматриваемы скорѣе, какъ непостоянные и случайные факторы.

Я предполагаю поэтому посвятить нѣсколько страницъ разсмотрѣнію главнымъ образомъ этой внутренней силы, производящей измѣненія въ человѣкѣ и животныхъ, попытаюсь найти, какова ея природа, каковы законы и предѣлы ея дѣйствія,—всегда помня, однако, какъ уже сказано, что это различие между «внутреннимъ» и «внѣшнимъ», которое удобно и легко употреблять въ извѣстныхъ областяхъ мысли, можетъ въ концѣ концовъ оказаться трудно поддерживаемымъ и даже совершенно невозможнымъ.

Біологи часто говорятъ, что «функція предшествуетъ организаціи», т. е. что человѣкъ сражается съ другими людьми прежде, чѣмъ онъ изготовилъ себѣ оружіе для этого; рудиментарное животное перевариваетъ кормъ (какъ амёба), прежде, чѣмъ у него явится желудокъ или органъ пищеваренія; оно видитъ или дѣлается чувствительнымъ къ свѣту прежде, чѣмъ у него явится глазъ; въ обществѣ письма идутъ чрезъ частныя руки прежде, чѣмъ организуется почтовая систе-

ма. Внимательно разсмотрѣнные, факты эти очень важны. Они показываютъ намъ, какъ придорожный столбъ, направленіе творенія. Они показываютъ намъ, какъ какое-нибудь новое существо или измѣненное старое входитъ въ бытіе. Они могутъ быть дополнены вторымъ положеніемъ— именно, что *желаніе предшествуетъ функціи*. То-есть человѣкъ хочетъ нанести вредъ своимъ ближнимъ прежде, чѣмъ вступаетъ съ ними въ битву; онъ испытываетъ желаніе снестись съ дальними друзьями прежде, чѣмъ онъ подумаетъ о такой вещи, какъ письмо; амёба сперва испытываетъ голодъ, а потомъ уже обманываетъ свою добычу. Сперва идетъ желаніе или внутрення перемѣна, затѣмъ дѣйствіе, а организація или внѣшняя структура является слѣдствіемъ.

Въ человѣкѣ этотъ «порядокъ творенія», если это возможно назвать такъ, т. е. изнутри наружу, выраженъ очень ясно. Всякій разъ какъ человѣкъ создаетъ что-нибудь новое, онъ стремится къ этому—когда онъ строитъ домъ, напр., или пишетъ поэму или какое-нибудь музыкальное произведеніе, или чертитъ планъ туннеля чрезъ Альпы... Дѣло идетъ, повидимому, такъ: сперва чувство—смутная потребность или желаніе, затѣмъ чувство дѣлается сознательнымъ, выливается въ форму мысли, мысль становится все болѣе и болѣе ясной и заключается яснымъ планомъ, планъ передается бумагѣ, дѣлаются модели

и пр., и въ концѣ концовъ начинается и заканчивается настоящая работа. Весь процессъ является движеніемъ изнутри наружу—самымъ первымъ и наиболѣе достовѣрно различаемымъ источникомъ движенія является чувство (хотя возможно, что существуетъ нѣчто и за чувствомъ). Даже въ обычномъ поступкѣ наблюдается тотъ же порядокъ; хотя, конечно, не всякое дѣйствіе предшествуется желаніемъ, — мы знаемъ, что дѣйствія становятся скоро привычными и болѣе или менѣе безсознательными, — все же большей части ихъ непосредственно предшествуетъ желаніе; и въ случаѣ какого-нибудь дѣйствія, которое *ново* для личности или для вида, его возникновеніе, начинаніе сопровождается всегда усиліемъ настолько тяжелымъ, что оно, дѣйствіе, остается часто несовершоннымъ, если желаніе было недостаточно сильно. Трудность, испытываемая человѣкомъ при обученіи какому-нибудь новому искусству, воспоминаніе о всѣхъ этихъ неудачахъ, борьбѣ, сопротивленіи, преслѣдованіяхъ, которыя ожидали всякое новое улучшеніе, все новое въ исторіи человѣчества—все это можетъ служить доказательствомъ моего послѣдняго положенія. Конечно, усиліе, сопровождающее всякое новое дѣйствіе, иногда стоитъ лицомъ къ лицу не столько съ прямымъ желаніемъ самой новой вещи, сколько съ боязнью чего-нибудь другого—такъ, можно предположить, что обезьяны начали лазить по деревьямъ не

столько потому, что онѣ особенно любили деревья, сколько потому, что боялись внизу звѣрей, что жирафъ не столько потому пріобрѣлъ свою длинную шею, что ему особенно нравились листья, сколько потому, что онъ не могъ достать другой пищи,—но все же даже въ этихъ случаяхъ можно сказать, что желаніе было, хотя оно тутъ и второстепенно, такъ какъ основано на другомъ, болѣе элементарномъ желаніи, желаніи избѣжать страданія или отыскать пищу. Въ каждомъ случаѣ какое-нибудь желаніе есть предшествующее условіе новаго дѣйствія. И такимъ образомъ, разъ мы не знаемъ ни одного случая новаго дѣйствія не предшествуемаго желаніемъ, предположеніе наше, что всѣ наши дѣйствія, когда онѣ явились впервые—при нашихъ праотцахъ, если не при насъ самихъ,—вытекали изъ желанія, можно считать доказаннымъ. А если это такъ, то, такъ какъ дѣйствію всегда предшествуетъ желаніе, а организаціи дѣйствіе, слѣдовательно, организаціи неизбѣжно должно предшествовать желаніе. А если таковъ порядокъ творенія въ человѣкѣ, не должны ли мы вполнѣ основательно искать ключъ къ измѣненію животныхъ и порядку творенія вообще въ этомъ направленіи? *).

*) Конечно, это не исключаетъ дѣйствія внѣшнихъ условій и не заключаетъ утвержденія, что организація обусловливается исключительно желаніемъ. Организмъ можетъ быть разсматриваемъ, какъ выраженіе желанія, воплощающагося при извѣстныхъ условіяхъ,—какъ въ случаяхъ обезьянъ и жирафа, о которыхъ я говорилъ только что.

Если у фермера случайно родится сынъ, который ненавидитъ земледѣліе, а любитъ музыку и который въ концѣ концовъ, благодаря силѣ своего желанія (влекущаго его во всякія затрудненія, сопротивленіе, борьбу), превращается въ музыканта, не возможно ли также рожденіе какого-нибудь животнаго, которое ненавидитъ привычки своего племени и въ концѣ концовъ—также чрезъ борьбу—превратится во что-нибудь другое? Если ему даже не удастся совсѣмъ измѣнить себя, возможно, что оно передастъ свое желаніе въ извѣстной степени потомкамъ и измѣненіе такимъ образомъ будетъ продолжаться и въ концѣ концовъ завершится. Всюду среди животныхъ е с т ь желаніе, то или другое, видимо дѣйствующее; и если въ человѣкѣ, по нашему собственному опыту, желаніе есть предтеча и первое выраженіе роста, то нѣтъ никакой причины, почему это не было бы такъ и среди животныхъ. Ламаркъ указываетъ, въ числѣ другихъ, на примѣръ брюхоногихъ, какъ потребность или желаніе коснуться предметовъ, находящихся впереди, когда это животное ползетъ, могло имѣть результатомъ образованіе щупальцевъ. Животное, говоритъ онъ, дѣлало постоянное усиліе нащупать то, что впереди, передней частью своей головы и направленіе сознанія на эту точку могло сопровождаться приливомъ нервной и другихъ жидкостей, которыя питали эту часть и заставляли ее расти,—ф о р м а роста, продолжаю-

щагося въ томъ же направленіи, опредѣлялась бы потребностью, пока, наконецъ, не появятся два или нѣсколько щупальцевъ. Правда, что внутреннія рѣшенія сознанія не могутъ быть такъ живы и разнообразны въ животныхъ, какъ въ человѣкѣ, но они упорны и, благодаря собирательной силѣ привычки, которая такъ сильна у животныхъ, должны въ концѣ концовъ проникнуть чрезъ дѣйствіе въ организмъ и внѣшнюю форму. Кто скажетъ, что жаворонокъ, благодаря простой любви къ пѣнію и паренію предъ лицомъ солнца, не измѣнилъ форму своихъ крыльевъ, или что формы акулы или газели не представляютъ изъ себя долго собиравшіеся результаты характера, склонявшагося всегда въ одномъ и томъ же направленіи, точно также, какъ скупецъ или распутникъ среди людей?

Такое измѣненіе, какъ это, очень и очень отличается отъ «выживанія наиболѣе приспособленнаго» дарвиновской теоріи эволюціи. Мы можемъ прекрасно допустить, что оба эти рода измѣненія имѣютъ мѣсто; но послѣдній это только сортъ легкаго успѣха, благодаря внѣшнему случаю рожденія, тогда какъ первый это трудная битва выросшей внутренно натуры, ищущей для себя выраженія вопреки внѣшнимъ препятствіямъ—выраженія, которое поэтому будетъ, весьма возможно, постояннымъ. Если предки человѣка начали ходить на двухъ ногахъ, вмѣсто всѣхъ четырехъ, только потому, что нѣ-

которые изъ нихъ случайно родились съ такимъ талантомъ, сдѣлавшимъ ихъ способными ускользать отъ преслѣдовавшихъ ихъ зубастыхъ враговъ, то, когда опасность эта миновала, они снова могли вернуться къ прежнему положенію; если же измѣненіе это было частью, звеномъ истинной эволюціи, истиннымъ развитіемъ, развертываніемъ высшей, скрытой до того внутри формы, органическимъ ростомъ самого человѣческаго существа, то, хотя моментъ развитія этого особеннаго свойства и могъ быть обусловленъ зубастыми звѣрями, самый фактъ этой эволюціи не могъ быть опредѣленъ ими. Кромѣ того, можемъ ли мы предположить, что Человѣкъ, царь животныхъ, таковъ, какой онъ есть, только благодаря тому, что онъ вынужденъ былъ искать спасенія отъ нихъ? Развѣ, вообще, такъ создаются повелители? Развѣ боязнь сдѣлала его человѣкомъ? Не болѣе ли похоже на правду, что въ этомъ случаѣ онъ превратился бы скорѣе въ червя? Онъ лучше бы избѣжалъ опасности этимъ путемъ, быть можетъ. Не болѣе ли вѣроятно, что иное, болѣе благородное свойство произвело это превращеніе,—какое-нибудь смутное желаніе, предчувствіе болѣе совершенной формы, желаніе, которое само является уже первымъ сознаніемъ побужденія расти въ этомъ направленіи—заставило его развиваться въ одномъ направленіи, а не въ другомъ, когла ему нужно было спасать себя отъ тигровъ? Въ самомъ дѣ-

лѣ, не такъ ли это и теперь, когда человѣкъ встрѣчается съ опасностью, что идеалъ его опредѣляетъ, какъ онъ долженъ встрѣтить эту опасность и другія, подобныя ей, и такъ въ концѣ концовъ опредѣляетъ все его положеніе и постановку его тѣла?

Итакъ, судя по человѣку (кажется, что болѣе благоразумно и научно выводить наше основное доказательство отъ существа, съ которымъ мы болѣе всего знакомы),—мнѣ кажется вѣроятнымъ, что, хотя внѣшнія условія и очень важный факторъ въ измѣненіяхъ, настоящее объясненіе, однако, этого явленія должно искать во внутреннемъ законѣ роста, законѣ расширенія (expansion), болѣе или менѣе свойственномъ всему живому,—частью потому, что, какъ сказано выше, развитіе живого существа чрезъ свои потребности и внутреннюю природу есть органическій процессъ и, повидимому, прочно, въ то время, какъ его измѣненія чрезъ внѣшнія причины должны быть болѣе или менѣе нечаянны и случайны, въ одно время въ одномъ направленіи, въ другое—въ другомъ; частью также потому, что движеніе изнутри наружу, повидимому, законъ всего творенія вообще. Съ этой точки зрѣнія внѣшнія условія можно считать второстепенной, хотя и важной причиной измѣненій и разсматривать ихъ скорѣе, какъ силы, дающія форму великому первичному импульсу роста изнутри и создающія подробности, мелочи; а изобрѣтательность

и удача самого животнаго займутъ мѣсто въ серединѣ, между этими двумя силами (желаніе и внѣшнія условія), какъ средства, при помощи которыхъ внѣшнія условія въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ будутъ приспособляться для удовлетворенія внутреннихъ нуждъ, а внутренняя жизнь—къ внѣшнимъ условіямъ.

Если мы возьмемъ внѣшній видъ измѣненій—тотъ, который современная наука удостоиваетъ наибольшаго вниманія,—измѣненія или ростъ вида представятся какъ безсознательный процессъ или какъ наростаніе, похожее на образованіе кораллового рифа. Свойственнаго самому виду направленія роста нѣтъ, но въ каждый данный моментъ предполагается, что видъ готовъ къ измѣненію въ какомъ угодно направленіи. Окружающія условія дѣйствуютъ, какъ отборъ, и, благодаря этому процессу выпалыванія, нѣкоторые типы выживаютъ, маленькія послѣдовательныя измѣненія накопляются такимъ образомъ и постепенно, въ теченіе вѣковъ, создается существо, болѣе гибкое и дифференцированное, болѣе приспособляющееся къ разнообразію условій,—въ которомъ, однако, умъ совершенно случаенъ и игралъ только незначительную роль въ развитіи животнаго. Вотъ суть эволюціонной теоріи Дарвина.

Если мы станемъ на нашу точку зрѣнія, ростъ съ самыхъ первыхъ шаговъ совершенно сознателенъ. Всякое измѣненіе начинается въ духов-

ной области — сперва чувствуется, какъ желаніе, постепенно выливающееся въ форму мысли, переходитъ въ область тѣлесную, выражается въ дѣйствіи (болѣе или менѣе зависящемъ отъ обстоятельствъ) и, наконецъ, застываетъ въ организаціи и структурѣ. Процессъ состоитъ не въ приростаніи, какъ у коралловъ, а въ отдѣленіи слоевъ, въ постоянномъ движеніи ихъ изнутри наружу, какъ движеніе лепестковъ въ распускающемся цвѣткѣ. Когда желаніе или умственное условіе, бывшее сперва мучительно сознательнымъ, преодолѣло сопротивленіе и установилось въ измѣненной структурѣ тѣла, дѣло его кончено, оно стало безсознательнымъ, — функціонированіе тѣла дѣлается въ теченіе долгаго періода автоматическимъ, до тѣхъ поръ, пока дальнѣйшее развитіе не заставитъ его измѣниться. Такимъ образомъ, ростъ какого-нибудь вида или его измѣненіе это процессъ, который начинается въ области духовной, переходитъ въ область физическую, гдѣ организуется, а въ концѣ концовъ сбрасывается, какъ оболочка распустившейся почки. Это можетъ быть названо теоріей эксфоліаціи.

Пояснимъ нашу мысль. Возьмемъ развитіе. У амёбы есть только смутное ощущеніе свѣта всѣмъ тѣломъ, но нѣтъ глаза, нѣтъ того, что мы называемъ зрѣніемъ. Однако, это смутное ощущеніе полезно амёбѣ. Тѣнь, падающая на нее отъ добычи и возбуждающая въ ней ощущеніе,

едва отличающееся отъ осязанія, помогаетъ ей направлять свои движенія. Опа полагается до извѣстной степени на это неопредѣленное ощущеніе, она направляетъ на него все свое вниманіе. Постепенно, въ какомъ-нибудь изъ ея потомковъ, образуется на тѣлѣ точка, на которую и направляется особенно это вниманіе. Свойство локализировано и съ этого момента тутъ происходитъ перемѣна, дифференціація, является особая структура; все, что благопріятствуетъ ощущенію, поощряется на этомъ мѣстѣ, все, что ослабляетъ, заглушаетъ его, отстраняется и въ скоромъ времени появляется зачаточный глазъ. Теперь мы пользуемся нашими усовершенствованными глазами и едва сознаемъ это, но способность видѣть была для насъ такимъ образомъ выработана какимъ-нибудь низшимъ созданіемъ, шагъ за шагомъ, съ усиліемъ, съ сосредоточіемъ. Или возьмемъ примѣръ изъ общественной жизни. Въ наше время общество чувствуетъ себя плохо; смутное чувство недовольства охватываетъ всѣ классы его. Новое чувство справедливости и братства спустилось на насъ; оно не удовлетворяется пустой болтовней о спросѣ и предложеніи. Въ теченіе долгаго времени это новое чувство или желаніе остается смутнымъ, безформеннымъ, но въ концѣ концовъ оно принимаетъ интеллектуальную форму, пишутся книги, создаются проэкты; затѣмъ, по истеченіи извѣстнаго времени, новыя организаціи, имѣющія опре-

дѣленную цѣль выразить эти идеи, возникаютъ въ тѣлѣ стараго общества, и пройдетъ немного времени, вся внѣшняя структура общества будетъ реорганизована ими. Чрезъ нѣсколько столѣтій идеи, за осуществленіе которыхъ мы теперь боремся съ напряженной сознательностью, выльются во всѣми признанныя учрежденія, болѣе или менѣе истощенныя и готовыя рухнуть подъ напоромъ все новыхъ и новыхъ рожденій въ духовной области, исходящихъ изнутри.

Современная эволюціонная теорія говоритъ, что среди массы амёбъ и происшедшихъ отъ нихъ формъ случайно родилась, наконецъ, одна съ чувствительностью къ свѣту, локализированной въ одномъ, опредѣленномъ мѣстѣ, и одержавъ въ борьбѣ за существованіе верхъ, благодаря этому преимуществу, передала этотъ «глазъ» потомству; или что въ развитіи общества, когда возникли новыя экономическія условія, наиболѣе преуспѣвать будетъ тотъ народъ, который наиболѣе дѣйствительно и скоро приспособится къ нимъ. Но, хотя въ этомъ, безъ сомнѣнія, и есть доля правды, однако, когда все сказано, это кажется недостаточнымъ и даже слабымъ; тутъ оставлена въ сторонѣ по меньшей мѣрѣ половина проблемы. Если мы посмотримъ на самихъ себя, какъ уже сказано выше, мы увидимъ двѣ силы,— внутреннюю и внѣшнюю,—дѣйствующихъ одна на другую. Развѣ не можетъ быть тоже и у животныхъ? Ламаркъ, больной, слѣпой, осмѣянный

былъ истиннымъ поэтомъ. «Животныя измѣняются изъ низшихъ и примитивныхъ въ высшія, благодаря, главнымъ образомъ, желанію», сказалъ онъ и міръ разсмѣялся и смѣется до сихъ поръ. Но это глубокая его симпатія даже къ червямъ и насѣкомымъ (которыхъ онъ изучалъ до тѣхъ поръ, пока не пересталъ ихъ совсѣмъ видѣть своими смертными очами) позволила ему усмотрѣть человѣческую природу и человѣческіе законы, заключенные въ нихъ; и, когда его внѣшнее зрѣніе омрачилось, предъ нимъ встало внутреннее видѣніе истиннаго родства, связующаго въ одно всѣ живыя существа,— это было по истинѣ божественное видѣніе, столь же далекое отъ простой механической теоріи выживанія наиболѣе приспособленнаго, какъ далекъ видъ звѣзднаго неба отъ урока гувернантки объ употребленіи глобуса.

По теоріи эксфоліаціи, которая, въ сущности, принадлежитъ Ламарку, въ мірѣ есть сила, дѣйствующая во всемъ твореніи, побуждающая каждое существо идти впередъ, принимая все новыя и новыя формы. Сила эта появляется сперва въ сознаніи въ видѣ *желанія*. Въ каждой формѣ жизни спятъ безчисленныя потребности, отъ самыхъ низкихъ и простыхъ до самыхъ сложныхъ и идеальныхъ. Возникновеніе всякаго новаго желанія или идеала приводитъ живое существо въ столкновеніе со всѣмъ окружающимъ, затѣмъ, удовлетворенное, воплощается въ

структурѣ существа, но оставляетъ путь открытымъ рожденію новаго идеала. Если, такимъ образомъ, мы захотѣли бы найти ключъ къ пониманію развитія и роста всего живого, ключъ этотъ долженъ находиться въ природѣ самого желанія и въ пониманіи его истиннаго значенія. Не навѣрно, что его можно найти здѣсь, но это не невозможно...

Что же тогда желаніе въ человѣкѣ? Здѣсь мы снова возвращаемся къ человѣку. Хотя мы видимъ достаточно ясно, что желаніе работаетъ и въ животныхъ, и что оно такое же, какъ и въ человѣкѣ, однако у животныхъ оно смутно, едва начато, въ то время, какъ въ человѣкѣ оно развито и блестяще; кромѣ того, въ самихъ себѣ мы знаемъ его непосредственно, въ то время какъ въ животныхъ только путемъ заключенія. По обѣимъ причинамъ этимъ, если мы хотимъ узнать природу желанія—узнать даже его природу у животныхъ—мы должны изучать его въ человѣкѣ. Что же такое желаніе, его высота, его полнота, въ человѣкѣ? Въ сущности это—любовь. Любовь это сумма и разрѣшеніе всѣхъ желаній человѣка, то, въ чемъ всѣ они пересѣкаются, истолкованіе ихъ всѣхъ, то, для чего они всѣ существуютъ и безъ чего они были бы безполезны. Чѣмъ болѣе вы вдумываетесь въ это, тѣмъ это яснѣе для васъ. Другія желанія,—желанія самосохраненія, голодъ, жажда, желаніе власти,—существуютъ, но, когда они удовлетво-

рены, они исчезаютъ въ любви, въ ней они находятъ свое истолкованіе. Другія желанія ничто сами по себѣ; наиболѣе захватывающія, жадность, гордость, жажда знанія, взятыя отдѣльно, дѣлаются глупыми, пустыми, любовь же продолжается: это пламя, а все остальное только горючій матеріалъ для него. Что такое Любовь? Намъ она представляется какъ поклоненіе человѣческой формѣ, желаніе ея. Въ нашемъ тѣлѣ это—желаніе формъ человѣческаго тѣла; въ нашемъ внутреннемъ я это постигновеніе и поклоненіе идеальной человѣческой формѣ, это откровеніе Свѣта, обитающаго въ другихъ, Свѣта, который—какъ бы ни былъ онъ неизбѣжно затуманенъ, смутенъ,—остается въ концѣ концовъ однимъ изъ самыхъ реальныхъ, можетъ быть, самымъ реальнымъ фактомъ жизни. Поэтому желаніе, какъ оно существуетъ въ человѣкѣ,—смотрите на него какъ угодно,—по мѣрѣ того, какъ оно развертывается, и его конечная цѣль становится самому ему все яснѣе и яснѣе, оказывается желаніемъ совершенной человѣческой формы, тоской по ней. Не можетъ ли, не должно ли быть тоже самое у животныхъ и во всемъ твореніи? Начинаясь въ самыхъ элементарныхъ и неопредѣленныхъ формахъ, не становится ли оно, идя всѣми этими ступенями органической жизни, болѣе яснымъ и все болѣе и болѣе могущественнымъ, пока, наконецъ, не достигнетъ самосозна-

нія въ человѣчествѣ и не станетъ открыто направляющимъ факторомъ въ нашемъ развитіи?

Желаніе, проникающее все твореніе,—одно желаніе. Рудиментарное сперва и едва сознающее себя, выбрасывающее здѣсь щупальцы, тамъ ногу, развивающее глазъ, клешню, ноздрю, крыло, въ безчисленныхъ формахъ и съ частичнымъ успѣхомъ иногда старается оно воплотить образъ, который смутно живетъ въ немъ. Міръ животныхъ это гимназія, школа, передняя человѣчества; идти зоологическимъ садомъ значитъ видѣть черновики человѣка, сидящіе на вѣтвяхъ, жующіе траву или роющіе въ землѣ норы, значитъ присутствовать на генеральной репетиціи какой-то поразительной пьесы, характеръ которой мы вполнѣ еще не видимъ и не понимаемъ. Начиная съ этихъ полусознательныхъ началъ, желаніе растетъ, цѣль его дѣлается все яснѣе, пока не станетъ, наконецъ, въ высшихъ животныхъ,—въ лошади, собакѣ, слонѣ, птицѣ и многихъ другихъ,—ясной и безошибочной силой, направляющей ихъ близко къ человѣку, связывающей ихъ съ нимъ нѣкоторыми признанными родственными узами и такъ очевидно измѣняющей ихъ структуру, какъ это только можетъ быть очевидно. Наконецъ, въ самомъ человѣкѣ оно становится всепоглощающей силой; любовь становится сознательнымъ поклоненіемъ божественной формѣ; само произведеніе потомства есть средство, которымъ со временемъ достигается высокая цѣль желанія. Когда, наконецъ, появляется совершенный Человѣкъ, ключъ ко всей природѣ найденъ, всякое живое созданіе становится на свое мѣсто, находитъ своего Толкователя и цѣль творенія становится, наконецъ, очевидной.

Теорія эксфоліаціи отличается, такимъ образомъ, отъ теоріи эволюціи, принятой современной наукой, между прочимъ, тѣмъ, что она направляетъ вниманіе на то, что является въ порядкѣ времени послѣднимъ, какъ на наиболѣе важное въ порядкѣ причинности, а не на то, что является первымъ; она напоминаетъ намъ тотъ фактъ, что часто въ какомъ-нибудь послѣдовательномъ рядѣ явленій то, что является первымъ по важности и значенію, находитъ выраженіе послѣднимъ. Такъ, въ развитіи растенія мы видимъ, какъ листъ появляется за листомъ, лепестокъ за лепесткомъ,—непрерывная эксфоліація оболочекъ, чашелистниковъ, лепестковъ, тычинокъ и т. п., но цѣль всего этого движенія, то, что служитъ причиной всего этого движенія, т. е. сѣмя, является самымъ послѣднимъ. Или изверженіе вулкана - первое, что мы видимъ, это трещины и поднятіе верхнихъ слоевъ почвы, затѣмъ нижнихъ слоевъ, затѣмъ потокъ лавы, и самое послѣднее взрывъ внутренняго огня и силъ, которыя и привели все это въ движеніе. Если строятъ домъ, первое, что является во времени или во внѣшнемъ мірѣ, это кирпичи, если

зацвѣтаетъ растеніе—прицвѣтники, при изверженіи вулкана—движеніе поверхности земли, при появленіи Жизни на землѣ—протоплазма и первоначальныя клѣточки. Кирпичи не причина дома (если, однако, тутъ можно употребить слово «причина»), но скорѣе домъ или желаніе построить домъ — причина кирпичей; и не клѣточки причина Человѣка, но Человѣкъ причина клѣточекъ. Разумное объясненіе и морской водоросли, и рыбы, и лисицы, и слона надо искать въ человѣкѣ, одинъ онъ лежитъ въ основѣ ихъ. И принадлежитъ человѣкъ къ позвоночнымъ не потому, что его предки были позвоночные, но животные потому позвоночныя, потому или, вѣрнѣе, по стольку, поскольку онѣ предшественники и отпрыски Человѣка.

Часто говорилось, что за большими матеріальными перемѣнами слѣдуютъ умственныя и, наконецъ, моральныя революціи,—какъ изъ завоеваній Александра вышла литература александрійскихъ школъ, а изъ этого—установленіе христіанства; или какъ за современнымъ расцвѣтомъ техники послѣдовала огромная литературная и научная дѣятельность, которыя теперь видимо переходятъ въ великое соціальное возрожденіе, но если мы вновь продумаемъ это, возможно, что мы будемъ смотрѣть на позднѣйшія перемѣны не какъ на слѣдствія болѣе раннихъ, а на раннія, какъ на указанія и на первое обнаруженіе и видимые признаки пришествія позднѣйшаго. Когда человѣкъ чувствуетъ въ себѣ нарожденіе новаго моральнаго факта, онъ ясно видитъ, что фактъ этотъ не можетъ сразу войти въ окружающій міръ, — не можетъ безъ предварительнаго разрушенія существующаго порядка вещей, разрушенія, исполняющаго его сатанинскимъ чувствомъ; затѣмъ—умственная революція; и только въ концѣ — новый порядокъ, воплощающій въ себѣ новый импульсъ. Когда этотъ новый импульсъ совершенно матеріализируется, спустя нѣкоторое время наступаетъ новое внутреннее рожденіе и снова происходятъ соотвѣтственныя измѣненія. Такимъ образомъ, можно сказать, что дѣло каждаго вѣка строится не на дѣлѣ прошлаго вѣка, но исходитъ изъ прошлаго и сбрасываетъ его... Только, конечно, въ этой области, гдѣ всѣ формы мышленія несовершенны, недостаточны, трудно сказать, что одна точка зрѣнія на предметъ болѣе истинна, чѣмъ другая. Какъ и прежде, мы попытаемся взглянуть на предметъ съ разныхъ сторонъ.

Мы принуждены прибѣгать къ образамъ, чтобы мыслить,—распусканіе цвѣтка или наростаніе коралловаго рифа,—и возможно, что мы избавимъ себя отъ многаго труда, если мы не будемъ скрывать въ длинныхъ рѣчахъ истину, что всѣ наши теоріи въ наукѣ и философіи только простыя метафоры этого рода, — но фактъ все же лежитъ за и подъ ними.

Можетъ быть, если мы уже принуждены упо-

требить слово «причина», мы сдѣлаемъ хорошо, если будемъ употреблять его въ старомъ смыслѣ, въ которомъ конечная причина и причина, производящая дѣйствіе, одно и тоже (eidos Аристотеля),—если будемъ употреблять его нестолько для того, чтобы связывать внѣшнія явленія одно съ другимъ, сколько для того, чтобы связать каждое изъ группы явленій съ мыслью или чувствомъ, лежащими въ основѣ этой группы. Возьмемъ, напр., звуки изъ «Марша мертвыхъ» въ «Саулѣ». Мы не можемъ сказать, что одна нота причина другой, но можемъ сказать, что каждая нота находится въ причинномъ подчиненіи къ чувству, вдохновившему эту оперу,—чувству, которое и причина оперы и результатъ ея исполненія,—ея альфа и омега. Точно также, нижній этажъ не причина второго этажа и второй этажъ не причина третьяго или крыши, но факты эти и самый домъ стоятъ въ тѣсной связи къ духовному нѣчто, что совсѣмъ не находится въ одной съ ними плоскости и фактъ съ ними не однородный.

Согласно съ этимъ, понятіе, что одна форма соединившихся атомовъ или тѣлъ предопредѣляетъ слѣдующую форму, оказывается призрачнымъ. Обѣ формы предопредѣляются чѣмъ то третьимъ, что принадлежитъ совсѣмъ не къ тому разряду существованія, какъ атомы и тѣла. Случайные «законы» послѣдовательности, безъ со-

мнѣнія, могутъ быть найдены въ области физическихъ явленій и имѣть извѣстную цѣну для практическихъ цѣлей, но во всякій данный моментъ, благодаря своей поверхностности, они могутъ рухнуть. Такъ, насѣкомое, наблюдая распусканіе лепестковъ хризантемы, можетъ сочинить законъ порядка ихъ распусканія, размѣра, цвѣта, законъ, который будетъ имѣть извѣстную цѣну на время, но рухнетъ, какъ только появятся тычинки. Или возьмемъ другой примѣръ: физическая наука поступаетъ подобно человѣку, пытающемуся найти прямую причинную связь между различными листьями дерева, не найдя сперва связи ихъ съ вѣтвями и стволомъ и такимъ образомъ, не разрѣшивъ проблему косвенно. Она имѣетъ дѣло только съ поверхностью міра Человѣка.

Музыка, какъ показываетъ Шопенгауэръ, удивительно доказательна въ этомъ отношеніи, такъ какъ, творя ее, человѣкъ сознаетъ, что онъ творитъ свой собственный міръ, отдѣльный отъ міра природы, съ которымъ его нельзя смѣшивать и въ которомъ онъ не находитъ ничего созданнаго имъ. Если бы человѣкъ, лишенный музыкальности, долженъ былъ изслѣдовать партитуру бетховеновской симфоніи, онъ былъ бы въ томъ же положеніи, какъ человѣкъ изслѣдующій и анализирующій природу чисто научнымъ или разсудочнымъ методомъ. Онъ открылъ бы повторенія нѣкоторыхъ группъ нотъ, онъ устано-

вилъ бы законы секвенціи, сдѣлалъ бы о нихъ цѣлый рядъ любопытныхъ обобщеній, отмѣтилъ бы нѣкоторыя замѣчательныя исключенія, возможно, оказался бы даже способнымъ предсказать одинъ или два такта на слѣдующей страницѣ; трактатъ его былъ бы чрезвычайно ученъ и съ извѣстной точки зрѣнія интересенъ, пожалуй, но какъ далекъ былъ бы онъ отъ дѣйствительнаго пониманія предмета! Но пусть онъ перемѣнитъ методъ: пусть онъ развиваетъ свое ухо, пусть онъ снова и снова слушаетъ симфонію до тѣхъ поръ, пока не пойметъ ее, пока не будетъ знать ее наизусть; и тогда онъ во всякомъ случаѣ будетъ знать что-нибудь о томъ, почему тамъ одна нота, а тамъ другая, онъ увидитъ, что онѣ какъ разъ тѣ, которыя нужно, и почувствуетъ въ себѣ «законъ» ея появленія и, возможно, будетъ въ состояніи предсказать нѣсколько тактовъ на слѣдующей страницѣ! Симфонія понимается не изученіемъ и сравненіемъ нотъ только, но чрезъ сознаніе ихъ отношенія, связи съ глубочайшими чувствами; точно также, природа понимается не посредствомъ законовъ, но тѣмъ, что она какъ бы становится – или скорѣе чувствуется—самимъ тѣломъ Человѣка, чудеснымъ истолкователемъ и символомъ его внутренняго существа...

Въ насъ есть родъ знанія или сознанія, которое служитъ основаніемъ для нашей, болѣе осязательной и самосознающей мысли. Это си-

стемное (systemic) знаніе растетъ даже тогда, когда мозгъ спитъ. Оно никоимъ образомъ не абсолютно и не непогрѣшимо, но въ каждый данный моментъ жизни человѣка оно доставляетъ ту аксіоматическую почву, на которой онъ возводитъ построенія своей мысли, научныя и другія. Такъ аксіомы Евклида есть часть нашего теперешняго системнаго знанія и доставляютъ почву для всѣхъ нашихъ геометрическихъ построеній. Но по мѣрѣ того какъ это системное знаніе растетъ, почва измѣняется и возведенныя на ней построенія рушатся. Вся наша современная наука, напр., основана на принятіи механической причины и слѣдствія, какъ основномъ фактѣ сознанія; но когда основа эта уступитъ, все построеніе рушится и нужно будетъ возводить новое зданіе. Точно также, когда человѣческая форма станетъ намъ ясно видна въ животныхъ,—какъ неизбѣжная часть нашего сознанія,—это сознаніе будетъ новымъ основаніемъ или аксіомой для всего нашего мышленія объ этомъ предметѣ, и теорія эволюціи, какъ она понимается наукой теперь, будетъ совершенно измѣнена.

Такимъ образомъ, хотя экспериментальный методъ изслѣдованія современной науки, методъ наростанія кораллового рифа, и очень цѣненъ на своемъ мѣстѣ, не надо все же забывать, что умъ человѣческій можетъ идти впередъ этимъ путемъ только извѣстное время, что движеніе его впередъ—дѣло внутренняго роста и заключаетъ

въ себѣ непрерывную ломку основаній всѣхъ построеній мысли, такъ что, въ то время какъ это послѣднее—т. е. развитіе системнаго сознанія въ человѣкѣ,—необходимо и непрерывно, возникновеніе и паденіе его системъ мысли случайно, такъ сказать, и періодично.

Такъ въ концѣ концовъ, это въ человѣкѣ—въ нашемъ глубочайшемъ и наиболѣе жизненномъ опытѣ—должны мы искать ключъ къ объясненію измѣненій, происходящихъ вокругъ насъ въ внѣшнемъ мірѣ, какъ мы его называемъ, и наше пониманіе этого послѣдняго и исторіи должно всегда основываться во всей широтѣ на эксфоліаціи новыхъ фактовъ въ индивидуальномъ сознаніи. Вокругъ послѣдняго расцвѣта идеальнаго человѣка все твореніе—работающее и тоскующее теперь объ этомъ совершенномъ рожденіи,—станетъ концентрическими кругами, образуя какъ бы одинъ гигантскій цвѣтокъ, рядъ за рядомъ, сперва вся общественная жизнь и исторія, потомъ міръ животныхъ, потомъ міръ растеній и минераловъ. И, если внѣшніе круги показались въ жизнь первыми, то только при этомъ послѣднемъ расцвѣтѣ свѣтъ озаритъ въ концѣ концовъ весь планъ и, какъ въ миѳѣ объ Эдемѣ, съ появленіемъ совершенной человѣческой формы завершится вся работа творенія...

Нашъ идеалъ *).

(1884)

„Смотрите: плата работниковъ, удержанная вами обманомъ, вопіетъ, и вопли достигли ушей Господа Саваоѳа...“

Теперь, когда, кажется, всѣми уже признано, что соціальное положеніе Англіи такъ плохо, какъ только оно можетъ быть, когда со всѣхъ сторонъ предлагается для ея спасенія проекты, болѣе или менѣе филантропическіе или революціонные, мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ о значеніи личнаго усилія и идеаловъ. Такъ какъ нація есть совокупность отдѣльныхъ личностей, то силы, движущія жизнь личности,—соображенія всякаго рода, идеалы, —и являются, кажется мнѣ, главными факторами прогресса всякой націи, опредѣляющими въ концѣ концовъ направленіе ея поступательнаго движенія.

Въ основѣ, за всѣми построеніями экономической науки, теоріями соціальнаго прогресса, из-

*) Всѣ предъидущіе очерки взяты изъ книги „Цивилизація, ея причина и излеченіе“, этотъ и послѣдующій изъ болѣе ранней книги „Идеалъ Англіи“ (прим. перев.).

мѣняющимися формами производства, борьбой классовъ, за всѣмъ этимъ и въ основѣ всего лежитъ теперь фактъ, что старые идеалы общества сгнили и что паденіе ихъ выражается въ общей безчестности. Эта то безчестность личной жизни и становится причиной новой борьбы классовъ; борьбы, изъ которой и родится, послѣ долгихъ родовыхъ мукъ, новый идеалъ, предназначенный смести старое общество и дать формы новой жизни, промышленной, научной, художественной *)...

Сознаніе, что Англія стоитъ уже на самомъ краю опасной пропасти, распространяется, повидимому, все болѣе и болѣе; каждую минуту можетъ начаться для нея кризисъ, болѣе серьезный, чѣмъ всѣ другіе въ ея исторіи. Гнилая до мозга вся пропитанная лицемѣріемъ, аристократія ея утратила все свое былое мужество, ея богачи погрузились въ эгоизмъ, роскошь и самодовольную филантропію, ея правительственные органы, ея армія, флотъ — подъ покровомъ канцелярскаго сукна спятъ мертвымъ сномъ сытыхъ, спитъ и громко храпитъ ея церковь, ея торговые классы погружены въ обманъ и наживу, ея рабочіе одурѣли отъ сверхсильной работы и пива, ея бѣдные — отъ нужды и отчаянія; нѣтъ ни одной области въ ея жизни, которая выдержала бы безпристрастное изслѣдованіе, нѣтъ ни одного колеса во всей ея машинѣ, которое подъ давленіемъ не подалось бы. Первая серьезная помѣха и вся машина станетъ, первое серьезное усиліе — европейская или восточная война, — и, вѣроятно, правящіе классы Англіи падутъ съ позоромъ. Тогда, — съ истощающей войной на плечахъ, съ прекращеніемъ подвоза припасовъ, съ раззоренной и обезлюдѣвшей, благодаря лэндлордамъ, страной, которая, при иныхъ порядкахъ, легко могла бы прокормить все свое населеніе, съ безнадежнымъ коммерческимъ застоемъ, бѣдностью, съ растущей бѣшеной анархіей — наше положеніе будетъ таково, что его легче вообразить, чѣмъ описать.

*) Каковъ будетъ этотъ новый идеалъ человѣчества, я не буду теперь говорить объ этомъ. Достаточно сказать, что **честность**, — честныя отношенія людей между собою, — очевидно будетъ самой сущностью его. Какъ идеалъ феодальнаго періода нашелъ свое выраженіе въ поэзіи своего времени, такъ и новый идеалъ демократическаго вѣка будетъ выраженъ великими поэтами демократіи.

Предъ лицомъ опасности необходимо идти прямо къ ея корню, посмотрѣть не вращается ли, въ самомъ дѣлѣ, вся судьба огромнаго народа вокругъ этого вопроса о честности. Все дѣло въ томъ, что есть слишкомъ много людей и даже цѣлыхъ классовъ, которымъ честность кажется пустяками! Если дѣло касалось бы поддержки какого-нибудь большого благотворительнаго учрежденія, тогда такъ бы еще, а то нужно, какъ Нааману въ Библіи, очиститься, омывшись въ Іорданѣ, а этого намъ не позволяетъ наше достоинство!..

Однако, стоитъ только взглянуть на современное общество, чтобы видѣть, какъ глубоко оно испорчено, чтобы видѣть, что, въ концѣ концовъ, общее желаніе, цѣль всѣхъ усилій, сознательная или безсознательная, въ томъ, чтобы устроиться на счетъ другихъ, жить чужимъ трудомъ, не давая въ обмѣнъ своего труда... Если это не безстыдство, не безчестность, тогда я не знаю, что это!

Пусть каждый хоть на минуту выйдетъ изъ дикой свалки за жирные куски и спроситъ себя, сколько чужого труда, день за днемъ, онъ поглощаетъ въ питаніи, одеждѣ, стиркѣ бѣлья, уборкѣ комнатъ и другихъ работахъ прислуги, или даже своей жены и дѣтей, сколько онъ тратитъ на спиртные напитки, табакъ, костюмы, книги, картины, театры, путешествія... Пусть онъ строго, тщательно подсчитаетъ все это, чтобы узнать, на сколько онъ такимъ образомъ задолжалъ своимъ ближнимъ, и пусть тогда онъ поразмыслитъ, что сдѣлалъ онъ для нихъ съ своей стороны, — пусть сведетъ балансъ: что же онъ, благодѣтель общества или хотя, по крайней мѣрѣ, ничего ему не долженъ, или же онъ сидитъ на плечахъ своихъ ближнихъ, что онъ—нуль, отрицательная величина, нищій, попрошайка или воръ? И не только: что онъ **есть**? но и чѣмъ онъ **хочетъ быть**?, такъ какъ весь вопросъ въ томъ, каковъ у человѣка идеалъ...

Такимъ образомъ, мы снова пришли къ

самой основѣ національной жизни. Каковъ идеалъ народа въ настоящемъ, такимъ будетъ этотъ народъ въ будущемъ. Человѣкъ не всегда можетъ осуществить въ своей жизни то, что онъ хотѣлъ бы, но народъ дѣйствуетъ быстрѣе. И, если главная забота людей въ томъ, чтобы взять какъ можно больше и дать какъ можно меньше, быть должниками, жить чужимъ трудомъ, тогда вы и увидите то, что представляетъ изъ себя теперь Англія, идущая къ погибели, раздавленная огромнымъ государственнымъ долгомъ и превращенная въ гигантскій работный домъ съ одной стороны и въ пріютъ для людей ничего не дѣлающихъ съ другой. Вообразите себѣ извѣстное число людей на какомъ-нибудь островѣ, которые всѣ стараются кушать чужіе обѣды, но изъ всѣхъ силъ избѣгаютъ приготовить хотя бы одинъ обѣдъ для другихъ, и вы получите какъ разъ вѣрную картину того, въ чемъ преуспѣваютъ «привиллегированные» классы на нашемъ островѣ и къ чему изъ всѣхъ силъ стремятся «непривиллегированные».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это и есть идеалъ современной Англіи: жить на счетъ другихъ, потребляя много и не производя почти ничего *), занимать обширный домъ, имѣть многочисленную прислугу и доходы, текущіе къ вамъ

*) Что не безъ тонкой ироніи называется: **имѣть „независимыя“ средства.**

изъ всѣхъ странъ земли, рабочихъ, отдающихъ вамъ львиную долю своего труда, добрый текущій счетъ въ банкѣ,—быть въ нѣкоторомъ родѣ человѣческой помойной ямой, въ которую течетъ много, но изъ которой ничего никогда не выходитъ, кромѣ развѣ зараженной, гнилой струи какой-нибудь «благотворительности» или «покровительства»... Вотъ что у насъ всѣхъ предъ глазами, вотъ къ чему всѣ мы изъ всѣхъ силъ стремимся, если еще не имѣемъ счастья обладать этимъ!...

Несомнѣнно, что среди всей лжи и лицемѣрія то, о чемъ я говорю, наиболѣе важно. Смѣшно нашимъ привиллегированнымъ классамъ говорить о «милосердіи», благотворительности, когда они сами же отнимаютъ у рабочихъ классовъ огромныя суммы, смѣшно претендовать облегчить филантропическими затѣями ужасающую бѣдность, которую они же сами цѣликомъ создаютъ самой своею жизнью. Всѣ средства, жертвуемыя церковью, благотворительными учрежденіями, частными лицами, и вся стоимость безплатнаго труда этихъ лицъ, филантроповъ и другихъ, только капля воды въ океанѣ въ сравненіи со средствами, которыя вытягиваются съ бѣдняковъ этими же самыми лицами подъ всевозможными законными предлогами дивидента, ренты, прибыли и государственныхъ налоговъ всякаго рода. «Они очищаютъ сосуды снаружи, но внутри они полны лихоимства и мерзости»...

Если на каждаго человѣка, который потребляетъ больше, чѣмъ производитъ, долженъ по необходимости быть человѣкъ, который потребляетъ менѣе, чѣмъ производитъ, — каково же должно быть положеніе народа, въ которомъ обширный—и съ каждымъ днемъ дѣлающійся все обширнѣе, — классъ живетъ въ эмпиреяхъ бездѣлья и мотовства? Очевидно, что другой обширный—и становящійся съ каждымъ днемъ все обширнѣе,—классъ долженъ опускаться все глубже и глубже въ бездну каторжнаго труда, нищеты и униженія. Посмотрите на Брайтонъ, Скарборо, Гастингсъ и огромный лондонскій Вестъ-Эндъ, на эти роскошные дворцы и виллы, которые, какъ ядовитая плѣсень, усѣваютъ и безобразятъ всю страну. На чемъ построены всѣ эти «благородные» дома организованной лѣни, если не на нищетѣ и безконечномъ каторжномъ трудѣ?.. Вы, которые живете въ этихъ палатахъ, подумайте, что такое ваша жизнь, чѣмъ она держится!..

Чѣмъ дальше растягиваются дворцы богачей по Мэйфэру, Бельгравіи, южному Кенсингтону, тѣмъ дальше должны идти въ противоположномъ направленіи логовища бѣдноты. Выхода нѣтъ... Безполезно разсуждать объ улучшеніи жилищъ этихъ несчастныхъ, если вы не хотите ударить въ самый корень ихъ бѣдности. И, если вы хотите видѣть источникъ и объясненіе какого-нибудь притона въ Истъ-Эндѣ, идите на какой-ни-

будь свѣтскій обѣдъ въ Вестъ-Эндѣ, гдѣ вы увидите изящество, богатство, комфортъ, вѣжливость, услышите грамматическую рѣчь, литературные и чувствительные разговоры, предназначенные для того, чтобы замазать, скрыть безсердечное издѣвательство, ложь, что жить на шеѣ другихъ—прекрасное дѣло. Вы можете уничтожить притонъ, но если вы не уничтожите дворца, бѣдняки должны будутъ только найти какое-нибудь другое мѣсто, гдѣ бы умереть, а для этой цѣли бѣдной семьѣ одинаково пригодна, какъ гигіеническая комната въ «порядочномъ» кварталѣ, такъ и цѣлый домъ въ какомъ-нибудь грязномъ предмѣстьѣ. И, если бы такое положеніе дѣлъ могло продолжаться долго (а оно не можетъ), Англія превратилась бы, какъ я уже сказалъ, въ одинъ огромный работный домъ и пріютъ для нищихъ, въ которомъ длинные ряды благовоспитанныхъ господъ, окруженныхъ всевозможной роскошью, вкусно кушающихъ, обслуживались бы и поддерживались цѣлой массой людей, не имѣющихъ достаточно хлѣба, чтобы утолить голодъ!

Всѣ наши высшіе классы испорчены насквозь—это бросается въ глаза съ перваго взгляда. Жизнь ихъ стоитъ въ рѣзкомъ противорѣчіи съ христіанствомъ—по крайней мѣрѣ, съ тѣмъ христіанствомъ, которое проповѣдывалъ Христосъ,—вся она сплошное отрицаніе идеи братства людей.

Несчастный человѣкъ, попавшій въ проклятыя тенета этой жизни, долженъ отказаться отъ того, что всего дороже на свѣтѣ,—отъ человѣческаго отношенія къ людямъ. Конечно, онъ испытываетъ нѣкоторую сентиментальную симпатію къ своимъ «меньшимъ братьямъ», но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ находитъ, что пригласить одного изъ нихъ въ домъ, который онъ обитаетъ, было бы просто оскорбленіемъ, онъ носитъ одежду, которая лишаетъ его всякой возможности взяться за какую-нибудь обычную, полезную для всѣхъ, работу. Если онъ видитъ на улицѣ старуху, изнемогающую подъ бременемъ тяжелой ноши, можетъ быть, онъ побѣжитъ въ какое-нибудь благотворительное учрежденіе, чтобы послать оттуда служащаго на помощь ей, но самъ онъ не можетъ подойти къ ней прямо, какъ мужчина, и взять ея ношу на свои плечи—онъ джентльмэнъ, онъ можетъ испачкаться! Сомнительно даже, что, вообще, можетъ ли онъ показаться на улицахъ, гдѣ его знаютъ, съ какой-нибудь ношей на плечахъ; его платье—препятствіе для всякаго человѣческаго сношенія съ простымъ народомъ; его слова симпатіи къ бѣднымъ и страдающимъ безслѣдно исчезаютъ въ воздухѣ, а блескъ его драгоцѣнныхъ камней всегда передъ ихъ глазами... Онъ живетъ среди людей, чьи сдержанныя манеры и замороженная рѣчь—одно сплошное отрицаніе всякаго естественнаго чувства, постоянное предостереженіе противъ какой-то обиды; гдѣ вы вызовете смятеніе, если скажете 'onesty вмѣсто

honesty или 'ouse вмѣсто house; гдѣ человѣческое достоинство цѣнится такъ низко, что малѣйшее пятнышко на сюртукѣ можетъ подвергнуть его величайшей опасности; гдѣ манеры спустились до крайней степени мелочности и пустоты; гдѣ человѣческія нужды и священныя функціи -- половыя и всякія другія, которыми держится жизнь, — систематически скрываются; гдѣ заговорить съ прислугой во время обѣда считается непростительнымъ нарушеніемъ этикета; гдѣ предполагается, какъ нѣчто само собою разумѣющееся, что вы для удовлетворенія своихъ потребностей пальцемъ не шевельнете, — что бы хоть немного облегчить тяжесть бремени, которое возлагается на плечи другихъ однимъ вашимъ пребываніемъ на свѣтѣ; гдѣ быть пойманнымъ за стиркой своего бѣлья, или за приготовленіемъ своего обѣда, или съ вязанкой дровъ за плечами, или за мытьемъ пола въ своей же комнатѣ, или за чисткой своего же отхожаго мѣста—значитъ покрыть себя несмываемымъ позоромъ на всю жизнь; гдѣ вся черная или, по крайней мѣрѣ, считающаяся черной благовоспитанными людьми работа въ домѣ возложена на молодыхъ, оставляемыхъ въ невѣжествѣ дѣвушекъ; гдѣ дѣти воспитываются такъ, что чувствуютъ себя пристыженными, если хоть въ чемъ-нибудь нарушатъ принятый декорумъ—произнесутъ не такъ h *),

*) Объясненіе тайны этого h, я думаю, въ слѣдующемъ: всякій языкъ, развиваясь, обнаруживаетъ явную тенденцію къ утратѣ придыхательныхъ. Такъ h, обычный въ латинскомъ языкѣ, уже почти исчезъ изъ итальянскаго и только слабо сохранился во французскомъ. Въ англійскомъ же языкѣ наблюдается странное явленіе двойного употребленія этого h: въ простомъ народѣ онъ совсѣмъ исчезъ, въ то время какъ такъ называемые образованные классы цѣпляются за него изъ всѣхъ силъ (а еще болѣе тѣ, которые переобезьянивають эти классы). Кажется, что разгадка этого явленія въ томъ, что естественное развитіе языка шло своимъ порядкомъ въ широкихъ кругахъ народа, но остановилось въ образованныхъ классахъ, благодаря консервативному вліянію искусства писать и печатать. И такимъ образомъ одна часть общества людей откололась отъ другой и эти два установившіяся отношенія къ h наглядно показываютъ только, какъ далеки въ нашей странѣ образованные классы отъ народа.

употребятъ ножъ за обѣдомъ тамъ, гдѣ его не принято употреблять, не такъ обратятся къ гостю,—и не стыдятся эгоистическихъ и безсердечныхъ поступковъ.

Короче сказать, несчастный человѣкъ, попавшій въ это общество, видитъ себя запутавшимся въ сѣтяхъ лжи; вся жизнь вокругъ него основана на обманѣ. Чистая, прекрасная связь съ человѣчествомъ, самая драгоцѣнная вещь въ нашей жизни, предается на каждомъ шагу; Христіанству съ его миссіей любви къ людямъ, демократіи съ ея прекрасной концепціей внутренняго и священнаго равенства людей можетъ онъ поклоняться только въ скрытыхъ тайникахъ своей души—они не могутъ имѣть постояннаго, прочнаго мѣста въ его внѣшней жизни.

Если онъ обратится къ источникамъ, питающимъ его жизнь, онъ попадаетъ лишь изъ огня въ полымя. Проклятіе безчестія лежитъ на немъ, нигдѣ не находитъ онъ спасенія...

Его деньги приносятъ ему доходъ, но онъ не знаетъ, откуда; это отнято у кого-то, но онъ не знаетъ, у кого. Его деньги въ рукахъ желѣзнодорожной компаніи, его дивиденты получаются въ свое время, но какъ? Онъ не смѣетъ спрашивать. Какое дѣло компаніи, директорамъ, секретарямъ, завѣдующимъ, справедливо ли поступаютъ съ рабочими людьми? Заявлялъ ли когда хоть одинъ акціонеръ, что дивиденты должны быть ниже, а заработная плата рабочимъ выше? Недавно былъ одинъ, два такихъ случая, но ихъ освистали...

Онъ получаетъ доходъ отъ своихъ земель и домовъ. Что же, онъ пойдетъ самъ собирать его? Нѣтъ, это невозможно. Этотъ фермеръ покажетъ ему безнадежное состояніе своего хозяйства, та вдова разскажетъ ему жалобную исторію о положеніи своей семьи, тотъ домъ окажется въ такомъ состояніи, что нужно будетъ произвести дорогостоющій ремонтъ... Нѣтъ, это невозможно. Онъ долженъ нанять какого-нибудь агента, управляющаго и уѣхать жить въ Брайтонъ или въ Парижъ, подальше отъ тѣхъ, чье горе можетъ нарушить спокойствіе его души, а еще лучше поручить всѣ свои денежныя дѣла какому-нибудь

повѣренному. Это прекрасный способъ задушить совѣсть...

Съ деньгами связаны извѣстныя обязанности. Какимъ образомъ жить, помня о деньгахъ и забывая объ обязанностяхъ,—вотъ вопросъ. Мы не можемъ забыть ихъ, онѣ не дадутъ забыть о себѣ...

Вы отдали ваши деньги подъ закладную. Ужасное это слово «закладная»—оно звучитъ такъ, какъ будто вы схватили кого за горло. Самое лучшее не очень путаться въ это дѣло, а то, пожалуй, выйдетъ какая-нибудь непріятная исторія. Поручите это вашему повѣренному и все будетъ превосходно.

Такимъ образомъ, несчастный, о которомъ я говорю, видитъ, куда бы онъ ни обернулся, что вся его жизнь основана на лжи. И я спрашиваю васъ, читатель,—а особенно привиллегированный, получающій дивиденты, читатель,—въ этомъ ли,—этой картинѣ обыденной жизни высшаго класса Англіи,—вашъ идеалъ или не въ этомъ? Такъ какъ, если въ этомъ, то не пугайтесь, а смотрите прямо ему въ лицо, постарайтесь понять, что все это значитъ; если не въ этомъ, уходите прочь изъ этой жизни! Это можетъ взять у васъ года, развязаться съ ней, вы, конечно, не сможете сдѣлать себя свободнымъ въ недѣлю, или въ мѣсяцъ, или въ нѣсколько мѣсяцевъ, но все же—уходите прочь!

Несомнѣнно, общество основанное на такомъ

идеалѣ, какъ бы цвѣтуще и здорово оно въ свое время ни было, теперь — видимъ мы это или нѣтъ,—стало никуда негоднымъ, сгнило до мозга костей. Безполезно замалчивать этотъ фактъ, лучше открыто признать его. Мы не должны думать зла о тѣхъ, кто составляетъ такое общество, — они такіе же наши братья и сестры, какъ и всѣ другіе, и часто, сознательно или безсознательно, они страдаютъ въ запутавшей ихъ сѣти...

Откуда берутся среди привиллегированныхъ классовъ эти тысячи и тысячи утомленныхъ, несчастныхъ людей, не видящихъ ничего, для чего стоило бы жить, задумывающихся надъ вопросомъ, стоитъ ли жить вообще, пишущихъ на эту тему мертвыя статьи въ нашихъ журналахъ? Откуда всѣ эти люди, шляющіеся изъ курильной комнаты клуба на Пиккадилли или въ паркъ, изъ парка въ картинную галлерею или въ театръ, которые идутъ въ гости только для того, чтобы избавиться отъ угнетающей ихъ домашней обстановки, ищутъ «перемѣны воздуха», какъ будто бы это влекло за собой и перемѣну жизненныхъ интересовъ? Откуда они берутся, въ самомъ дѣлѣ, почему? Исключительно потому, что сердце человѣческое—и въ этомъ его вѣчная слава,—не можетъ жить ложью и ложью безъ конца; потому, что—знаютъ они это или нѣтъ, — глубочайшіе, вѣрнѣйшіе инстинкты ихъ на каждомъ шагу ихъ жизни встрѣчаютъ противодѣйствіе, на каждомъ шагу фальсифицируются. Отъ этого-то они и

несчастны, отъ этого-то и ищутъ они чего-то такого,—чего, они и сами не знаютъ...

Если, съ одной стороны, глядя на Англію, я убѣждался, что уже пришло время всему этому кончиться ради задавленныхъ бѣдностью и отчаяніемъ массъ, которыя обрекаются на медленную смерть для поддержанія всего этого, то съ другой стороны я одинаково убѣдился и въ томъ, что еще болѣе ради тѣхъ, которые ѣдутъ въ этой колесницѣ Джаггернаута, нужно покончить съ этой гидрой нищеты и несчастья, прячущейся за всѣми этими великолѣпными декораціями.

Какъ бы ни было, но съ этимъ надо покончить,—часъ осужденія пробилъ. И я говорю не только объ этой лжи,—я обращаюсь и къ вамъ, рабочіе и работницы Англіи! Не преклоняйтесь болѣе предъ тѣмъ идеаломъ, благодаря которому и существуетъ все это, не ждите болѣе того дня, когда вы сможете повернуться спиной къ вашимъ теперешнимъ братьямъ и сестрамъ, надѣть бѣлыя манжеты и безукоризненные воротнички и жить на чужой счетъ, на счетъ братьевъ,—ищите новый идеалъ, идеалъ братства людей, честности, идеалъ, который также вѣрно, какъ солнце встаетъ, встанетъ и засіяетъ скоро надъ нашей изстрадавшейся, несчастной страной...

Но я слышу голосъ какого-нибудь просвѣщеннаго джентльмэна: всѣ эти ваши теоріи о честности и о всякихъ другихъ предметахъ, все это прекрасно, но совершенно непримѣнимо въ

жизни. Если бы я былъ долженъ потреблять столько же, сколько я произвожу, дѣло бы совсѣмъ стало. Оставимъ тамъ сигары, рысаковъ и всякое другое, но жена, дѣти? Я, право, не вижу, какъ бы я могъ жить прилично (garder les apparences); а если бы я, допустимъ, оставилъ мое положенiе въ свѣтѣ, то и вся моя полезность (о подробностяхъ умалчиваютъ) исчезла бы вмѣстѣ съ нимъ. Кромѣ этого, я рѣшительно не могу понять, какъ человѣкъ можетъ произвести достаточно для своихъ ежедневныхъ нуждъ. Конечно, какъ вы говорите, должны существовать тысячи, миллiоны людей, которые принуждены производить столько и даже болѣе—чтобы и на нашу долю хватило,—но я рѣшительно не могу себѣ вообразить, чортъ возьми, ихъ жизни!.. Они должны, вѣроятно, страшно работать... Но я думаю, что они должны поддерживать насъ, такъ какъ я не вижу возможности цивилизацiи безъ этого, а кромѣ того, конечно, мы въ свою очередь поддерживаемъ порядокъ среди нихъ и даемъ имъ всегда массу превосходныхъ совѣтовъ!

На все это я отвѣчу:

— Безъ сомнѣнiя, въ проэктѣ поддерживать себя своими же силами есть нѣчто устрашающее, но я искренно думаю, что это все-таки возможно. Кромѣ того, развѣ не интересно попробовать это, — хотя-бы для того только, чтобы видѣть, что вы захотѣли бы отбросить, если-бы вы должны

были производить сами связанный съ этимъ — или эквивалентный—трудъ? Если бы вы, напримѣръ, должны были сами варить себѣ обѣдъ?

— Чортъ возьми! Я думаю, можно было бы обойтись безъ многихъ блюдъ и всѣхъ этихъ соусовъ...

— Или если бы должны были усиленно проработать цѣлую недѣлю, чтобы сшить себѣ новый сюртукъ?

— Я, пожалуй, предпочелъ бы поносить еще старый,—только онъ чертовски вышелъ бы изъ моды...

Такъ вотъ... Есть, оказывается, масса вещей, безъ которыхъ мы могли бы обойтись—которыя намъ, въ сущности, и ненужны совсѣмъ, — только... но...

И вмѣсто того, чтобы пожертвовать всѣми этими «только» и «но», отвязаться отъ нѣсколькихъ привычекъ, рѣшиться пренебречь мнѣнiемъ своихъ знакомыхъ,—вмѣсто этого мы мчимся впередъ, въ безконечной толпѣ, толкая и давя одинъ другого, чрезъ ворота жадности, чрезъ трупы павшихъ въ этой борьбѣ. Мы не знаемъ покоя и часы отдыха и лѣни не несутъ намъ удовольствiя, какъ они должны бы, такъ какъ они не исполнены свободы и пѣсенъ, какъ отдыхъ мальчика-пастуха или жаворонка, но омрачены смутными призраками—воспоминанiями о тѣхъ, цѣной крови которыхъ они куплены.

Что же касается до трудности содержать себя

своими трудами, то вотъ что говорятъ объ этомъ—прочтите это медленно, со вниманіемъ: «въ теченіе болѣе пяти лѣтъ я жилъ исключительно трудомъ своихъ рукъ и нашелъ, что, работая такъ только шесть недѣль въ годъ, я могу покрыть всѣ свои издержки».

Кто написалъ эти поразительныя строки?

Нѣкоторое время это было одной изъ самыхъ серьезныхъ проблемъ политической экономіи—знать, сколько труда нужно, чтобы удовлетворить обычнымъ нуждамъ человѣка. Истинное отношеніе труда къ вознагражденію было затеряно въ сложной современной жизни, и навѣрное мы знаемъ только то, что обычная плата за ручной трудъ много меньше дѣйствительной цѣнности, создаваемой этимъ трудомъ.

Къ счастью для насъ, однако, лѣтъ сорокъ тому назадъ, одинъ американецъ, потерявшій всѣ силы въ засасывающей трясинѣ современной жизни, имѣлъ въ себѣ достаточно мужества выбраться на твердый берегъ дѣйствительной необходимости. Онъ сѣлъ на землю въ Новой Англіи, построилъ себѣ своими руками небольшую хижину, самъ добывалъ себѣ на землѣ необходимую пищу, изрѣдка нанимался на поденную работу, чтобы имѣть немного денегъ на мелкіе расходы, и сообщилъ намъ, какъ сказано выше, результаты своего опыта. Болѣе того, чтобы не было никакихъ сомнѣній въ его словахъ, онъ

прибавляетъ: «всю зиму и большую часть лѣта я былъ совершенно свободенъ и цѣликомъ отдавался умственному труду». Онъ былъ писатель и натуралистъ...

Имя этого человѣка — Генри Торо (H. D. Thoreau) *). Его «Вальденъ» даетъ намъ подробныя свѣдѣнія о его опытахъ, которыми онъ доказалъ, что человѣкъ дѣйствительно можетъ самъ содержать себя, имѣя помимо этого свободнаго времени вдосталь! И все это къ тому же при очень неблагопріятныхъ условіяхъ, такъ какъ Торо былъ въ значительной степени лишенъ выгодъ совмѣстнаго труда съ ближними и одинъ на одинъ боролся съ природой въ лѣсной глуши, гдѣ посѣвы его часто страдали отъ дикихъ животныхъ. Правда, что онъ имѣлъ, какъ я сказалъ, чтобы начать, небольшія средства на постройку себѣ хижины и на покупку двухъ или трехъ акровъ земли, но все же его шесть недѣль труда въ годъ оставляютъ широкое поле для размышленія!...

Если все-таки кто-нибудь усомнится въ положеніи, что всякій можетъ самъ поддерживать свою жизнь и имѣть кромѣ того широкій досугъ,

*) На русскій языкъ было переведено его замѣчательное произведеніе „На Вальденскомъ озерѣ“, но теперь этого изданія почти нѣтъ въ продажѣ, да и переводъ не отличался достоинствами. Изъ всего написаннаго Торо на русскомъ языкѣ теперь существуетъ только „Философія естественной жизни“, выдержки изъ его произведеній, изданныя фирмой „Посредникъ“.

сомнѣнія его могутъ быть, навѣрное, поколеблены изученіемъ англійской жизни XV столѣтія. Въ то время, между паденіемъ бароновъ-феодаловъ и появленіемъ капиталистовъ и современныхъ лэндлордовъ, былъ нѣкоторый промежутокъ, въ теченіе котораго рабочіе классы получали почти цѣликомъ то, что вырабатывали, классы, стоящіе надъ ними, еще не грабили ихъ. Т. Роджерсъ (Thorold Rogers) въ своей книгѣ «Трудъ и заработная плата» (Work and Wages) говоритъ, что заурядный городской рабочій XV вѣка получалъ 6 пенсовъ въ день, а овца въ то время стоила 2 шиллинга, теперь же такой рабочій получаетъ 3 шиллинга, а овца стоитъ 50 ш. Четыре вѣка тому назадъ рабочій могъ купить овцу цѣною четырехдневнаго труда, теперь же для этого нужна шестнадцати или семнадцатидневная каторга! Даже хлѣбъ онъ могъ тогда зарабатывать съ меньшимъ трудомъ, чѣмъ теперь. Почему это? Несомнѣнно, что въ странѣ нашей въ настоящее время нѣтъ недостатка въ землѣ, который препятствовалъ бы дѣлу скотоводства или земледѣлія,—напротивъ, она на-половину покинута и невоздѣлана; нельзя, конечно, сказать также, что въ XV вѣкѣ рабочій получалъ более, чѣмъ онъ производилъ. Почему же, значитъ, современный рабочій не получаетъ столько, какъ раньше? Причина очевидна. Его трудъ также продуктивенъ, какъ и раньше, но большая часть того, что онъ

производитъ, награда за его трудъ, отбирается у него...

Также продуктивенъ, какъ и прежде? Нѣтъ, много болѣе продуктивенъ, чѣмъ когда-либо, такъ какъ мы не приняли въ разсчетъ огромное развитіе машиностроенія. Каково должно было бы быть вознагражденіе рабочаго при нашихъ, въ огромной пропорціи увеличившихся, благодаря машинамъ, силахъ, если бы только добытыя богатства распредѣлялись правильно,—это не трудно сообразить.

Что касается до Торо, то можно сказать, что онъ былъ истиннымъ экономистомъ. Онъ свелъ жизнь къ ея простѣйшимъ формамъ и, держа, такъ сказать, трудъ въ своей правой рукѣ, а награду за него въ лѣвой, онъ безъ затрудненія рѣшилъ, для чего стоило трудиться и для чего не стоило, и, не колеблясь, отбросилъ все, что, по его мнѣнію, не стоило труда. И я думаю, что причиной тому, что онъ могъ такъ легко обходиться безъ всей этой массы «необходимыхъ» вещей и стать такимъ образомъ свободнымъ — «одареннымъ свободой» природы и жизни—причина этого въ томъ, что онъ былъ, дѣйствительно, воспитанный человѣкъ въ истинномъ смыслѣ этого слова. Въ наше время наиболѣе благовоспитаннымъ человѣкомъ считается тотъ, кто имѣетъ наиболѣе потребностей. «Мужикъ можетъ прожить на столько-то въ годъ, но образованный человѣкъ—о, это совершенно невозможно!»

Я думаю, что такое мнѣніе совершенно ложно. Прежде всего, если бы оно было справедливо, какая мрачная перспектива была бы передъ нами! Чѣмъ болѣе образованными становимся мы, тѣмъ болѣе намъ всего нужно, тѣмъ большими рабами матеріальныхъ вещей мы становимся. Чтобы ладить съ нашими потребностями, мы должны или все больше и больше работать, или захватывать все болѣе и болѣе плодовъ чужого труда. Съ каждымъ шагомъ проблема жизни дѣлается все болѣе и болѣе сложной...

Но все это невѣрно. Воспитаніе, если оно правильно поставлено, не превращаетъ человѣка въ раба слѣпыхъ потребностей, въ добычу всякаго новаго желанія—оно ставитъ его въ связь съ окружающимъ міромъ. Оно дѣлаетъ человѣка способнымъ находить удовольствіе и поддержку въ тысячѣ обыкновенныхъ вещей, которыя не доставляютъ ни радости, ни интереса для его болѣе ограниченнаго, порабощеннаго брата. Одинъ можетъ легко провести время всюду, —въ полѣ, на улицѣ, въ лавкѣ, всюду онъ видитъ массу интересныхъ вещей; другой скучаетъ, ему нужна игрушка—стаканъ пива или ложа въ оперѣ.

Я согласенъ, что къ обычному воспитанію привиллегированныхъ классовъ такія обвиненія допустимы, но это, главнымъ образомъ, гаерское воспитаніе, обученіе всякой болтовнѣ, грамматикѣ, искусству garder les apparences и не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ, что можетъ поставить въ связь съ дѣйствительнымъ міромъ, міромъ человѣчества, честной повседневной жизни, величія природы, чудныхъ вопросовъ и отвѣтовъ души, которые шепчетъ все это тому, кто умѣетъ ихъ слушать...

Будемъ же смѣлы. Предъ нами есть идеалъ, достичь котораго возможно, и достиженіе это не очень трудно. И истинное воспитаніе поможетъ намъ достичь его...

Всякій можетъ, если ему угодно, повторить опытъ Торо и ограничить свои потребности только самымъ необходимымъ, чтобы видѣть, сколько труда дѣйствительно нужно, чтобы прожить *). Отправляясь отъ этой точки, онъ можетъ увеличивать свой комфортъ и свой трудъ, какъ онъ того пожелаетъ. На сколько далеко уйдетъ онъ по этому двойному пути, зависитъ отъ его характера. Торо, какъ я сказалъ, былъ спеціалистомъ въ экономіи. Однажды онъ нашелъ одну рѣдкую вещицу и поставилъ ее на полку, но, увидѣвъ чрезъ нѣсколько дней, что съ диковинки этой надо стирать пыль, онъ взялъ ее и выбросилъ въ окно: не стоило труда возиться съ ней! Торо предпочиталъ досугъ укра-

*) Необходимо однако напомнить, что, если бы кто-нибудь сталъ дѣлать этотъ опытъ при современныхъ условіяхъ, какъ наемный рабочій, онъ долженъ быть готовъ къ тому, что онъ не получитъ даже ничего подобнаго настоящему вознагражденію за свой трудъ.

шеніямъ; другіе могутъ предпочитать украшенія свободѣ. Тутъ вреда нѣтъ никакого: всѣ характеры, всѣ темпераменты, всѣ индивидуальности— все милости просимъ. Единственное условіе это, что вы не должны ожидать получить и украшенія, и свободу вмѣстѣ. Если вы хотите жить въ комнатѣ, полной всякихъ украшеній, никто не можетъ вамъ сдѣлать ни малѣйшаго возраженія, но вы не должны ждать, чтобы общество, въ лицѣ вашей горничной, вытирало для васъ пыль съ нихъ,—если вы въ свою очередь не сдѣлаете за это чего-нибудь полезнаго для общества. Я думаю, теперь нечего говорить о томъ, что дать за это немного денегъ не есть «сдѣлать что-нибудь полезное», если деньги эти не заработаны честнымъ трудомъ *).

Будемъ мужественны!.. Въ царствѣ этого идеала честной жизни есть достаточно мѣста для всякаго таланта, для всякаго ума, всякой мысли, всякаго темперамента. Это не узкій, скомканный идеалъ; онъ о д и н ъ заключаетъ въ себѣ возможность человѣческаго братства. Но помните: онъ несовмѣстимъ съ тѣмъ, другимъ идеаломъ. Я говорю это серьезно. Я знаю, что значитъ для человѣка оставить условія, въ которыхъ онъ былъ

*) Что разумѣетъ Карпентеръ — и вмѣстѣ съ нимъ всѣ нелгущіе люди—подъ честнымъ трудомъ, видно изъ его личной жизни (см. краткій біогр. очеркъ въ началѣ книги, послѣдній періодъ времени въ жизни этого замѣчательнаго человѣка). Примѣч. изд.

воспитанъ; я не хочу также бросить тѣни на какой-либо отдѣльный классъ, такъ какъ я знаю, что идеалъ этотъ проникаетъ теперь болѣе или менѣе большую часть націи. Но моментъ требуетъ вѣрности ему—ждать болѣе нельзя. Англія стоитъ на краю пропасти, отъ гибели ее не спасутъ никакія богатства, никакія сооруженія, никакая дипломатія — спасти можетъ только пробужденіе національной совѣсти. Если совѣсть проснется, нація будетъ жить, если же нѣтъ?..

Язва дошла до самаго сердца націи. Ея мужчины и женщины благороднаго происхожденія превратились въ игрушечныхъ лэди и джентльменовъ; вѣчное благообразіе и красота добровольной бѣдности и простоты забыто въ недостойной свалкѣ за мягкія кресла. Справедливость и честность растворились въ скулящей, водянистой филантропіи; правило чести въ отношеніяхъ между хозяиномъ и слугой, должникомъ и кредиторомъ, продавцемъ и покупателемъ стало правиломъ безчестія, скрытности, лицемѣрнаго покровительства и жестокаго торга. И Англія лежитъ умирающей отъ своихъ дѣтей, которыя должны бы любить ее...

Что касается васъ, рабочіе люди, въ которыхъ теперь вся надежда Англіи, я призываю васъ отбросить прочь этотъ идеалъ, я призываю васъ выйти изъ этой благовоспитанной комедіи, перестать уважать людей только потому, что они носятъ хорошую одежду и дорогія украшенія и жи-

вутъ въ величественныхъ домахъ. Вы знаете, что вы поступаете именно такъ, или притворяетесь, что поступаете, а и то, и другое глупо. Довольно уже имѣли мы поклоновъ и драпья за вихры. Настало вамъ время внушить уваженіе къ человѣческому труду. Я ничего не имѣю противъ, если человѣкъ говоритъ «сэръ» своей ровнѣ или тому, кто старше его, но я протестую, если онъ обращается такъ къ сюртуку изъ тонкаго сукна или къ вѣсамъ, на которыхъ вѣшаютъ золото въ банкѣ. Почему вы молчите, а не говорите «да» и не дѣлаете этого? Не забывайте, что и вы также должны поучиться честности. Вы знаете, что въ глубинѣ вашего сердца вы презираете всю эту безсмыслицу; вы знаете, что, когда «джентльмэнъ» повернется къ вамъ спиной, вы передразните его манеры, его самодовольно надутый видъ или даже какъ-нибудь хуже отмстите тому, который, какъ вы думаете, не правъ передъ вами. Не лучше ли было бы, если бы вы не скрывали свое это отношеніе, а ради уваженія къ самимъ себѣ, искренно и твердо признали его?

Возрожденіе Англіи невозможно также безъ жертвъ съ вашей стороны, — напротивъ, что бы для этого ни было сдѣлано, на вашу долю придется дѣлать болѣе всѣхъ. Вамъ часто придется подвергаться оскорбленіямъ, рисковать своимъ положеніемъ, терять его, быть смѣшными въ глазахъ людей, вамъ будутъ давать клички анархистовъ, соціалистовъ, коммунистовъ.. Но что дру-

гое хотите вы встрѣтить? Нѣтъ никакой пользы проповѣдывать на словахъ демократію, если вы намѣрены стоять и подпирать своими плечами сгнившія балки феодализма, о которыхъ, какъ бы онѣ ни были въ теченіи трехъ столѣтій источены червями лихоимства, мы не имѣемъ нужды говорить ничего худшаго, чѣмъ то, что пришло время имъ рухнуть.

Отнынѣ, повторяю, вы должны работать надъ собой—словомъ, мыслью, дѣломъ,—вырвать изъ сердца съ корнемъ эту «благовоспитанную» куклу, этотъ нарикмахерскій идеалъ и твердо стать—тамъ, гдѣ вы стоите, — на широкой, священной почвѣ человѣческаго труда. До тѣхъ поръ, пока вы будете избирать въ парламентъ людей только потому, что они ѣздятъ въ каретахъ, до тѣхъ поръ, пока вы не будете въ состояніи созвать митинга безъ того, чтобы не пригласить предсѣдателемъ какого-нибудь «эсквайра», надъ которымъ вы же втихомолку подсмѣиваетесь,—пока вы не сумѣете обходиться въ вашихъ обществахъ взаимопомощи безъ баронетовъ и поповъ,—до тѣхъ поръ вы будете измѣнять вашимъ естественнымъ инстинктамъ и вашему великому будущему.

Будьте лучше смѣлы, чѣмъ унижены, рѣзки, чѣмъ глупо довольны, но лучше всего, будьте тверды, поддерживайте одинъ другого, избѣгайте раздоровъ, будьте до мелочности честны въ душѣ, милосердны даже къ врагамъ, но испол-

нены рѣшимости, что ничто не помѣшаетъ вамъ идти къ цѣли, которую вы себѣ поставили: справедливое распредѣленіе въ обществѣ труда вашего и другихъ людей, возвращеніе къ честной жизни, какъ единственно возможному основанію національной жизни и національнаго спасенія, и искупленія Англіи отъ тяготѣющаго надъ ней проклятія...

Общественный прогрессъ и значеніе въ немъ личности.

(1886).

> **Вселенная не могла бы быть сотворена, если бы Богъ не былъ человѣкомъ.**
>
> ***Сведенборгъ.***

Общественный прогрессъ—предметъ, привлекающій въ наше время всеобщее вниманіе. Всюду мы слышимъ ликованія и крики реформаторовъ и намъ подчасъ надоѣдаетъ ихъ шумная настойчивость и ихъ панацеи, но когда мы подходимъ къ тому злу, на которое они стараются привлечь наше вниманіе—хотя зло это у насъ подъ носомъ,—и видимъ, какъ все это серьезно, когда мы видимъ эту ужасающую бѣдность и страданіе всюду вокругъ насъ, видимъ, какъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ легко прослѣдить начало всѣхъ этихъ золъ въ извѣстныхъ учрежденіяхъ, намъ трудно остаться людьми, если мы не сдѣлаемъ нѣкотораго усилія, чтобы измѣнить эти учрежденія и состояніе общества, сопровождающее ихъ. Право, временами мы чувствуемъ, что нашъ высшій долгъ шумѣть съ наиболѣе шумными и настаивать, чего бы это ни стоило, чтобы добиться справедливости и стереть съ лица земли беззаконіе.

Но все же, съ другой стороны, когда, выйдя изъ жаркаго и шумнаго столкновенія, мы сосреточимся немного и посмотримъ на міръ, когда мы поймемъ,—что съ каждымъ днемъ становится все яснѣе и яснѣе,—что міровая жизнь это гигантскій ходъ вѣковъ, двигающихся съ правильной, непреодолимой силой, съ точностью и фатальностью какого-нибудь небеснаго свѣтила,—какимъ абсурдомъ кажется намъ вся наша суета, какимъ пустымъ сотрясеніемъ воздуха!.. Огромное животное медленно идетъ впередъ тяжелымъ шагомъ слона. На головѣ его сидитъ прогрессистъ, на хвостѣ консерваторъ, но обоихъ ихъ везутъ, не спрашивая, хотятъ они этого или нѣтъ, и обоихъ, и очень скоро и неизбѣжно стряхнутъ на землю, въ прахъ. Одинъ реформаторъ кричитъ: «этой дорогой!», другой: «нѣтъ, той!», но надвигается гигантская нога и давитъ ихъ обоихъ безразлично, давитъ и того, кто былъ увѣренъ, что онъ правъ, и того, который думалъ, что этотъ первый ошибался, давитъ и того, кто хотѣлъ облегчить ему ходъ, и того, кто хотѣлъ остановить его, одинаково...

Долженъ сознаться, что я постоянно колеблюсь между этими двумя противоположными точками зрѣнія. Съ одной стороны—справедливость, которая должна быть и будетъ осуществлена, съ другой — равнодушная, идущая изъ вѣчности судьба, которая не можетъ быть измѣнена.

Гдѣ же истина? И есть ли она тутъ вообще?

Можетъ быть, нѣтъ. Чѣмъ болѣе я думаю объ этомъ, тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что всѣ объясненія, теоріи общественныхъ измѣненій, наблюдаемыхъ нами, что силы, ихъ производящія, что цѣли, ими достигаемыя,—лежатъ гдѣ-то глубоко, глубоко, никому невѣдомыя, и что поэтому наиболѣе глубокая наука едва-ли сдѣлала большее, чѣмъ прикоснуться только къ краю этого огромнаго предмета. Поверхностныя объясненія и настроенія общественной мысли измѣнчивы, кажущіяся цѣли не имѣютъ ничего общаго съ цѣлями дѣйствительными, люди, учрежденія, народы болѣе или менѣе игрушки или пѣшки въ игрѣ, а рука, движущая ихъ, совершенно невидима, недоступна никакому наблюденію.

Поясню примѣромъ. Вы видите молодое растеньице, поднимающееся изъ земли. Васъ поражаетъ сильный жизненный ростъ его. Какая элластичность, энергія, какъ оно хватаетъ все нужное ему и изъ воздуха, и изъ солнечнаго луча, и изъ земли, какъ оно блещетъ съ каждымъ часомъ все новой и новой красотой! Васъ интересуетъ узнать, что значитъ вся эта дѣятельность. Вы начинаете наблюдать растеніе. Оно распускается, почки лопаются и показываются листья. Вотъ, значитъ, къ чему оно стремилось.

Но въ углахъ соединенія листа со стеблемъ есть еще почки, а изъ нихъ выходятъ еще листья. Молодой побѣгъ вѣтвится и становится малень-

кимъ деревомъ или кустомъ. Развѣтвленіе и появленіе новыхъ почекъ продолжается,—видимое повтореніе одной и той же формулы. Но вотъ появляется бутонъ. Вотъ она, наконецъ, истинная цѣль!

Разсматривали ли вы, однако, когда-нибудь бутонъ—розы, напримѣръ, или еще лучше даліи? Въ ранней молодости бутоны этой послѣдней только зеленые бугорки. Разрѣжьте одинъ изъ нихъ вашимъ перочиннымъ ножомъ: вы увидите зеленую или бѣловатую массу, повидимому, лишенную почти всякой организаціи. Разрѣжьте другую, болѣе раннюю, и вы увидите, что появились нѣкоторые слѣды строенія, что можно уже ясно различить контуры и эскизы того, что должно послѣдовать; слѣдующій бутонъ, еще болѣе ранній, обнаружитъ уже все строеніе: подъ наружной оболочкой — прозрачной у даліи—можно уже видѣть лепестки вполнѣ сформировавшіеся, но еще не отдѣлившіеся одинъ отъ другого. Всѣ они составляютъ еще какъ бы одно цѣлое, зачатые, но не освобожденные, подобно статуѣ, скрытой въ каменной глыбѣ, изъ котораго она будетъ изсѣчена, или мысли въ мозгу скульптора. Но они растутъ и развертываются все болѣе и болѣе съ каждымъ моментомъ. Наружные, чашелистники, образуютъ оболочку, которая въ теченіе извѣстнаго времени предохраняетъ молодую почку, но она также и держитъ ее взаперти. Начинается борьба — потомъ чашелистники уступаютъ, отпадаютъ или отходятъ на задній планъ и почка раскрывается.

Лепестки начинаютъ развертываться и, какъ живые, тянутся на свободу, къ свѣту. Но этимъ дѣло еще не кончается. Каждый лепестокъ, распускаясь, обнаруживаетъ подъ собой еще лепестокъ; эти, молоденькіе лепестки, толкаютъ первыхъ наружу и, когда эти послѣдніе начинаютъ уже вянуть, тамъ, внутри цвѣтка, все еще идутъ одни за другими ряды новыхъ лепестковъ. Оболочка раскрывается за оболочкой—таковъ законъ природы...

Наконецъ, внутри послѣдняго ряда лепестковъ показывается блестящая красотой группа половыхъ органовъ. Теперь лепестки, цвѣтокъ, который, полный блеска, красокъ, аромата, только что казался высшимъ выраженіемъ и цѣлью всей жизни растенія, — теперь оказывается только средствомъ, введеніемъ, второстепенной вещью, простой вывѣской и приманкой для насѣкомыхъ. Внутри его лежитъ золотой кругъ тычинокъ, волшебный жезлъ пестика и драгоцѣнный ковчегъ плодника.

Теперь, наконецъ, мы знаемъ, зачѣмъ все это было, или, по крайней мѣрѣ, намъ кажется, что знаемъ—но только на одно мгновеніе, а затѣмъ мы убѣждаемся, что ошиблись, такъ какъ появленіе плодника не конецъ, а только начало. Лепестки, цвѣтокъ вянетъ и отпадаетъ, онъ больше не нуженъ, его работа сдѣлана. Но плод-

никъ начинаетъ увеличиваться, формироваться, въ немъ обозначается извѣстное планомѣрное строеніе, что то внутри его совершается — какъ раньше въ безформенной почкѣ цвѣтка. Вотъ онъ лопается, раскрывается и отпадаетъ, — онъ тоже былъ только оболочкой, онъ тоже болѣе ни на что не нуженъ, такъ какъ внутри его оказались сѣмена, цѣль всей этой долгой работы!

Кончено-ли изслѣдованіе? Кончился-ли процессъ? Нѣтъ...

Здѣсь, внутри этого крошечнаго сѣмени, лежитъ обѣтованіе, намѣреніе, жизненный принципъ, законъ, вдохновеніе—называйте это, какъ вамъ угодно,—жизни этого растенія. Можете вы найти, открыть ее?

Сѣмя падаетъ въ землю. Оно увеличивается, принимаетъ извѣстную форму и строеніе—точь въ точь такъ, какъ это было съ плодникомъ, въ которомъ оно было заперто, и съ цвѣточной почкой, заключавшей въ себѣ плодникъ, какъ съ древесной почкой, въ которой заключалась почка цвѣточная. Сѣмя падаетъ въ землю, сбрасываетъ съ себя оболочки, — всегда сбрасываются оболочки! — и открываетъ зародышъ растенія: корешокъ, стебель, сѣмянодоли, все сполна. И кругъ начинается съизнова.

Въ концѣ концовъ мы сбиты съ толку! Мы прослѣдили весь этотъ поразительный процессъ, мы видѣли каждую ступень въ развитіи растенія, которая сперва представлялась намъ конечной, а потомъ оказывалась только оболочкой слѣдующей стадіи. Въ поискахъ за тайной жизни растенія мы снимали оболочку за оболочкой и дошли до крошечнаго сѣмени. Но сѣмя, найденное нами, подобно всякой другой стадіи, оказывается только оболочкой, которая тоже будетъ сброшена въ свою очередь, а то, что намъ нужно, лежитъ гдѣ-то еще глубже. Жизнь растенія снова начинаетъ свой циклъ или, вѣрнѣе, она никогда и не кончается; при ближайшемъ разсмотрѣніи мы видимъ, что она не повторяется, идетъ не по кругу, а скорѣе по спирали. Молодое растеніе не такое, какъ его родители, и слѣдующее поколѣніе будетъ отличаться отъ него. Когда оболочки будутъ сброшены тысячи, сотни тысячъ разъ еще, появится новая форма. Будетъ она болѣе близкимъ и болѣе совершеннымъ, чѣмъ прежде, выраженіемъ скрытой въ растеніи тайны или чѣмъ-нибудь инымъ?..

Возвратимся, однако, къ обществу. Я началъ указаніемъ на контрастъ между суровымъ, неумолимымъ ходомъ его въ цѣломъ и одинаково могущественной рѣшимостью личности вмѣшаться въ этотъ ходъ, рѣшимостью, вызванной созерцаніемъ того, что называется зломъ, рѣшимостью, которой даетъ форму какой-то идеалъ, сознаніе чего-то лучшаго, живущее въ душѣ этой личности. Вообразите себѣ волненіе, которое должно происходить въ почкѣ, когда лепестки розы начинаютъ формироваться! Представьте себѣ всѣ эти аргу-

менты, споры, пререканія между атомами о томъ, къ какому лепестку они должны присоединиться! Нужно создать, развить цѣлую организацію. Это дѣло, наконецъ, кончено, лепестокъ сформированъ. Онъ распускается навстрѣчу солнцу, онъ прекрасенъ и непороченъ въ теченіе одного дня; потомъ онъ вянетъ, его дѣло сдѣлано, его оттѣсняютъ въ сторону и на его мѣсто становится другой, идущій изъ сердца цвѣтка.

Одно общественное движеніе смѣняется другимъ; завершеніе одного служитъ сигналомъ для начала другого. Здѣсь не можетъ быть стереотипа: не измѣняться значитъ умереть—таковъ законъ жизни, такъ какъ—причина простая - одной формы недостаточно для выраженія тайны жизни. Чтобы выразить это, нужны цѣлые безконечные ряды формъ.

Даже крабъ не можетъ жить, не мѣняя своего панцыря. Онъ вырастаетъ изъ него. Онъ чувствуетъ себя неловко, стѣсненнымъ, угрюмымъ, раздраженнымъ — также, какъ почка предъ тѣмъ какъ разорвать оболочку, какъ общество, когда мертвыя формы и учрежденія, въ большинствѣ случаевъ представляемыя властвующими классами, задерживаютъ его ростъ,—чувствуетъ себя также тревожнымъ, охваченнымъ боязью. Онъ—крабъ—прячется подъ скалу, въ безопасное мѣсто. И вдругъ его панцырь трескается, отпадаетъ, а изнутри медленно, спокойно формируется другой,

болѣе удобный для него. Но онъ не послѣдній, онъ только прелюдія къ слѣдующему...

Феодальное устройство общества замѣнило собой родовое и патріархальное, коммерческое, основанное на конкурренціи, замѣняетъ феодальное, соціалистическое замѣнитъ коммерческое и въ свою очередь будетъ замѣнено другими стадіями; и каждая изъ этихъ стадій заключаетъ въ себѣ многочисленныя меньшія развитія. Политикъ или реформаторъ, который смотритъ на какую нибудь изъ этихъ стадій или шаговъ, какъ на заключающую въ себѣ весь секретъ и искупленіе общества, совершаетъ такую-же ошибку, какъ теологъ, считающій какую-нибудь доктрину необходимой для спасенія. Онъ обрекаетъ себя самой ужасной жестокости, узости ума, нетерпимости; если у него есть власть, онъ станетъ тираномъ. Точно такая же опасность угрожаетъ каждому изъ насъ въ повседнавной жизни. Гдѣ изъ насъ человѣкъ, который—хотя его разумъ и можетъ оспаривать это—не поддавался привычкѣ смотрѣть на какую нибудь перемѣну въ его жизни или въ окружающемъ, какъ на содержащую въ себѣ въ концѣ концовъ секретъ его счастья, который, побуждаемый этими безбрежными перспективами, не дѣлалъ такого, о чемъ впослѣдствіи онъ сожалѣлъ и что кончалось разочарованіемъ? Есть золотой вѣкъ, но онъ не принадлежитъ ни одной изъ системъ общества, которыя могутъ быть названы, ни одной доктринѣ, ни одному символу вѣры,

ни одному обстоятельству или обстановкѣ индивидуальной жизни. Тайна жизни растенія скрыта не въ одной какой-нибудь фазѣ его развитія; она переходитъ изъ одной фазы въ другую, скрытая всеже внутри, и внутри послѣдней. Она—въ горчичномъ зернѣ, такъ она мала. Однако, она правитъ всѣмъ, она цѣль всякой стадіи; она подобна дрожжамъ: незамѣтныя въ большомъ количествѣ муки, они все же заставляютъ подниматься всю квашню...

О тенденціи общественныхъ формъ къ стереотипу я уже упоминалъ; самымъ важнымъ и въ нѣкоторомъ смыслѣ самымъ пагубнымъ обстоятельствомъ этого является — законъ. Общественный прогрессъ есть постоянная битва съ нимъ. Народные обычаи, превращенные въ законъ, костенѣютъ и даже, благодаря этому, скоро становятся зломъ. На наиболѣе развитыхъ стадіяхъ общества, когда образуются уже классы, законодательство находится въ рукахъ какого нибудь одного класса и законы представляютъ изъ себя только окостенѣвшіе — часто очень окостенѣвшіе,—обычаи этого класса. Эта чешуя законовъ, эта оболочка должна быть сброшена во что бы это ни стало или, вѣрнѣе, она неизбѣжно будетъ сброшена, когда развивающаяся внутри жизнь народа будетъ готова къ освобожденію. Это дурной знакъ, когда терпѣливый, находящійся подъ покровительствомъ «закона» народъ, съ кротостью овецъ подчиняется старымъ

формамъ, которыя въ дѣйствительности давно уже сгнили.

Мнѣ вспоминается одинъ митингъ, на которомъ читался памфлетъ, написанный итальянцемъ, членомъ одного секуляристскаго общества, для доказательства, что виновникъ всего человѣческаго прогресса—дьяволъ. Конечно, съ своей точки зрѣнія, онъ правъ. Духъ оппозиціи къ установленному порядку, война противъ безконечнаго существованія всякаго учрежденія, какъ бы ни было оно хорошо для извѣстнаго времени—все это необходимый элементъ общественнаго прогресса, насущное условіе самой общественной жизни. Безъ этого оно умерло бы.

Законъ это петля, удавка. Однако, если онъ фигурируетъ въ общественной жизни какъ зло, онъ не можетъ быть поэтому представленъ, какъ нѣчто совсѣмъ дурное или безполезное. Напротивъ, само появленіе его, какъ зла, есть уже отчасти польза. Это оболочка, которая защищаетъ и укрѣпляетъ почку, запирая ее въ тоже время. Возможно, что само запираніе это и насильственная репрессія, которую оболочка производитъ, есть одинъ изъ элементовъ болѣе быстрой организаціи почки внутри нея. Это панцырь краба, дающій форму и устойчивость его тѣлу, но отпадающій, когда понадобится форма болѣе просторная.

Въ наше время, въ современномъ обществѣ, препятствіе росту народной жизни яв-

ляется въ лицѣ капиталистическаго строя. Господствующій классъ со всѣми своими законами и учрежденіями образуетъ оболочку, которая со временемъ должна быть сброшена, какъ въ свое время была сброшена оболочка феодальной аристократіи. Коммерческая и капиталистическая оболочка, безъ сомнѣнія, охраняла, давала форму и даже вскармливала растущую жизнь народа. Но теперь ея роль въ этомъ отношеніи подходитъ къ концу. Она оказывается теперь препятствіемъ, зломъ и должна быть сброшена или насильственнымъ прорывомъ или, возможно, постепеннымъ поглощеніемъ ея народной жизнью...

Во всѣ времена и съ какой бы то ни было точки зрѣнія нужно помнить, что законы дѣлаются народомъ, а не народъ законами. Современное европейское общество загромождено такимъ огромнымъ и сложнымъ перепроизводствомъ законовъ, что всюду распространилось убѣжденіе, что вся эта махинація необходима для поддержанія народа въ порядкѣ, что безъ нея народъ не можетъ жить какъ слѣдуетъ; между тѣмъ всѣ наблюденія надъ первобытными и дикими народами, обходящимися безъ законовъ и даже безъ всякихъ властей и учрежденій, съ одной стороны, съ другой наблюденія надъ цивилизованными людьми, свободными отъ закона (какъ на новыхъ золотыхъ пріискахъ и, вообще, гдѣ-нибудь въ глуши)—все убѣждаетъ насъ какъ разъ въ обратномъ. Человѣкъ обладаетъ инстинктомъ

порядка и законъ есть только выраженіе этого инстинкта. Приписывать порядокъ въ жизни закону все равно, что приписывать строеніе краба вліянію его панцыря. У закона есть цѣль и вліяніе, но ошибочно думать, что онъ предназначенъ поддержать порядокъ. Вся эта махина со своей полиціей и тюрьмами безсильна сдѣлать это. Въ лучшемъ случаѣ законъ сохраняетъ порядокъ выгодный для какого-нибудь одного класса; онъ—оружіе медленной и обдуманной войны. Онъ возникаетъ изъ ненависти и возбуждаетъ оппозицію и такимъ образомъ имѣетъ благотворное вліяніе.

Фихте сказалъ: «цѣль всякаго правительства—сдѣлать правительство излишнимъ». И, конечно, если внѣшняя власть всякаго рода имѣетъ конечную цѣль, цѣль эта не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ установить и укрѣпить власть внутреннюю. Когда процессъ этотъ законченъ, правительство въ обычномъ смыслѣ этого слова уже «излишне». Во всякомъ случаѣ, эта внѣшняя правительственная власть, очевидно, сама себя разрушаетъ. Правительство не обладаетъ неизмѣняемостью и не имѣетъ конечной цѣли, но во всякій историческій періодъ является только оболочкой, подготовляющей силу, которая должна будетъ сбросить ее...

Такимъ образомъ, я, правда, отрывочно и не полно, указалъ на нѣсколько общихъ условій общественнаго прогресса, условій, благодаря ко-

торымъ ростъ общества можно, кажется, сравнить съ ростомъ растенія, животнаго или небеснаго свѣтила, подчиненнымъ своимъ собственнымъ законамъ и порядку, предъ лицомъ которыхъ личность на первый взглядъ—ничто. Но, какъ всегда, есть такъ сказать противоположная истина, которую нельзя упускать изъ вида. Если общество идетъ своимъ мѣрнымъ, непреодолимымъ ходомъ, точно также, какъ часть общества и часть всего міра, идетъ и человѣкъ. На своемъ мѣстѣ и человѣкъ также непреодолимъ.

Когда вы уловили то, что вдохновляетъ вашу жизнь, ваше абсолютное предназначеніе, вы также непреодолимы и вся эта гигантская сила міровыхъ законовъ стоитъ за вами. Какъ бы ни были огромны вѣковыя учрежденія общества, какъ бы ни были широки предѣлы, размахъ его традицій и обычаевъ, тѣмъ не менѣе, предъ лицемъ всего этого, слова «я хочу» имѣютъ свое значеніе.

Возьмемъ законъ борьбы за существованіе, на который политико—экономы смотрѣли, можетъ быть, и не безъ нѣкотораго основанія, какъ на базу общественной жизни. Часто говорятъ, что этотъ законъ соперничества правитъ какъ міромъ животныхъ и растеній, такъ и человѣческимъ обществомъ, и потому, говорятъ, это законъ природы и безполезно и безнадежно ожидать, что въ основаніе общества можетъ быть когда нибудь положено что-либо другое. Однако я утверждаю, что, допустивъ это предположеніе,

что соперничество было до сихъ поръ міровымъ закономъ, послѣднимъ словомъ природы, все же, если только встанетъ хоть одинъ человѣкъ, встанетъ и скажетъ: «это болѣе не будетъ такъ», скажетъ: «это не послѣднее слово моей природы, мои поступки, вся моя жизнь объявляетъ это»,—и съ этого момента этотъ, такъ называемый, законъ перестанетъ существовать. Часть вселенной, человѣкъ этотъ, имѣетъ такое-же право голоса, какъ и все остальное, и какъ по элементарному закону гидростатики, тоненькій столбикъ воды, будучи на одной и той же высотѣ, можетъ уравновѣсить цѣлый океанъ, точно также его Воля (если только онъ правильно понимаетъ ее) можетъ уравновѣсить все, что только можно поставить противъ него. Если только одинъ человѣкъ— въ области общественныхъ отношеній,—изъ глубины своего сердца скажетъ: «этого не должно быть,—ищите чего-нибудь лучшаго», слово его, весьма вѣроятно, будетъ сильнѣе всѣхъ учрежденій, всѣхъ традицій. Почему? Потому что въ глубинахъ своего собственнаго сердца онъ касается также сердца общества, сердца человѣчества. Внутри себя, въ покоѣ, онъ узрѣлъ тайну, увидѣлъ свѣжую корону лепестковъ, золотой рядъ тычинокъ, сложенныхъ и дремлющихъ въ почкѣ. Человѣкъ образуетъ общество съ его законами и учрежденіями, человѣкъ же можетъ и преобразовать

ихъ. Будьте увѣрены, что тайна этой власти лежитъ гдѣ-нибудь въ васъ-же.

Фатальныя слова, сказанныя личностью, слова прогресса, вызваны тѣмъ, что называется з л о м ъ. Всякое человѣческое учрежденіе хорошо въ свое время, затѣмъ оно становится зломъ,—однако, можно усумниться: зло ли оно само по себѣ или только потому, что мѣшаетъ сдѣлать слѣдующій шагъ. Всякій лепестокъ выталкивается наружу слѣдующимъ за нимъ лепесткомъ. Новый ростъ нравственнаго чувства имѣетъ мѣсто сперва въ человѣкѣ, а это даетъ начало новому идеалу, заставляетъ любить что-то такое болѣе, чѣмъ все видѣнное до этого момента. Тогда, въ свѣтѣ этой новой любви, этого болѣе совершеннаго желанія, то, что было раньше, и то, что существуетъ въ данный моментъ, кажется поблекшимъ и фальшивымъ (f a l s e), т. е. готовымъ отпасть (f a l l), подобно лепесткамъ. Все это стало ненавистнымъ, это—зло, а распознаніе зла есть уже обѣтованіе чего-то лучшаго.

Не дайте вовлечь себя въ заблужденіе предположеніемъ, что только наука и интеллектъ могутъ быть источниками общественнаго прогресса или перемѣнъ. Нѣтъ, источникъ этотъ въ нравственномъ рожденіи и ростѣ, а наука и интеллектъ только даютъ форму рожденному. Довольно распространенное и, повидимому, распространяющееся все болѣе и болѣе мнѣніе, что наука, такая, какъ она есть, можетъ взять общество за руку и,

ставъ его первосвященникомъ, вести его въ славное царство. До извѣстной степени это справедливо. Наука можетъ стать первосвященникомъ, но результатъ ея первосвященническаго служенія будетъ цѣликомъ зависѣть отъ того, какое божество она на землѣ представляетъ, какому богу поклоняется общество. Наука, безъ сомнѣнія, станетъ путеводителемъ людей, но куда она поведетъ ихъ, зависитъ цѣликомъ отъ того, куда они хотятъ, чтобы ихъ вели. Если общество поклоняется богу себялюбиваго любопытства, священный ритуалъ и служеніе ему будетъ заключаться въ вивисекціи и мучительствѣ любящихъ животныхъ; если общество вѣритъ болѣе всего въ матеріальные результаты, наука очень скоро снабдитъ его этимъ, она окружитъ его машинами и продуктами машиннаго производства, она будетъ вихремъ носитъ людей— „сзади паровыхъ котловъ“, какъ говоритъ Рэскинъ,—отъ одного конца свѣта до другого, она окружитъ ихъ всевозможной роскошью и дастъ имъ пятьдесятъ тысячъ игрушекъ вмѣсто одной, которую они имѣли раньше,—но среди всего этого свиста паровыхъ котловъ и грохота безчисленныхъ игрушекъ она не сдѣлаетъ все еще слабаго голоса Бога слышнѣе. Если, короче сказать, люди боготворятъ дьявола, наука поведетъ ихъ къ дьяволу; если они поклоняются Богу, наука откроетъ имъ и расчиститъ стезю Божію. Простыя научныя прилаживанія не приведутъ людей къ золотому вѣку. Допустивъ, что задача заключается

въ достиженіи счастья, необходимо допустить, что въ массѣ человѣческаго рода есть уже раньше извѣстные нравственные элементы, обусловливающіе само *желаніе* ихъ такого счастья, которое достижимо — ихъ способность достичь этого оставимъ въ сторонѣ. Если эти нравственные элементы на лицо, разсудочное или научное рѣшеніе проблемы будетъ скоро найдено, безъ нихъ же нельзя даже сдѣлать никакой серьозной попытки найти его,—то-есть, повторяю,—наука и разсудокъ никогда не могутъ быть источниками общественнаго прогресса и перемѣнъ. Эти источники—въ нравственномъ перерожденіи, во внутреннемъ ростѣ; разсудокъ стоитъ на второмъ планѣ и служитъ только орудіемъ моральныхъ свойствъ.

Коммерческая, основанная на борьбѣ, стадія общественной жизни можетъ быть принята для обозначенія нарожденія въ феодальномъ вѣкѣ новаго (и можетъ быть, большаго) чувства человѣческаго права и достоинства. Поднявшись вмѣстѣ съ протестантизмомъ, это чувство говорило—вмѣстѣ съ протестантизмомъ,—объ индивидуализмѣ, объ утвержденіи достоинства и цѣнности человѣка, какъ человѣка, о протестѣ противъ всякой феодальной власти или жреческой іерархіи. Сперва это былъ взрывъ чувства,—разливающагося всюду чувства равенства. Оно приняло формы индивидуализма — равенство правъ, протестантизмъ въ религіи, конкурренція

въ торговлѣ. Это кончилось общественной эмансипаціей цѣлаго широкаго класса, *буржуазіи*. Феодализмъ, какъ ненужная оболочка почки, былъ сброшенъ, и на нѣкоторое время вся слава, вся жизнь общества принадлежали новому порядку.

Но наше время предъявило новое, болѣе широкое требованіе или, по крайней мѣрѣ, дало новый импульсъ человѣчеству. Борьба, соревнованіе, ставъ символомъ равенства людей, было—какъ и всѣ земныя проявленія того, что божественно — символомъ несовершеннымъ. Оно заключало въ себѣ элементы смерти и распаденія, такъ какъ, разрушивъ сословныя привиллегіи и освободивъ обширный классъ, оно кончило въ концѣ концовъ порабощеніемъ другого класса и утвержденіемъ привиллегіи богатства. Соревнованіе въ дѣйствительности представило только часть человѣческаго равенства, но не все; настаивая на правѣ личности, оно просмотрѣло законъ милосердія; все пропиталось ѣдкой кислотой себялюбія и въ наше время взяло девизомъ «чортъ возьми все!» Вставъ въ славѣ, какъ противникъ беззаконія, творившагося людьми высокими, оно кончило отрицаніемъ того самаго источника, откуда оно взялось. Подобно многимъ народнымъ героямъ, оно превратилось въ тирана и должно раздѣлить участь тирановъ.

Борьба, соперничество осуждены. Когда-то благо, теперь оно стало зломъ. Внезапно—и, воз-

можно, какъ часть одного и того-же процесса—возникаетъ, какъ я сказалъ, новое этическое понятіе. Въ наше время признаки его видны, чувствуются повсюду. Чувствуется, что отношенія, которыя систематически заставляютъ слабѣйшаго гибнуть—не человѣчны. Индивидуализмъ, простая, отдѣльная борьба каждаго на почвѣ равенства за свое личное благо не удовлетворяетъ сердца. Право, какъ бы ни было оно несомнѣнно, воспользоваться слабостью другого уже не нравится намъ болѣе. Наука и разсудокъ ничего не могутъ сказать тутъ, ни за, ни противъ, они могутъ только стоять и смотрѣть; доводы могутъ быть выдвинуты и съ той, и съ другой стороны. Я разумѣю то, что въ этомъ отношеніи идетъ въ общественныхъ чувствахъ перемѣна,—это фактъ; поднимается какое-то, болѣе глубокое чувство солидарности людей, братства, милосердія, болѣе точное и существенное пониманіе значенія слова „равенство", болѣе широкое и рѣшительное чувство справедливости. Хотя теперь оно чувствуется только то здѣсь, то тамъ, однако, по многимъ признакамъ можно заключить, что оно распространяется все болѣе и болѣе и, когда оно охватитъ большинство людей, тогда неизбѣжно, говорю, родится новый порядокъ, или вѣрнѣе, оно само и будетъ этимъ новымъ порядкомъ, новой стадіей въ развитіи человѣческаго общества.

Однажды, въ разговорѣ со мной о современ-

ной политической экономіи, W. Smith (авторъ Thorndale, и др.) сказалъ: «они принимаютъ личный интересъ, какъ единственный руководящій принципъ человѣческой природы и дѣлаютъ его такимъ образомъ основой своей науки, но если даже это теперь и такъ, это можетъ и не быть такъ всегда, и перемѣна основы заставитъ ихъ передѣлать всю ихъ науку». Онъ былъ въ это время совершеннымъ инвалидомъ, можно сказать, на смертномъ одрѣ, и я не увѣренъ, что онъ даже зналъ, что уже существуетъ новая школа политической экономіи, основанная на такомъ, измѣненномъ отчасти базисѣ, школа Маркса, Энгельса, Лассаля и другихъ. Но зналъ онъ объ этомъ или нѣтъ, я утверждаю, что этотъ умирающій человѣкъ—если бы даже онъ былъ совершенно одинъ въ цѣломъ свѣтѣ со своими надеждами,—чувствуя въ себѣ болѣе глубокій, болѣе близкій, задушевный принципъ дѣйствія, чѣмъ тотъ, который выраженъ существующимъ строемъ общества, могъ ожидать съ довѣріемъ, что рано или поздно - если не тотчасъ-же—принципъ этотъ выйдетъ наружу и найдетъ себѣ должное выраженіе въ новомъ порядкѣ вещей. И я утверждаю, что всякій, кто въ наше время чувствуетъ, что въ жизни можетъ быть лучшее знамя, чѣмъ ярмарочное торгашество, болѣе справедливая система вознагражденія, чѣмъ «что А. или В. возьмутъ», и болѣе важный интересъ въ дѣлѣ, чѣмъ «какой процентъ оно дастъ?»—всякій, чув-

ствующій это, содержитъ или скрываетъ въ себѣ зародыши новаго общественнаго порядка.

Соціализмъ—если такъ будетъ называться новая волна общественной жизни,—исходитъ изъ новаго чувства человѣчества и ставитъ базисомъ это новое чувство, лучшій сортъ нравственности. Это его существенная часть. Онъ—наука, но это на второмъ планѣ, такъ какъ мы должны припомнить, что, какъ буржуазная политическая экономія исходила изъ извѣстныхъ моральныхъ данныхъ, точно также соціалистическая политическая экономія обусловливается другими моральными данными. И та, и другая стоятъ довольно прямо на своихъ аксіомахъ. Но когда, съ теченіемъ времени, аксіомы эти снова измѣнятся—что неизбѣжно,—возникнетъ, безъ сомнѣнія, новая наука политической экономіи, а соціалистическая уже будетъ ложной.

Разъ нравственность является существенной частью движенія, важно всегда помнить это. Если соціализмъ, какъ замѣтилъ М. Арнольдъ (Matthew Arnold), хочетъ измѣнить общество, неизмѣняя сердца человѣка, если онъ просто хочетъ смѣстить тѣхъ, кто успѣли захватить себѣ земныя блага, чтобы тѣ, у которыхъ онѣ были отняты, могли захватить ихъ въ свою очередь,—то значеніе его сводится къ нулю; это значитъ, что онъ совсѣмъ неспособенъ произвести никакой перемѣны, кромѣ развѣ самой поверхностной. Если же онъ хочетъ быть существеннымъ, глубокимъ движеніемъ, онъ долженъ обозначать собой измѣненный, новый идеалъ, измѣненное новое пониманіе повседневной жизни, онъ долженъ обозначать нѣсколько лучшее понятіе человѣческаго достоинства,—такое, которое встрѣтитъ презрѣніемъ всякое требованіе того, что не заработано должнымъ образомъ, которое не будетъ смотрѣть, какъ на униженіе для себя на всякую, полезную обществу работу, какъ бы ни была она «унизительна»; онъ долженъ подразумѣвать простоту жизни, защиту слабаго, мужество въ своихъ собственныхъ убѣжденіяхъ, сердечное отношеніе къ ошибкамъ и недостаткамъ другихъ. Все это—сперва, а по доброму куску пуддинга всѣмъ—потомъ!

Какъ можетъ распространиться такая мораль? А какъ растетъ растеніе? Оно—растетъ. Въ этой области существуетъ что-то вродѣ зараженія вліяніемъ. Знаніе можетъ быть передано непосредственно, но новый идеалъ, новое чувство жизни можетъ передаваться только путемъ косвеннаго вліянія одного на другого. И оно передается. Нѣтъ нужды распространяться объ этомъ, — чѣмъ меньше объ этомъ говорить, тѣмъ лучше,—но если внутри васъ живетъ такой новый идеалъ, я думаю, ваша прямая обязанность также, какъ вашъ ближайшій интересъ, въ томъ, чтобы провести его прежде всего въ вашу личную жизнь. Кромѣ того, мы не должны забывать, что мудрый общественный строй, разъ

установленный, — горячей и смѣлой работой немногихъ—вліяетъ въ свою очередь на членовъ этого общества. До извѣстной степени, можетъ быть, справедливо, что людей можно *выращивать*, какъ капусту. И это примѣръ косвеннаго вліянія смѣлаго меньшинства на большинство.

Итакъ,—хотя я и чувствую, что тема эта въ цѣломъ мнѣ слишкомъ не по силамъ, — итакъ, я думаю, что появленіе новыхъ нравственныхъ понятій у личности является по меньшей мѣрѣ очень важнымъ факторомъ въ общественныхъ перемѣнахъ и прогрессѣ. Это можетъ быть и въ одномъ человѣкѣ, и въ сотняхъ тысячъ, но, какъ правило, вѣроятно, что когда одинъ человѣкъ сильно чувствуетъ такой импульсъ, сотни тысячъ людей много ближе къ нему, чѣмъ онъ, можетъ быть, это думаетъ. Когда одинъ листъ, или лепестокъ, или тычинка начинаетъ формироваться на деревѣ, или когда, весной, какое-нибудь растеньице начнетъ прокладывать себѣ путь сквозь влажную землю,—вокругъ есть сотни тысячъ готовыхъ послѣдовать за нимъ тотчасъ же. Какъ бы то ни было, одинъ онъ или нѣтъ, рожденіе новой нравственности священно, какъ священно дитя во чревѣ матери; скрывать его—хула на Духа Святого. И, когда я употребляю здѣсь и выше слово «мораль», читатель, надѣюсь, пойметъ, что я говорю не о тѣхъ безсмысленныхъ, чопорныхъ условностяхъ, которыя часто разумѣются подъ этимъ. Глубоко скрытыя, неизсякаемыя желанія,

источники человѣческой дѣятельности, всю жизнь неостывающія стремленія, подобныя молніи откровенія правды и справедливости, скрытые, подобно драгоцѣнному кладу, идеалы, рожденные въ сердцѣ въ пламени и во мракѣ, въ радости и горѣ, въ слезахъ и средь тріумфовъ,—это все, что угодно, только не условности. Все это могутъ считать и часто считаютъ безнравственнымъ. Это не важно, — все это всетаки священно. Если это лежитъ въ основѣ жизни человѣка, если это ему ближе всего—оно ляжетъ и въ основу жизни человѣчества. «Самому себѣ будь вѣренъ»...

Какъ бы то ни было, смѣлость лучше условности: станьте на свое мѣсто и пусть міръ обойдетъ васъ стороной. Не думайте, что вы правы а всѣ остальные ошибаются. Если вы думаете, что вы ошибаетесь, вы можете быть правы, но если вы думаете, что вы правы, то вы, навѣрное, ошибаетесь. Ваши глубочайшія, высочайшія нравственныя понятія только временны, онѣ пройдутъ. Онѣ только оболочка свободы, той вѣчной свободы, которая не можетъ быть представлена, того мира, который превосходитъ всякое пониманіе. Здѣсь гдѣ-нибудь скрытъ невидимый принципъ жизни, сѣмя въ сѣмени. Имъ можно обладать, но нельзя его вообразить, можно чувствовать, но нельзя представить—кромѣ какъ жизнью и исторіей. Всякій, по скольку онъ соприкасается съ этимъ, стоитъ у источника общественнаго прогресса—за экраномъ, на которомъ разыгрывается фантасмагорія жизни...

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Во всѣхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующіе сборники

И. Ф. НАЖИВИНА.

Передъ разсвѣтомъ	цѣна	1 р. —
Среди могилъ (иллюстр. изданіе.) . .	„	1 „ —
У дверей жизни	„	1 „ —
Въ сумасшедшемъ домѣ.	„	1 „ —

СКЛАДЪ ИЗДАНІЙ

находится при книжн. магазинѣ

«ТРУДЪ»,

Москва, Тверская, 38.

С.-Петербургъ, Невскій пр., 60.

